ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 41 ОКТЯБРЬ 1990

ОТ ВИНТА!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

№ 41 (3299)

6—13 октября

УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Плакат художников Д. СУРСКОГО и Г. ГОРДИШНИКОВОЙ

Оформление А. А. КОВАЛЕВА при участии О. И. КОЗАК

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на 1991 год — 46 руб. 80 коп., на полгода — 23 руб. 40 коп., на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу с 1991 года — 1 рубль.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 17.09.90. Подписано к печати 02.10.90. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2812. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

МЕТРОНОМ

СИТУАЦИЯ

К перспективе открытия Калининградской области для свободного посещения ее иностранцами и превращения в зону свободного предпринимательства различные представители местной власти относятся в достаточной степени настороженно. Несмотря на то, что жители Калининграда связывают свои надежды на лучшее будущее со «свободной зоной», которая, по мнению многих из них, должна будет избавить город и область от дефицита самых необходимых товаров, а также на оптимизм мэра Н. Г. Хроменко, партийные и военные круги выступают за «поэтапное открытие» области.

Первый секретарь Калининградского обкома партии Юрий Николаевич Семенов, к примеру, не против предоставления области особого экономического и политического статуса, однако считает: сначала потребуется создать социальные условия для иностранных граждан и фирм, построить новые гостиницы, улучшить снабжение региона продовольствием за счет снижения поставок в общесоюзный фонд.

Командующий Балтийским флотом адмирал Виталий Павлович Иванов, соглашаясь с Ю. Н. Семеновым, считает, что в любом случае нельзя причинять ущерб обороне страны. К тому же, говорит адмирал, в Калининградской области должен разместиться определенный контингент войск из Восточной Европы. По мнению В. П. Иванова, «свободная зона» ничего хорошего не сулит местным жителям. Например, во Владивостоке после ее организации возросла преступность. Кроме того, немецкие предприниматели, открыв свои предприятия, могут перенасытить область своими специалистами, что приведет к постепенному «онемечиванию» Калининграда.

Что же касается начальника УКГБ по Калининградской области генерал-майора госбезопасности Анатолия Николаевича Сороки, то ему одно из препятствий видится в том, что Калининград не имеет достаточно квалифицированной таможенной службы, а также пограничных подразделений, умеющих работать в режиме пропускного пункта.

Если суммировать эти мнения, то причин для того, чтобы не спешить, набирается более чем достаточно. Сумеют ли местные власти договориться окончательно с парламентом России и Верховным Советом СССР? Этот вопрос по-прежнему носит, к сожалению, дискуссионный характер.

Анатолий ГОЛОВКОВ

Калининград.

ВСТАТЬ, СУД ИДЕТ!

Не спешите вскакивать. Никакой суд пока не идет. И когда он состоится, неизвестно. Между тем граждане Узбекистана и всей страны с нетерпением ждут, когда начнется процесс над Адыловым, «феодалом от социализма», который у себя, в Гурум-Сарае Наманганской области, по сообщениям печати, жестоко эксплуатировал и мучил односельчан, выстроив под видом овощехранилищ нечто вроде средневековых застенков.

Адылов находится под арестом с 1984 года, с тех пор тянется следствие по его делу. Группой руководит следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Борис Евгеньевич Свидерский. Вот что он сообщил по телефону из Намангана нашему корреспонденту:

— Следствие по делу Адылова завершено еще в ноябре прошлого года. Проведена огромная работа, допрошены десятки свидетелей, собраны тома документов. Только обвинение по Адылову составит не менее 6—7 томов. В настоящее время дорабатывается обвинительное заключение, после чего оно будет передано сначала Генеральному прокурору страны, а затем, по всей вероятности, в Верховный суд СССР, который в конце концов, спустя шесть лет, и определит степень вины подсудимого.

Хочется надеяться, что дождемся этого часа. А пока таинственный узник следственного изолятора ждет своей участи, по Узбекистану ходят самые разные слухи, вплоть до того, что Адылов, как и «некоторые другие», будет освобожден из-под стражи и «благодарные дехкане» под радостное пение и танцы усыплют его путь цветами.

(Соб. инф.)

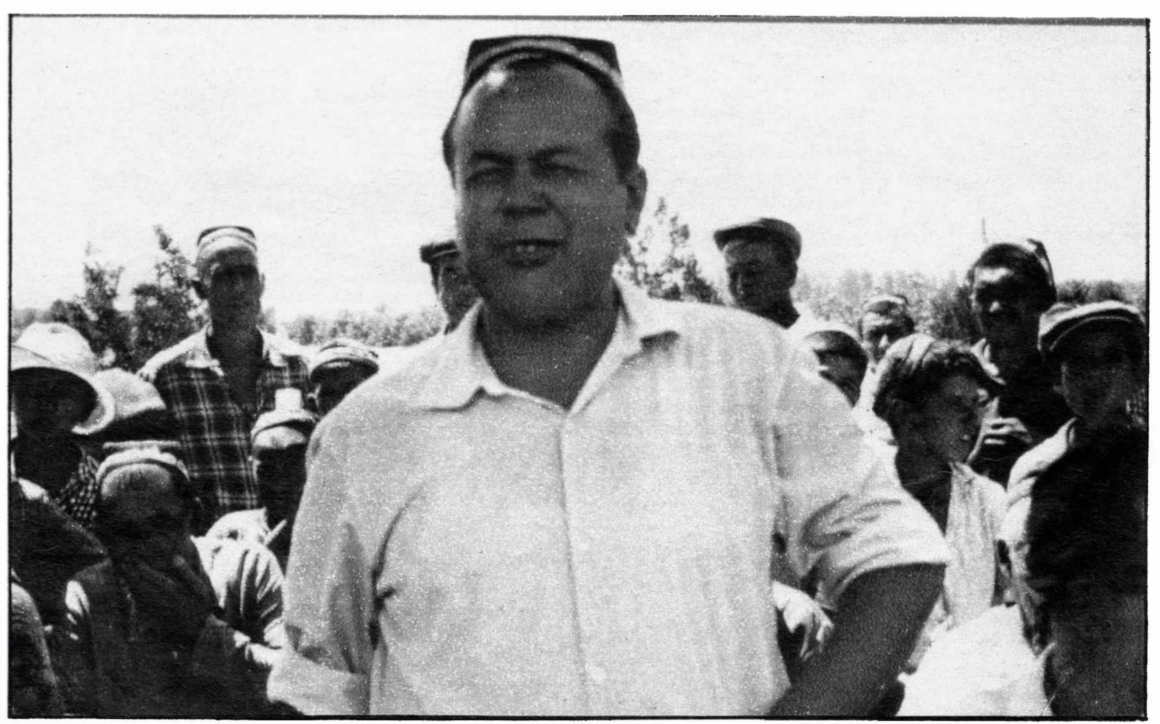

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА

МЕТРОНОМ

2 октября в Московском городском суде началось слушание беспрецедентного дела по иску Олега Калугина, бывшего генерал-майора КГБ, к своему бывшему «департаменту». Цель Калугина — вернуть отнятую у него пенсию, госбезопасности — во что бы то ни стало склонить решение суда в свою пользу и тем самым спасти мундир, на котором опальный генерал наделал столько пятен...

Похоже, что 2 октября открыло целую серию скандальных судебных заседаний по искам Калугина к КГБ, Совмину и, наконец, самому Президенту СССР.

(Соб. инф.)

ОТ ВАНДАЛИЗМА — К ЛЕНИНИЗМУ

Наша ветреная политическая погода, похоже, подняла на Неве волну: ленинградцы борются за возможность называться вновь петербуржцами. Информационная телепрограмма «600 секунд» прослаивает криминальные репортажи изображениями Владимира Ильича, наискось перечеркнутыми жирным «Хватит!». Однако этому «хватит» Ленинградский обком партии коммунистов (который явно не представляет себя «санкт-петербургским губкомом») сказал свое слово. Во всяком случае, в конце сентября комиссия по делам идеологии и культуры приняла резолюцию «Против исторического вандализма», где под вандализмом подразумевается не только разрушение памятников бывшему вождю, но и «очернение памяти» В. И. Ленина и стремление переименовать город. В резолюции отмечается, что «просвещение и исцеление общественного сознания» не тождественно «вседозволенности очернительства» советской истории, что «многие средства массовой информации начали пропагандировать взгляды политизированных дилетантов», которые «вносят идеи возврата к прошлому, реставрации капитализма и даже монархизма».

«Правда больно ранит, но боль исцеления не равна боли самоубийства»,— обобщают в обкоме, предлагая свои способы борьбы с самоубийственной вседозволенностью: во-первых, всерьез изучать историю всех политических партий накануне Октября; во-вторых, изучать Ленина в оригинале, а не в пересказе.

Резолюция ОК КПСС по форме является призывом ко всем слоям общества, вплоть до ЦК КПСС и Президента, перекрыть поток очернительства хотя бы и плотиной специального Указа. И пока Президент переименовывать Ленинград не запретил, всем ленинградцам — возвращенцам к прошлому и невозвращенцам, очернителям и отбеливателям — есть возможность собраться на изломе Невского проспекта и, глянув окрест от Адмиралтейства до Лавры, грянуть шапками оземь:

— Что за прекрасный город основал Владимир Ильич!

Дмитрий ГУБИН,
собственный корреспондент «Огонька»

ДЕМОКРАТИЯ ПОД ПРИЦЕЛОМ

В Азербайджане прошли выборы в республиканские и местные органы власти, в то время как в столице республики — чрезвычайное положение. Сама по себе такая ситуация уникальна. Поэтому Народный фронт Азербайджана во избежание нарушения законности пригласил независимых наблюдателей из других республик.

Нашу группу (со мной прилетели члены Демократической партии России С. Вдовин и А. Блинников) встретил наряд внутренних войск во главе с майором КГБ Чекуриным. Выявив лиц без бакинской прописки, изъяв паспорта, он препроводил их в «фильтрационный пункт» для выяснения цели прибытия. Мы заявили, что приехали по приглашению НФА для наблюдения за проведением выборов, и показали официальный документ. И тогда нас (единственных!) «отфильтровали» и предложили вернуться в Москву. Мы потребовали встречи с комендантом аэропорта. Комендант, подполковник Серов, сославшись на приказ коменданта города об ограничении въезда в Баку, также предложил нам уехать. Тогда мы попросили дать нам возможность посетить другой азербайджанский город, на что получили категорический отказ: «Вы приехали из Москвы и уедете только в Москву». Мы захотели встретиться с самим комендантом города, полковником Буниятовым, но, «к сожалению», выяснилось, что он на предвыборном собрании (оказывается, т. Буниятов — кандидат в народные депутаты: наверное, как раз в тот момент он рассказывал своим избирателям о приверженности к социалистической демократии и правовому государству).

Из бесед выяснилось, что в городе на каждом шагу проверяют документы (наверно, ищут экстремистов), перекрыты также железнодорожный вокзал и все другие подступы к городу, нам советовали уехать по-хорошему, не вмешиваться «в дела суверенного Азербайджана». Один полковник сказал: «Ребята, здесь нет никакой законности — все очень просто: либо вы нас, либо мы вас, и пора бы уже навести порядок и в Москве». Подполковника Серова смущал лишь мой статус депутата Моссовета, иначе нам было бы гарантировано тридцатисуточное административное задержание.

Через три часа раздался звонок из приемной Президента Азербайджана и первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана Муталибова с требованием без излишних формальностей «погрузить депутата Моссовета и сопровождающих его лиц в самолет». Итак, после шестичасового ожидания, после угрозы применения силы, под вооруженным контролем нас посадили в самолет и отправили в Москву.

Проще всего объяснить действия военных режимом чрезвычайного положения. Но насколько демократичны в этом случае сами выборы?

В. ДУБИНИН,
народный депутат Моссовета

ХРОНИКА

Летом этого года Патриархом Московским и всея Руси стал Алексий II. Частью церемониала интронизации было вручение Патриаршего жезла, выданного по специальному указанию Министерства культуры СССР из Оружейной палаты Кремля. Через несколько дней деревянный, с небольшими накладами из позолоченного серебра символ верховенства вернулся в музей.

Жезл связан с именем первого Московского митрополита Петра, жившего в XIV веке. Случай официальной выдачи музейного раритета не имеет прецедента. Так, может быть, вернуть церкви ее святыню?

Инна Вишневская, хранитель музея, считает, что нельзя отдавать жезл Патриарший ни в коем случае. «Чисто гипотетически,— говорит она,— можно предположить, что когда-нибудь в будущем акт передачи и произойдет, но это при условии, что будет создан какой-то особый музей. Сейчас же жезл не должен находиться у церкви, она его не в силах сохранить».

Отец Георгий, протоиерей, настоятель церкви Архангела Михаила: «С уважением отношусь к сотрудникам Оружейной палаты, но никак не согласен с утверждением, что некто предмет хранит, а некто непременно его разрушает. Церковь никогда не разрушала и к своим святыням относилась не менее бережно, чем хранители музеев. Жезл приобрел в глазах верующих духовную силу, от него исходило теплое дыхание шестивековой старины, призывающей не изменять идеалам нравственности, духовности, добра и справедливости. Реликвия должна перестать быть экспонатом. Наше прошение на имя А. И. Лукьянова о передаче жезла, как предмета правопреемственности церкви, осталось, к сожалению, без ответа».

...В зале на первом этаже Оружейной палаты стоит полутораметровый Патриарший жезл. Нет при нем даже элементарной таблички с краткими сведениями. У безымянного экспоната посетители почти не останавливаются, предпочитая созерцать царские скипетры, щедро украшенные жемчугом, восхищаться шапкой Мономаха или ботфортами Петра I...

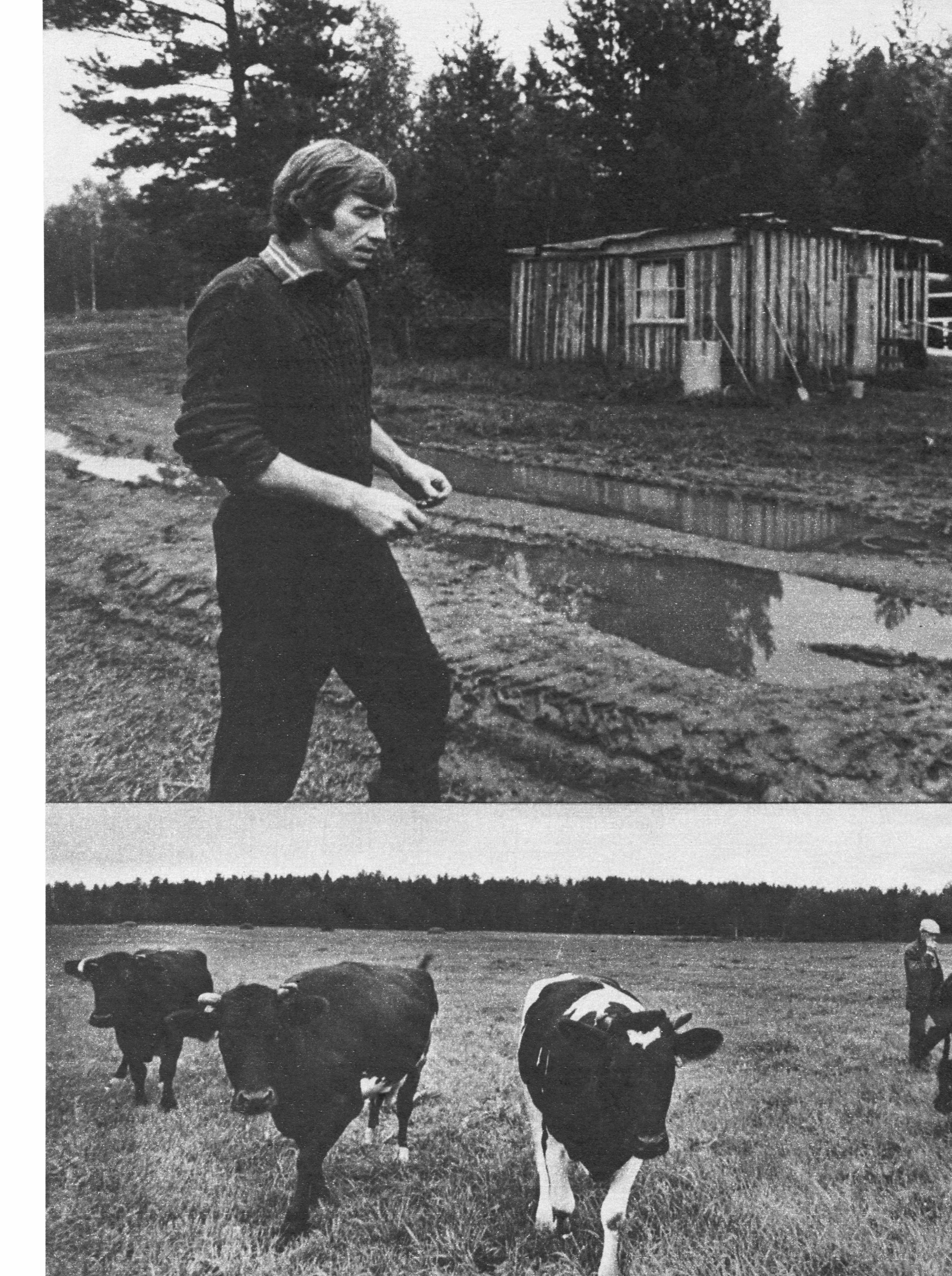
Марат ЦЕБОЕВ

* * *

Руководство Ташкентского городского Совета народных депутатов запретило проведение учредительной конференции Русского культурного центра. Прибывшим на конференцию писателям, артистам, общественным деятелям было заявлено, что вследствие допущенной «организационной ошибки» конференция не состоится.

В этой связи писатель Михаил Гребенюк отметил, что горсовет отказывает в регистрации активистам Русского культурного центра с февраля сего года, хотя в городе уже действуют около десятка других национальных культурных центров. Писатель заявил: «Наше обращение за помощью к академику Лихачеву вызвало парадоксальную реакцию: сейчас в Ташкенте спешно создается альтернативный Русский культурный центр из числа партийных работников, главной задачей которого является изучение узбекского языка».

«Постфактум»

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

КАК РАСТЕТ РЕПЕЙНИК

Юрий ГОВОРУХИН

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА

Аграрная политика партии потерпела крах, она убила в крестьянине и собственника, и труженика, превратила в жалкого поденщика. Деревня умирает, ее надо реанимировать. А реанимация предполагает сильные меры воздействия...

Что такое наш нынешний российский фермер? Чертополох. Взошедший безо всякого обихода и крепко, изо всех сил уцепившийся за землю.

В стране пока более 12 тысяч крестьянских хозяйств, из них половина приходится на Прибалтику, в России же наберется всего полторы-две тысячи. И вот, представьте себе, Нижний Тагил — кузница страны, чадящая литьем и громыхающая сходящими с конвейера танками — вдруг занялся выковыванием собственного крестьянства. Под крылышком местной аграрной ассоциации — кооператива «Союз» — за год создано 70 фермерских хозяйств, четыре аграрные артели и девять сельхозкооперативов. Соискателям крестьянской доли выдано более восьмидесяти актов на владение землей. В некоторых областях и половины этого не наработали. А тут район, да еще промышленный...

ТОЛКАЧИ ИДЕЙ

— Когда мы давали в районной газете объявление, что ищем хозяев на земельные наделы, в зале народу собралось, как на Аллу Пугачеву,— рассказывал Леонид Андреевич Левченко, председатель ассоциации «Союз».— Правда, половина оказалась «дачниками» — они рассчитывали на пять-шесть соток для сада-огорода. «Нам нужны люди,— говорили мы,— готовые поехать за пятьдесят верст, в глушь — строиться и жить, по десять — пятнадцать гектаров обихаживать. Есть такие?» И что вы думаете? Почти половина зала осталась.

Рассказ Левченко может ввести в заблуждение: как все легко! Не верьте. Просто Леонид Андреевич — один из тех пробивальщиков идеи, без которых ничто, нигде и никогда не получается, и для него важен не процесс, а итог.

— «Вчерашние» никак не хотят понять, что я давно разучился бояться,— комментирует попытки удушить «Союз» Леонид Андреевич.— Их бесит также наша финансовая состоятельность и самостоятельность, ведь мы ссужаем фермерам деньги без процентов. Откуда средства? Зарабатываем. Строим школу в селе Ослянка, цехи для переработки картофеля, молока и мяса, прокладываем дороги, организовали передвижной зубопротезный кабинет... И все для того, чтобы наш крестьянин встал на ноги. Мы помогаем ему взять землю, обустроиться, купить материалы и технику. Бизнес — основа нашей будущей независимости.

Обратилась, к примеру, ассоциация «Союз» в горисполком — дайте помещение для магазина, мы организуем продажу продукции фермеров, найдите хотя бы старый, заброшенный домишко — мы оборудуем небольшую гостиницу для крестьян, где бы они смогли переночевать, отдохнуть. Глухо. «Нет возможностей».

А то еще: привез Леонид Андреевич заместителю горисполкома Геннадию Николаевичу Зайцеву чипсы на пробу: «Дайте любую халупу в городе, хоть какой-нибудь завалящий «красный уголок» — через два дня поставим оборудование, всех чипсами накормим». Зампредгорисполкома картофельной соломкой похрумкал, инициативу одобрил. И пообещал решить вопрос с директором горпищеторга. Зашел Левченко позже и в пищеторг, и опять в горисполком, а ему: «Какие чипсы? А-а-а... Нет у нас помещения».

А ведь тому же Нижнему Тагилу фермерский магазин, перерабатывающие цехи, чипсы — подарок, манна небесная.

— Мы гнем свое,— дополняет рассказ Левченко председатель Пригородного АПО Аркадий Михайлович Ершов, тоже один из толкачей идеи.— Конечно, сами понимаете: зависим от началь-

ства, но сам я из крестьян, я все понимаю без аппаратных переводчиков.

Беды села убеждают пока лишь энтузиастов и некоторых толковых руководителей, таких, например, как председатель Пригородного райсовета Василий Дмитриевич Шаров. Он вместе с Левченко и Ершовым входит в триумвират, как здесь говорят, нормальных мужиков, с которыми можно делать дело. Обстановка же такова: из-за нехватки рук, краха так называемого шефства хозяйства района при нарастающем продовольственном голоде в городе сократили в этом году площади под картофелем на 286, а под овощами — на 100 гектаров. Только три совхоза из тринадцати способны окупить свое существование без госдотаций, остальные лжерентабельны и существуют за счет надбавок к ценам за продукцию. А они достигают «зияющих высот»: за мясо аж 185 процентов к обычной цене, за молоко — 160 процентов. Иными словами, государство покупает у таких хозяйств молоко по рублю десять копеек за литр, а мясо почти по пять рублей, нам в магазине продает подешевле, а разницу компенсирует из нашего же кармана. С самими тагильскими совхозами государство также не церемонится: дает им дотаций на 16 миллионов в год, а за запчасти, горючее, стройматериалы, технику дерет с них (по новым ценам) 17 миллионов.

Чахлые колоски совхозного производства не спасают от наступающей клинической смерти ни фондовые подачки, ни финансовые подпорки. На этом фоне фермерский репейник выглядит предпочтительнее, что, казалось бы, очевидно даже для подслеповатых.

КТО ИДЕТ В ФЕРМЕРЫ?

Ответ может несколько озадачить: горожанин. Не будем спешить с оценкой факта: вот, дескать, землю должны брать крестьяне, а не дилетанты, «опять у нас все не как у людей...». Деревня настроена скептически. А чему мы, собственно, удивляемся? Десятилетиями вытравливали из сознания селян такие понятия, как «хозяин», «владелец», культивировали слепого исполнителя конторской воли. Бригадиры и управляющие, специалисты и руководители хозяйств давно превратились в надсмотрщиков, которые недлинным рублем выгоняют народ на ничейные поля. А раз ничейное, значит, никчемное.

Так что выжидает деревня, приглядывается к пожаловавшим из города переселенцам. А их среди семидесяти фермеров больше половины. И народ они интересный. Взять хотя бы Владимира Кондакова. Отслужил в армии, работал в Нижнем Тагиле электрослесарем, женился, старшей Наташе теперь — шестнадцать, а сыну — пять. Володин отец, металлург, теперь на пенсии, мама тоже пенсионерка. И вот взяли они ссуду в Госбанке — 50 тысяч рублей и начали строиться буквально на голом месте. Когда я приехал, то увидел Володю вместе с отцом у времянки, рядом с ней они закладывали фундамент картофелехранилища и фермы. Все это в отличном месте, на живописной полянке, вокруг чудесный уральский лес, и асфальтовая дорога недалеко, но — боже ж ты мой! — начинать крестьянствовать вот так, с нуля, при наших дефицитах?

— Ну, мы, считаю, выкрутились, лесоматериалы помог достать председатель райсовета Шаров, спасибо ему огромное, купили и цемент, и шлакоблоки через магазин потребкооперации,— рассказывал Кондаков.— Теперь ставимся, самим-то, конечно, не управиться, и мы договорились со строительным кооперативом в Тагиле...

— Прости, Володя,— говорю ему,— но, по-моему, взялись вы за неподъемное дело. У вас десять гектаров земли, но нет трактора. Из полученной ссуды вам разрешено взять наличными половину, остальное можно тратить лишь по безналичному расчету. Не разбежишься, тем более что на каждую покупку, независимо как сделанную, от вас в местном отделении Госбанка требуют справку. Это ж сбесишься!

— Знаете, не это страшно, а другое.— Владимир заводится прямо на глазах.— Вот скажите: почему у нас, русских людей, законы или правила создаются в расчете на дурака, который возьмет топор и все изрубит, искромсает, испохабит? Почему так думают о нас, почему мы сами о себе так думаем? Тысячи нормальных людей делают дело, одна сволочь, конечно, найдется, затешется, но закон, правило или инструкция рассчитаны не на тысячи, а на этого одного? Или мы все ненормальные?

Наболело у человека. Думаю, он уже высказывал эти мысли окружающим полянку елочкам, теперь пришла пора мне послушать. А говорил он, по-моему, дело.

— Мало того, что я должник Госбанка, мне еще надо отчитываться перед ним — куда и на что потратил деньги. Представьте, вы дали мне взаймы, а потом все время спрашиваете, как я потратил каждый рубль. Ведь глупость, правда? Главное-то — отдать долг вовремя. А у нас? Я на все спрашиваю разрешение. «А бензопилу мне купить можно?» — «Можно».— «А мотоцикл?» — «Мотоцикл нельзя...» — Тут Володя переводит дух, его лицо, вдохновившееся гневом, светлеет и расправляется: — Но! Смотрите: я тут взял надел не один, а с тезкой, Володей Федотовым, он тоже рабочий из Тагила, у него жена и две дочки. Мы с ним компаньоны, на землях, переданных нам райсоветом в собственность, выращиваем картофель, займемся и овощеводством, опять же баранина — мясо скороспелое, быстро себя окупает. Хотим развести свиней, поставить десять коров... Перспектива есть, а это главное. Конечно, на нас можно посмотреть — и смотрят! — как на сумасшедших. Но, понимаешь, как бы тебе это объяснить... Меня всю жизнь гоняли как собаку. Мной понукали и распоряжались. У меня, пролетария, ничего никогда не было, кроме своих цепей. Квартиру городскую семейным горбом заработали — и та не своя, а государственная... А тут на днях подъехали люди, спрашивают: «Кто тут хозяин?» Звучит, а? Аж мурашки по спине. Хо-зя-ин! Это ж я!

Хочу надеяться, что кооперация Кондаковых и Федотовых не распадется и будет держаться, потому как крестьянское хозяйство не поднять без взаимопомощи. Но выбор сделан твердо. Люди эти по душевному строю и наклонностям оказались настоящими крестьянами, они пошли на материальные издержки, даже нужду, оставили городские удобства ради одного — чтобы хутор стал родиной их внуков. И нет, по-моему, никаких резонов мешать таким устремлениям.

Ну, а сами деревенские, что ж, неужто остаются лишь сторонними наблюдателями, скептически поглядывающими на десантирующихся горожан — новоявленных фермеров? Нет, конечно, находится и среди них рисковый народ. Александр Васильевич Морозов, к примеру, уже прочно стоит на ногах, хозяйство у него солидное — четыре коровы, четыре быка, несколько телочек, сорок овечек. Так за прошлый год он продал совхозу «Лайский» пятнадцать тонн молока и две с половиной тонны мяса.

— И при барыше остался? — спрашиваю.

— А то,— отвечает Александр Васильевич.— Но вот какая загадка: мне выгодно продавать совхозу молоко по 35 копеек за литр, а он, продавая молочко государству почти втрое дороже, по девяносто копеек, остается внакладе. Почему, а? Потому что у него затрат больше и надой козий, и людям на все это наплевать. Вот вам наипервейшее подтверждение моего фермерского преимущества перед совхозом.

Даже получая незаработанные деньги при перепродаже продукции, «Лайский» скупится на комбикорма, капризничает, выдвигает всякие непотребные условия. Что поделаешь, социалистическое воспитание.

Деревенский люд на свой страх и риск, при весьма невыгодной конъюнктуре все-таки вылезает с единоличной инициативой. Появились в районе и фермерские семейные объединения — аграрные артели.

На основе бывших животноводческих товариществ образовались сельхозкооперативы. Их сейчас девять. Суть проста: владельцы скота в деревне сбрасываются, нанимают председателя и бухгалтера, которые и организуют обслуживание пайщиков. Это сбыт молока и мяса с домашних ферм, выпас скота, переработка зерна на комбикорм, вспашка приусадебных участков, помощь при заготовке сена, распилка дров. На таких, казалось бы, скромных услугах сельхозкооператив зарабатывает в среднем более ста тысяч рублей в год, часть этих денег также идет в ассоциацию «Союз», которая финансирует клиентов-фермеров, пробивает для них фонды, в общем, выколачивает все, что можно, для нашего беспризорного крестьянства.

ПЕРЕД ЗАКРЫТЫМ ШЛАГБАУМОМ

У нас зажгли «зеленый свет» законами о земле и собственности, но шлагбаум не подняли. Иными словами, нет механизма реализации принятых решений, местные власти консервативны, хозяевами на земле остались колхозы и совхозы, сельские и районные Советы либо бездействуют, либо беспомощны, либо малосильны. Вот и приходится крестьянам-единоличникам «нырять под шлагбаум» — унижаться, выпрашивать, добывать-вырывать, тратить силы на изнуряющую борьбу. Колхозно-совхозная монополия сохраняется, нарождающееся фермерство для нее — нож острый, и потому она стремится в очередной раз заполучить от государства льготы, фонды, добиться послаблений. Песня старая: дай да подай.

Но должной отдачи нет даже от хозяйств, которые понастроили много и почти решили свои социальные проблемы. И из показательных совхозов и колхозов бегут, и в них никто не хочет, даже за высокую зарплату, работать на дядю — директора или председателя. Аграрная политика партии потерпела крах, она убила в крестьянине и собственника, и труженика, превратила его в жалкого поденщика. Деревня умирает, и ее надо реанимировать. А реанимация предполагает сильные меры воздействия. Это расформирование убыточных хозяйств, передел земли, передача ее в собственность всем, кто пожелает на ней трудиться, право не только наследования, но и купли-продажи наделов, право найма работников...

— Если бы государство, местные власти серьезно относились к делу, были бы по-настоящему заинтересованы в развитии фермерства, то избавили бы нас хотя бы от одной маленькой проблемы или в чем-то шли бы нам навстречу,— размышляет председатель ассоциации «Союз» Леонид Андреевич Левченко.— А у нас все, как в страшной сказке. Выбьешь землю — нельзя ставить дом, получишь разрешение на дом — нет стройматериалов, есть стройматериалы — нет техники, есть техника — нет горючего, есть горючее — нет комбикорма для скота, есть комбикорм — нет семян...

А финансирование фермеров? Право на ссуду имеют те, у кого есть гарант. Сильные хозяйства и предприятия не желают выступать таковыми, а «слабаки» не могут, такой банковский порядок. И крестьянское хозяйство нередко развивается не благодаря, а вопреки существующим условиям и декларированным свободам.

Только на себя полагается неизбалованный наш российский фермер. И бьет челом властям предержащим. Левченко лезет в стол и достает «эпистолу», адресованную председателю Свердловского облисполкома. В ней различные просьбы сопровождаются следующим комментарием, цитирую: «Нам приходится обивать пороги, толкаться в душных приемных, просить, унижаться — ради чего? Чтобы некто, не обладающий и малой долей наших достоинств, но имеющий власть, кто ни своим оловянным глазом, ни пластмассовым ухом, ни протезным сердцем не в состоянии воспринять душевный порыв людей, «разрешал» нам творить добро. Если вам, председатель облисполкома, по пути с крестьянами — помогите, а если нет — скажите свое «Нет!». И тогда мы будем искать другие пути...»

Легко понять, откуда это в «эпистолах» Левченко берутся и публицистический накал, и хлесткие метафоры, и благородное негодование. Убежден: только приватизация собственности, в частности, земли, возьмет такую тяжелую на подъем и такую легкую на бездумные запреты власть за шиворот и заставит ее наконец-то запустить машину государственного устройства в масштабе района. Отмечу, однако, что не только «вверху», но и «внизу», в самой деревне, сформировался уже «послеперестроечный» слой скептиков, не верящих в серьезность декларируемых из центра намерений.

Побывал я, к примеру, в поселке Висим, на родине Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка. Нынешний Висим — обветшавший, умирающий поселок, центральная усадьба разорившегося совхоза «Висимский». Картина развала просто удручающая, хотя и техники, и земли хорошей здесь вдоволь, но выбраться из нужды оставшиеся двести пятьдесят трудоспособных рабочих совхоза не надеются и судят о себе, как об обреченных на прозябание.

Среди всеобщего уныния и пессимизма обнадеживающей показалась мне поначалу встреча с молодыми специалистами — главным зоотехником Александром Клюевым, главным инженером Геннадием Емельяновым и главным агрономом Верой Агафоновой. Попали они сюда по распределению после окончания Свердловского сельхозинститута. Ребята обзавелись семьями, хозяйством, пустили здесь корни. Вера, правда, еще не замужем. Разговорились. И оказалось: никто из них не питает никаких иллюзий относительно Висима — поселок и совхоз обречены на безлюдье, умирание, а они готовы получать зарплату в убыточном хозяйстве, похоже, до самой пенсии.

— Постойте,— говорю,— а почему бы вам не взять землю и не стать фермерами? Тем более что у вас тут и дома, и скотина есть?

И мне спокойно ответили, что это «не та идея». Что их, молодых специалистов, не вдохновляет перспектива работать четырнадцать — шестнадцать часов в сутки да еще и бегать, выпрашивая каждый болт. К тому же про раскулачивание читали. У нас в Союзе может быть все, что угодно. Может все, что угодно, повториться.

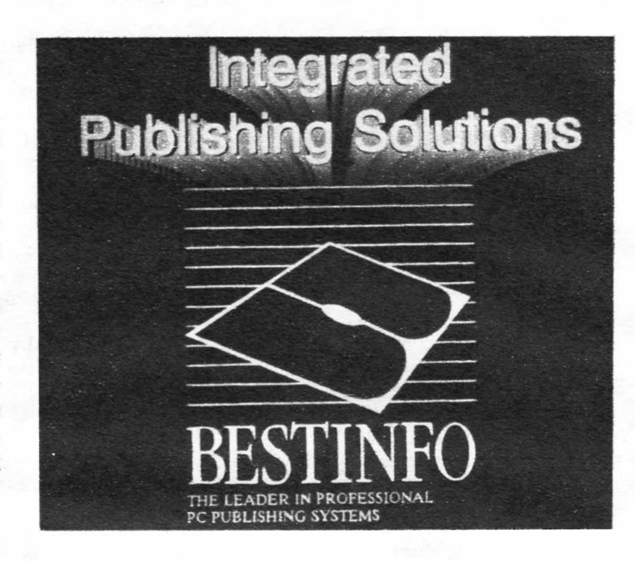
Честное слово, я не осуждаю этих ребят. Они тоже наши дети и сделали свои выводы. Понятно, нынешняя деревня многолика, неоднородна, это тот еще слоеный пирог. Одни, даже бывшие горожане, Кондаковы или Федотовы, готовы на голом месте строить свою судьбу, другие с аграрным образованием на родине Мамина-Сибиряка решили потихонечку жить-поживать в обреченном совхозе. Эмоции по этому поводу могут быть разные. Но мы сейчас в таком положении, когда обычными мерками ничего не измеришь и не определишь. Человек вправе выбирать: быть ли ему пустоцветом или репейником?

К тому же, наверное, не только мы, когда захотим, землю выбираем, земля — она тоже нас выбирает, сама и весьма строго.

Нижний Тагил — Свердловская область

InterConcepts Inc. (USA)

Если Вы хотите увеличить производительность Вашей редакции в 5-10 раз и при этом сократить рабочий день сотрудников в 2 раза, или ускорить прохождение публикуемых материалов через редакцию и иметь возможность менять информацию в течение 5 минут, или мгновенно набирать и редактировать математические и химические формулы и таблицы, или публиковать высококачественные цветные репродукции и все это без огромных затрат времени и денег, то Вы неизбежно обратитесь к нам.

Wave-4 может делать все: начиная от простого набора текста и кончая версткой многостраничных изданий с цветными иллюстрациями и все это с удивительной быстротой и удобством для каждого сотрудника редакции. Наборщики, корректоры, художники, технические и художественные редакторы – все получают возможность ускорить и упростить свою работу. Используя *Wave-4* Вы имеете возможность выбирать типы выходных устройств и получать продукцию в виде фотоформ на пленке или оригинал-макета на бумаге. Если у Вас уже есть фотонаборный автомат, то Вы можете его использовать так как *Wave-4* имеет большой выбор выходных устройств.

Систему *Wave-4* и многое другое Вы сможете увидеть на нашем стенде во время выставки «Информатика-90», которая будет проходить в Москве с 10 по 18 октября в выставочном комплексе на Краснопресненской набережной.

На нашем стенде будут демонстрироваться графические станции САПР, системы локальных сетей и оборудование таких фирм, как COPAM, ALR, HOUSTON INSTRUMENT, SUMMAGRAPHICS, MICROTEK, MONITERM, INFOCOM и многих других.

InterConcepts Inc. (USA)

АДРЕС: 119590 Москва, Ул. Довженко 12, корпус 1.
Телефоны: 143-7511 и 143-3315
Телефакс: (7-095)938-2123
Телекс: 413610 (ICI SU)

■

Москва,
Старая площадь,
ЦК КПСС

Журнал «Огонек» стал беспределом чернухи и гробокопательства. Этот журнал создает антисоветчиков и истинных борцов с Коммунистической партией.

Нельзя же иметь в стране журнал, который доводит людей до озлобления и ненависти.

Коротичу я то же написала в ответ на его крик о помощи со страниц журнала № 36. Пусть знает, что далеко не весь народ готов вставить его журнал в ризницу вместо иконы.

Повысьте хоть еще раз цену на подписку, что ли, надо же что-то делать!

С надеждой

С. СОКОЛОВА
Москва

Это письмо переслали нам из Общего отдела ЦК КПСС. Со своей стороны, мы благодарим автора за неподдельный интерес к журналу и считаем необходимым познакомить с содержанием письма наших подписчиков.

■

Сейчас по всей стране идет процесс реабилитации забытых имен. В связи с этим не могу не поделиться своими мыслями. Когда же Казанскому университету будет присвоено, на мой взгляд, законное имя — Николая Ивановича Лобачевского? Еще тридцать лет назад, будучи студенткой, я понимала всю несправедливость того, что Казанский университет носит имя В. И. Ленина, проучившегося там четыре месяца и исключенного за участие в студенческой сходке. А великий ученый, математик, «гигант науки», как звали его современники, связанный всей своей жизнью с университетом, ректор его в течение девятнадцати лет, Н. И. Лобачевский отмечен всего лишь скромной мемориальной доской.

Пора научиться нам ограждать науку от политики. Университет — это храм науки, и следует вернуть этому храму истинные имена его служителей.

Р. КАМИЛЕВА
п. Карабаш Бугульминского р-на

■

Я жительница далекого сибирского города Ачинска Красноярского края. Город наш небольшой, но с развитой промышленностью и сложной экологической обстановкой. Взяться за перо меня заставило обращение хирургов нашей больницы к жителям города и района, опубликованное в местной газете. Вот что в нем сказано:

«Сограждане, обратиться к вам нас заставила суровая действительность: на сегодняшний день хирургическая служба города практически безоружна. В аптеках, обеспечивающих хирургический стационар, отсутствует целый ряд жизненно необходимых медикаментов. Не поступают многие препараты крови...

В сложившихся условиях коллектив хирургов не считает возможным осуществлять работу в прежних объемах. Мы вынуждены прекратить оказание хирургической помощи плановым больным. Неотложная помощь, естественно, будет оказываться.

Просим не расценивать наши действия как забастовку. Ведь даже великолепно проведенная операция может быть перечеркнута банальным осложнением, обусловленным отсутствием необходимых медикаментов.

Мы обращаемся к вам, граждане города, берегите себя от травм, заболеваний, ибо мы на сегодняшний день не можем обеспечить гарантированный объем хирургической помощи...»

Читала это обращение и плакала. У меня муж, дочь. Пока все здоровы, но кто знает... Может, кто-нибудь откликнется на нашу беду? Понимаю, что в стране очень сложная ситуация, но все же надеюсь на помощь.

Е. ЛАЗАРЧУК
Красноярский край

■

Полагаю, что давно нужно поднять такой вопрос, как зависимость норм русского языка от идеологии.

Увы, наша жизнь была (и, к сожалению, до сих пор остается) сплошь идеологизированной. Вот и филология не осталась в стороне. Причем правила русского языка (или, наоборот, исключения из общих правил) изобретались искусственно для выделения тех или иных общественных структур.

Ну, посмотрите, разве не для выделения собственной исключительности наши многочисленные общественные организации (а вместе с ними и мы по привычке) до сего времени используют римские цифры для нумерации каких-то своих мероприятий? Если съезд КПСС, то не двадцать восьмой и не 28-й, а непременно XXVIII. Та же ситуация с конференциями, симпозиумами и т. д.

Или вот. Всем известно, что в окончаниях после шипящих под ударением пишется «о», без ударения — «е». Однако когда рассказывается о встречах с В. И. Лениным, отчество этого человека в творительном падеже обязательно должно иметь окончание «ем» (Ильичем), тогда как все другие смертные, отцом которых был Илья, склоняются, как положено,— с «ом». Удивительно, как это окружение еще одного Ильича — «верного продолжателя дела Ленина» не распространило подобное исключение на Брежнева.

Впрочем, его тоже не забыли. Ведь он был Генеральным секретарем ЦК КПСС — генеральным с большой буквы. А вот на генерального секретаря ООН почему-то до сих пор не обратили внимание. Куда смотрите, товарищи ученые, пора бы в связи с новым курсом на повышение роли Организации Объединенных Наций прореагировать и тоже удостоить его прописной буквы.

Кстати, если уж зашла речь о «генеральных», то вот какой перл предлагает нам словарь-справочник Д. Э. Розенталя «Прописная или строчная?»:

Генеральный штаб (в армиях социалистических стран),

генеральный штаб (в армиях капиталистических стран).

Комментировать не буду, а то Маршал Советского Союза С. Ф. Ахромеев опять скажет, что нападают на Вооруженные Силы СССР (заметьте, и маршала, и силы написал, как и положено,— с прописной).

А сейчас приходится сталкиваться с такой ситуацией: если мы пишем полное название КПСС, то там непременно присутствует прилагательное с большой буквы, а когда дело касается других рождающихся и существующих де-факто партий, то они не удостаиваются чести быть выделенными таким же образом.

Непонятно и то, почему многие газеты, не являющиеся органами компартии (а таких все больше и больше), пишут, например, Отдел ЦК КПСС или Пленум ЦК КПСС. Ну и что с того, что этот отдел — структурная единица аппарата ЦК, ну и что с того, что этот ЦК провел свое очередное пленарное заседание?

Ученые-филологи молчат, а многие издания уже создали явочным порядком свои собственные правила русского языка. Вот и выходит, что у нас уже реально есть разные языковые нормы для «Правды» и для «Свободного слова»...

Неужели и тут не захотим «поступаться принципами»? Но у нас и так общество разделено на группы, которые никак не хотят понять друг друга, как будто говорят на разных языках. Вряд ли надо добиваться того, чтобы они и писали на разных.

А. ШАПОРЕВ
Углегорск Сахалинской обл.

■

Несколько месяцев назад я со словами благих напутствий отправила служить в армию своего сына, а сейчас нахожусь в состоянии безысходности и беспомощности.

Прочитайте выдержки из его последнего письма: «Здравствуй, мама! Понимаю твое состояние, когда ты узнаешь о случившемся. Очень виноват перед тобой. Извини, но дальше оставаться там я не мог. Расскажу тебе все, что сам испытал.

...После присяги, когда всех распределили, началась новая жизнь. Деды поначалу не так сильно наглели, а потом разошлись. Ночь проходила нормально только тогда, когда дежурным по роте оставался старшина или командир роты, а если кто другой, деды плевали на него.

Поднимают ночью, говорят: «Пой!» Я спросонья толком не пойму, что происходит. Они начинают

О ВЕЛИКИЙ И МОГУЧИЙ... ●
СЫНА Я ВАМ НЕ ОТДАМ ●
ПРОСТИТЕ, ДИССИДЕНТЫ ●
ПЛАНОВЫХ БОЛЬНЫХ ПРОСЯТ ПОТЕРПЕТЬ ●

избивать. По лицу редко бьют. Тушат на лбу бычки. У меня осталось два следа. Вставляют в ноги или кладут сверху на тело бумагу и поджигают. Меня поджигали почти каждую ночь... Если работаем с расстегнутыми воротничками, а дедам хочется «порезвиться», они подходят, ставят по стойке «смирно» и застегивают крючок через кожу на шее. Мне это пришлось испытать шесть раз. Длину ремня меряют по окружности головы и насильно застегивают на животе. Офицеры никогда ни о чем не спрашивают. Им известно, что деды вытворяют, а они молчат.

15 июня сержант сказал, чтобы я позвал водителя машины и вслед приказал: «Бегом», но я не слышал. Когда я вернулся, он заорал: «Почему не выполняешь приказ? Сейчас мы с тобой поговорим!» И повел меня за здание, прихватив с собой еще одного человека. Вдвоем они били меня в живот, по шее, ниже пояса, несколько раз по лицу. После удара по шее у меня потемнело в глазах, я чуть не потерял сознание. Сержант предупредил, что теперь я буду получать, пока он не уйдет на дембель, и что сегодня ночью мне можно не спать, готовиться к разговору в туалете. Я понял, что дальше здесь оставаться не смогу. Здесь теряешь все человеческое, превращаешься в зверя. Я отслужил только месяц, а нервы уже на пределе. Я ушел от этого кошмара... Не переживай, мама, хуже, чем было там, уже не будет...»

Вот так мой сын, этот безобидный и чувствительный человек, уже успевший поработать на производстве и заслужить уважение в трудовом коллективе, стал дезертиром. Нет, это не преступление, это мера его необходимой обороны, потому что два других пути в этом положении — стать безропотным болваном или покончить с собой.

Ответьте мне, маршал Язов, кто в этой ситуации является истинным преступником? Уверена, вы будете доказывать, что мое письмо — очередной поклеп на армию. Заверю вас, что многие годы я была причастна к жизни в военных гарнизонах, а теперь, когда беда коснулась и моего сына, я не могу молчать.

Предвижу ваш вопрос — где сейчас находится мой сын? Отвечаю со всей страстью, какая есть в моем сердце: до тех пор, пока у меня не появится надежная гарантия того, что на военной службе сыну будут созданы достойные человека условия, я вам на растерзание его не отдам!

В. ИЛЛАРИОНОВА,
мать солдата,
вынужденного оставить часть
Челябинск

■

Приношу свои извинения (если их примут) диссидентам и их родственникам. Дело в том, что в 1969 году я присутствовал на одном из процессов в качестве «народа». Заранее прошу прощения за возможную путаницу, так как пишу по памяти — записывать на суде что-либо запрещалось.

После демобилизации из армии в конце 1968 года я работал в ГПИ «Сантехпроект». В Первомайском райкоме комсомола мне предложили вступить в оперотряд по борьбе с наркоманией. Эта общественная работа казалась очень благородной и романтичной, и я согласился.

Кажется, в конце мая — начале июня 69-го года мне позвонили из райкома комсомола и сказали: «Завтра важная операция. На работу не выходить, никому ничего не говорить, а к 7 утра явиться в райком». Я ответил «Есть!» и прибыл на место в назначенное время.

К 8 часам у здания горкома комсомола на улице Чернышевского собралась группа, человек сорок. Какой-то главный оперативник, явно не комсомольского возраста, осмотрев нас, остался недоволен тем, что пришла всего одна девушка, затем он приказал снять комсомольские значки и маленькими группками двигаться на улицу Куйбышева.

В здание Верховного суда РСФСР нас пытались не пустить, но после короткого объяснения старшего мы оказались в одном из пустых залов. Если учесть, что в помещении суда я был впервые в жизни, то ощущение важности происходящего у меня усиливалось по мере развития событий.

После приказа «Всем занять места!» осталось несколько свободных стульев. Их незамедлительно вынесли. В это время в зал безуспешно пытались прорваться какие-то люди, но их выпирал за дверь служитель с повязкой, который говорил: «Мест нет».

Подсудимой в зале не было. Судья скороговоркой зачитала, что подсудимая, которая, оказывается, уже год как сидит, собирала какие-то подписи в защиту Марченко, рассылала какие-то письма и умудрилась забыть свою сумку с письмами в такси, а бдительный таксист передал ее «куда надо». Мелькали фамилии Богораз, Марченко — другие просто не помню.

Прокурор напирал на социальную опасность таких людей, а адвокат разъяснял, что все действия подсудимой происходили не по злому умыслу, а от человеческого скудоумия и от личного отношения к Анатолию Марченко.

Часов в 12 нас начали выпускать из зала суда, и меня поразило количество людей в коридоре. Обращаясь к нам, они говорили: «Дружинников запустили вместо родственников. Как вам не стыдно!» Я, как и все выходящие, отвернулся и поспешил к выходу.

На улице мне мой райкомовский начальник объяснил, что за справкой для работы надо явиться в центральный штаб оперотрядов и дружин г. Москвы. Я нашел этот штаб, назвал себя и спросил, есть ли для меня справка. Из толстой пачки парень вытащил листок и вручил мне. Когда я пробежал глазами текст, то, несмотря на установку ничему не удивляться, уставился на него. Это был хорошо мне знакомый бланк повестки в военкомат.

Парень подмигнул: «Что, годится? Оплата 100 процентов!»

Больше ни в каких «операциях» я не участвовал. Кстати, эту историю я рассказывал своим близким, и все меня уверяли, что «так надо». То, что «так надо», я понял. На главный вопрос нет ответа: кто заплатил за мое присутствие на этом судилище?

Недавно, проходя мимо правой задней ноги лошади Долгорукого, я, как и двадцать лет назад, обнаружил знакомую вывеску штаба. Какие справки и кому выдают там сейчас?

В. НОВИКОВ,
рабочий
Москва

■

Во всех медицинских журналах нашей страны появилось извещение о том, что в связи с техническим перевооружением и упразднением ручных процессов на Чеховском полиграфкомбинате с 1990 года издательство «Медицина» не сможет обеспечивать авторов публикаций оттисками статей.

Это новшество наносит серьезный удар по обмену информацией и связям ученых как внутри страны, так и за ее пределами. Обмен оттисками статей — общепринятая во всем мире форма взаимодействия ученых разных стран, работающих в одной области науки, а отправка оттисков по запросам коллег — элементарная этическая норма поведения научного работника.

Большинство зарубежных журналов высылает авторам научных статей безвозмездно от 20 до 50 оттисков и дополнительно извещает, что за небольшую доплату автор может заказать еще 50—100 и более экземпляров.

Техническая вооруженность крупнейших зарубежных издательств отнюдь не мешает снабжению авторов статей (как и заинтересованных фирм, предприятий, рекламных агентств и т. д.) оттисками опубликованных научных работ. В отличие от Чеховского полиграфкомбината ни одно из этих издательств не объявило, что в связи с совершенствованием технологического процесса будет прекращено печатание оттисков статей. Нашей полиграфической промышленности, по-видимому, принадлежит приоритет в создании такого оригинального и высокоэффективного способа разобщения ученых. Конечно, это препятствие можно преодолеть (чего мы только не преодолевали!) кустарным изготовлением ксерокопий постыдно плохого качества либо размножением статей на персональных компьютерах, которыми также пока не богаты наши научные работники. Но разве это выход из положения?

Нет ли смысла руководителям издательства «Медицина» и Чеховского полиграфкомбината ознакомиться с тем, как справляются с изготовлением оттисков статей зарубежные типографии? Так или иначе нужно найти выход из создавшегося положения, ибо нельзя допустить, чтобы так легкомысленно нашей науке был нанесен очередной удар.

З. БАРКАГАН,
заслуженный деятель науки,
лауреат Государственной
премии СССР,
профессор Алтайского
медицинского института
Барнаул

■

Криком надо бы кричать от той боли и горечи, которую испытала наша семья в 1929—1930 годах, да не могу. Это нас, раскулачивая, изгнали из родной деревни, из дома, конфисковали все, вплоть до обуви. До станции шли пешком — дети мал мала меньше и мама. А отца нашего держали в тюрьме в Челябинске, затем переправили в Курганскую тюрьму. Там выводили его на расстрел, но только для того, чтобы при нем расстреливать других. Затем его увезли на север Урала, на Богословские угольные копи. А в конце августа 1930 года привезли к нему нас, шестерых детей и маму. (Бабушка умерла во время раскулачивания. Ее столкнули с крыльца, она немного поболела и умерла. В деревне же умерла и сестра Фрося.)

Четыре семьи наших родных было отправлено на север Урала да две в Кемеровскую область. Многие умерли в ссылке, на лесоповале, в шахте от голода и холода.

Вышел Указ Президента СССР о восстановлении прав всех, кто был репрессирован в 20 — 30 — 40 — 50-е годы. Означает ли это, что мы по-настоящему реабилитированы? Будет ли к нам соответствующее отношение на местах? Я вот просила 3—4 сотки на родине — мне не дали. Отказали даже в этом.

Мне 66 лет, родители умерли там, в ссылке. Прошу иметь в виду таких, как я, нас уже немного осталось.

Н. НОСКОВА-МОЧАЛОВА
Курган

ЯПОНИЯ: ВЫСОКАЯ ЦЕНА КУЛЬТУРЫ

Владимир ЦВЕТОВ
Фото Николая КОЗЛОВСКОГО

На ровно подстриженной траве просторной лужайки небольшими группками расположились люди. Было воскресенье — день, который японцы посвящают семье, и родители с детьми пришли в парк. Мое внимание привлекли молодые папа и мама и двое их ребятишек. Семья азартно... «забивала козла».

Я подошел поближе. На фишках вместо точек, обозначающих число, были написаны «хайку», но не целиком, а частями: на одной фишке — начало, на другой — конец трехстишия. Самый младший из игроков долго разглядывал, шевеля губами, фишки, зажатые в ладошках, и, наконец, выставил прямоугольную картонку:

Осенние ливни.
К валуну случайно прилипшее
Крылышко бабочки.

— Правильно! — одобрила мать, и малыш радостно засмеялся.

— Это вы показали детям игру? — поинтересовался я у супругов.

Они ответили утвердительно.

— А кто научил вас?

— Наши родители,— сказал папа.— Как только мы начали читать.— И добавил: — В японских школах устраиваются соревнования, кто лучше знает «хайку».

Однажды в небольшом японском городке я попал на урок в начальной школе. Учитель вывел класс на зеленый пригорок, усадил детей вокруг себя и сказал:

— Давно, давно, в «Эпоху брани царств» — так в Японии назвали период феодальных междоусобиц,— князь, правивший в нашей местности, разбил здесь свой шатер. Он поджидалссоперника, чтобы сразиться с ним. Вдруг стража приволокла старика, которого схватили у подножия пригорка. «Шпион!» — кричали стражники. «Смерть ему!» — требовали они. Но старик вдруг запел...

Запел и учитель. Ребята слушали, не шелохнувшись.

— А потом грянула сеча. Она длилась целый день. К вечеру враг дрогнул и отступил,— продолжил рассказ учитель.— Князь устроил пир и приказал привести танцовщиц. Они плясали и пели. Князь потребовал свиток шелка и тушью написал на нем:

Покоя не могу найти я
и во сне,
С тревожной думой не могу
расстаться...
Весна и ночь...
Но снится нынче мне,
Что начали цветы повсюду
осыпаться.

Этот свиток — «какэмоно»,— сказал детям учитель,— князь подарил самой молодой и красивой танцовщице. Он тайно любил ее.

Разумеется, ребята узнали и о событиях, что относились к изучавшемуся на уроке историческому времени, и о политике, вызвавшей эти события. Но рассказ перемежался песнями, стихами и даже танцами.

Потом я выяснил, что школа была частной. Ее владелец, заинтересованный в привлекательности для детей и их родителей и, следовательно, в прибыльности своего предприятия, сам подбирал талантливых и изобретательных преподавателей. И они строили учебный процесс не по министерским предписаниям.

...В ресторан японской кухни была приглашена на ужин очень важная советская торгово-экономическая делегация. Получил приглашение и я, поскольку освещал пребывание делегации в Японии для Центрального телевидения. Угощали нас лидеры крупного японского бизнеса — предприниматели, чьи имена горели неоном, наверное, во всех городах капиталистического мира.

Ужин достиг стадии, когда участники застолья сняли пиджаки и разговор сделался беспорядочным. Наиболее влиятельный из хозяев и соответственно самый пожилой среди них предложил спеть или сплясать, кто что умеет. Отдыхая или развлекаясь, японцы с удовольствием поют и пляшут. Старец отодвинулся на корточках от низкого стола, устроился поудобнее на «татами» — циновке из рисовой соломы,— смежил веки и завел песню деревни, где родился и где за последние лет пятьдесят, а то и шестьдесят бывал, я уверен, не более двух-трех раз. Но спел он песню до конца.

А потом хозяева предложили спеть или сплясать нам. Два министра, пяток заместителей министров и начальников управлений повелевающе поглядели на своих клерков, сопровождавших их в поездке в Японию. Те приняли вид, что поглощены экзотической японской едой. Вальяжные чиновники выдавили из себя нервный смешок и затянули «Подмосковные вечера». После первого куплета они смолкли. Слов дальше никто не помнил. В делегацию входили уроженцы не только Москвы и Ленинграда, но и Поволжья, Урала, Западной Сибири. Ни один из них не знал песни или танца родных мест.

Вряд ли есть в мире столица, которая развивалась бы столь же динамично, как Токио. Даже после полугодового отсутствия — срок, согласитесь, не столь долгий — токийские улицы подчас невозможно узнать: они делаются нарядней, просторнее, украшаются новыми зданиями, хотя и прежние не казались, во всяком случае мне, обветшалыми. Единственные строения, которых обычно не трогают скорые на руку градостроительные реформаторы,— это храмы. А ведь земля в Токио дороже золота — в среднем 3380 долларов за квадратный метр.

Но как-то я оказался в токийском районе, где не был несколько лет. Мало сказать: район изменился. Я не мог обнаружить и мельчайшей приметы совсем недавнего прошлого, которая убеждала бы, что я не ошибся местом. Неприятно поразило исчезновение храма — произведения японского средневекового деревянного зодчества.

Я шел мимо широких стеклянных подъездов, разглядывал вывески: филиал банка, отделение страховой компании, торговая фирма... Вдруг медная ярко начищенная табличка приковала мой взгляд: желающие посетить храм, который располагался здесь ранее, приглашаются на пятнадцатый этаж. На плоской крыше красовался прежний храм. В какую баснословную сумму это обошлось, трудно вообразить. Но банк, которому принадлежит здание, не захотел скряжничать.

У нас бытует выражение — «специфическая премьерная публика». Применительно к японскому театру я перефразировал бы его так: «специфически премьерное фойе». Что касается публики, то в Японии она одна и та же и на премьере, и на обычном спектакле. А вот фойе в день премьеры украшаются гирляндами живых цветов.

По меньшей мере десяток гирлянд насчитал я в фойе токийского театра на премьере спектакля, поставленного советским режиссером по советской пьесе. На деревянных табличках, прикрепленных к цветам, значились эмблемы и торговые марки известных японских фирм, крупных токийских универмагов. Предприниматели выразили восхищение талантом режиссера и актеров? Наверняка среди председателей советов директоров и президентов были любители театрального искусства и, в частности, творчества советского режиссера. Однако не только свидетельством поклонения Мельпомене являлись гирлянды. Они оповещали, какие фирмы и какие универмаги финансировали постановку спектакля.

Название «Сантори» связывается в нашем сознании с виски и пивом — всемирно признанной продукцией фирмы, «Бриджистоун» — с самыми «долгоживущими» автомобильными покрышками, «Ясуда» — с глобальным страховым бизнесом. Ассоциации соответствуют действительности, но неполно отражают образ фирм и компаний. «Сантори», кроме производства спиртного, содержит уникальный музей материальной культуры. Музей «Бриджистоун» посещают сто тысяч человек ежегодно, чтобы увидеть коллекцию прекрасных картин, среди которых — творение Пикассо. «Бриджистоун» приобрела его за три миллиона долларов. В картинной галерее «Ясуда» — 500 работ выдающихся живописцев. Сердце собрания — «Подсолнухи» Ван Гога. Страховой фирме они обошлись в 39 миллионов долларов. Тридцать пять лет назад, когда Япония стартовала в гонке за мировым экономическим лидерством, фирмам и компаниям принадлежали три музея. Сейчас большой бизнес финансирует свыше ста художественных и исторических музеев, картинных галерей, постоянных выставок.

Японское правительство не присуждает денежных премий за выдающиеся произведения литературы и искусства: государственный бюджет скуден и дефицитен. Творческие союзы материально не помогают писателям и людям искусства воплощать свои замыслы — союзы беднее церковных крыс. Премии и призы выплачивают фирмы и компании, причем не скупятся: вознаграждение в десять тысяч долларов не считается редким. Бывает, предприниматели собирают художников или скульпторов в живописном месте, оплачивают их жизнь и орудия труда и в довершение приобретают произведения, созданные в этих «домах творчества».

Можно ли представить, чтобы, скажем, московский ликеро-водочный завод вложил средства в издание Большой Советской Энциклопедии? Сюжет для Геннадия Хазанова, скажете вы. А фирма «Сантори» финансировала выпуск на японском языке Энциклопедии Британика. Производительница сантехники «Токи кики» открыла библиотеку аквакультуры. «Мицубиси дэнки», выпускающая электроприборы, поставила оперу «Кармен».

Зачем это им, эксплуататорам и захребетникам, нужно?

Конечно же, чтобы извлекать повышенную прибыль. Вложение капитала в культуру, в образование — прекрасная реклама для любого предприятия, да и государство здорово скащивает налоги, если фирма тратится на меценатство и спонсорство, на финансовую поддержку писателей, художников, музыкантов, артистов. Расходы на организацию художественных выставок, музыкальных фестивалей, балетных конкурсов, на постановку спектаклей и опер стимулируют спрос на пылесосы, нижнее белье и мебель...

И, наконец, самое главное. Поденщик думает лишь, как ему просуществовать до вечера. Хозяин заглядывает далеко вперед.

— Научно-техническая революция приведет к тому, что появятся механизмы, умеющие воспроизводить себе подобных, причем в модификациях, зависящих от обстановки,— сказал мне японский предприниматель, на заводах которого роботы уже самостоятельно ремонтируют друг друга, предварительно выясняя, без человеческого вмешательства, характер неполадки.— Человек рискует превратиться в придаток робота. В результате остановится прогресс. Человечеству начнет угрожать деградация,— продолжил предприниматель.— Спасти человечество может только высокая культура, то есть обладание всем богатством духа, наработанным людьми на протяжении веков, и умение умножать такое богатство. Это недоступно роботам,— заключил предприниматель.

Его слова звучат у меня в ушах всякий раз, когда я вижу, как на всеяпонских соревнованиях по каллиграфии (спонсоры — промышленные компании) несколько тысяч школьников, расстелив на полу дворца спорта метровые листы бумаги, выводят кистью иероглиф «радость»; когда в парке совершенно незнакомые молодые мамы и почтенные бабушки, прогуливающие детей и внуков, становятся в круг и танцуют древний японский танец — тот, о котором накануне напомнило телевидение в передаче, оплаченной фармацевтической фирмой. Слова предпринимателя всплывают в моей памяти, когда я наблюдаю, как на выставку живописи автобусы доставляют рабочих и служащих в фирменных тужурках «Тоёты», «Тосиба» или «Канон». В крупных фирмах приобщение к культурным ценностям обязательно и бесплатно.

Делясь впечатлениями о поездке в Советский Союз, председатель фирмы «Сони» Акио Морита сказал:

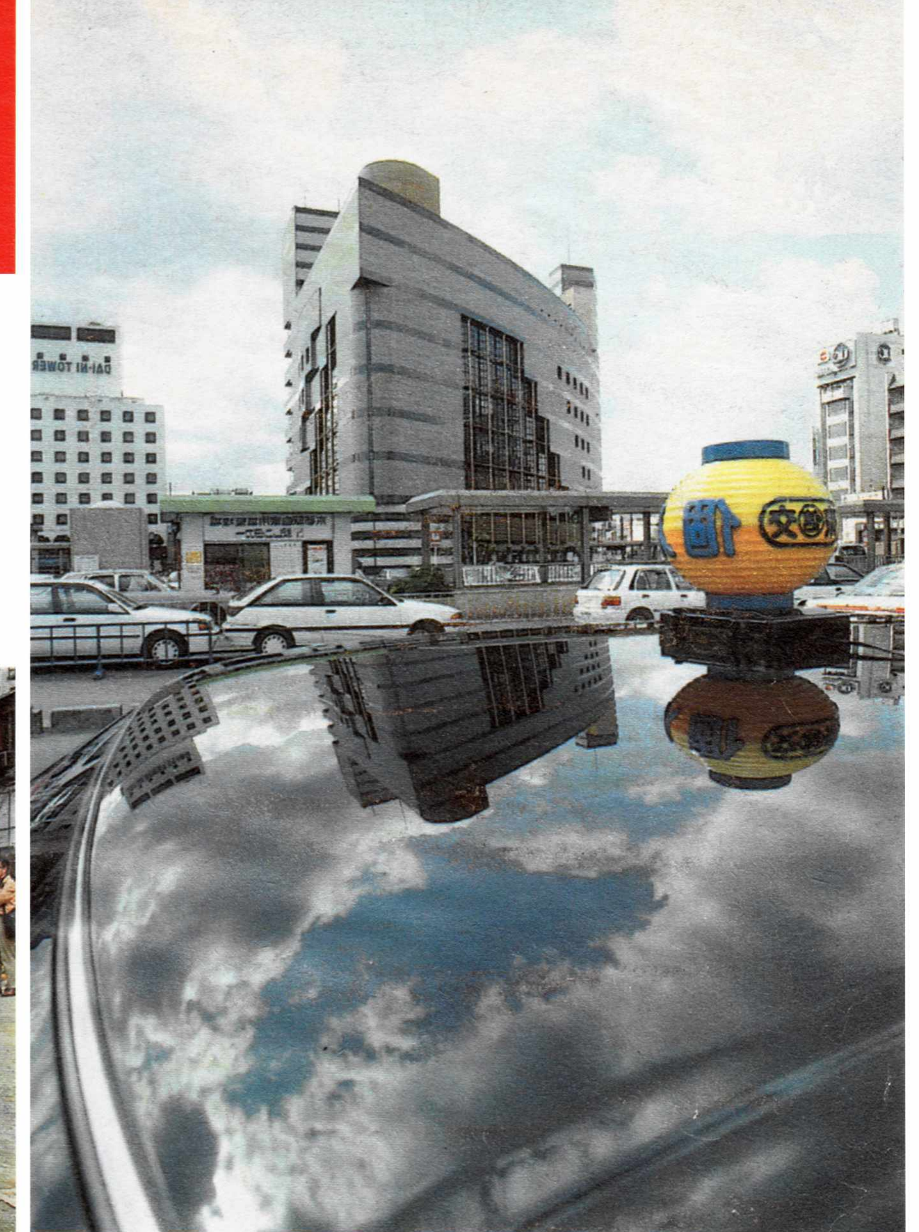
— Я посетил заводы в Москве и Ленинграде, посмотрел, как русские собирают радиоприемники и телевизоры, и понял, что в области бытовой электроники они отстали от Японии лет на восемь — десять. Их технология неэффективна, орудия труда грубы и неудобны. Рабочие и инженеры безразличны, потому что их руки, их ум не создают красоту.

Мне приходилось бывать на заводах и в лабораториях «Сони», и я увидел однажды, как инженеры бились над решением проблемы повышения эффективности использования кусачек. Заведующий лабораторией объяснил:

— Мы работаем над совершенствованием кусачек, как садовод, выводящий новый сорт цветка. Мало придумать кусачки максимально производительными, удобными в обращении. Надо добиться, чтобы они стали еще и красивыми, чтобы рабочему было приятно не только брать их в руки, но и радостно смотреть на них, как на...— Заведующий лабораторией замялся, подыскивая сравнение, и неожиданно сказал: — Ну, так же радостно, как любоваться хризантемой.

ОГОНЁК

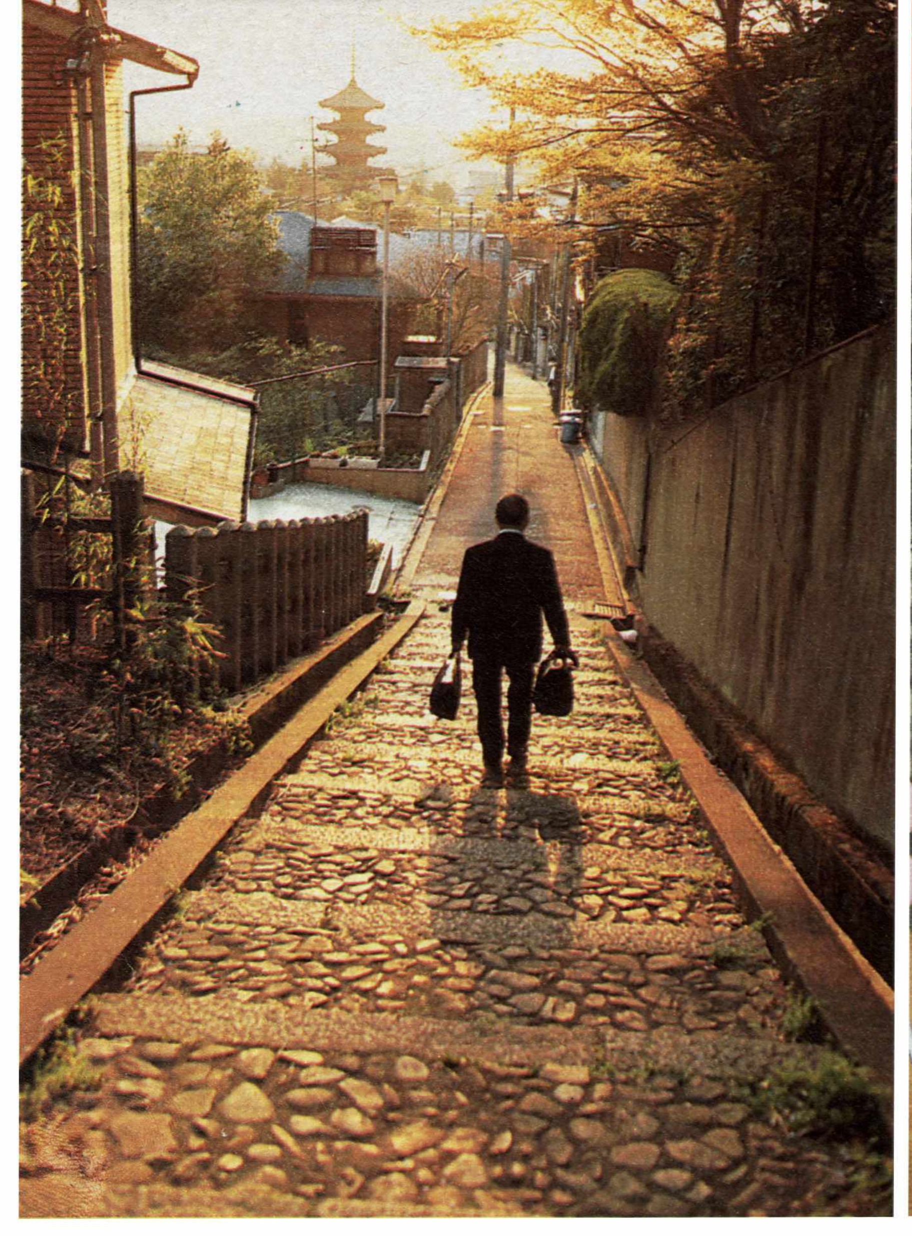

Михаил РОЩИН

Юз Алешковский:
«...И вот теперь я в Туруханском крае,
Где при царе бывали в ссылке вы...»

ЮЗ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

...Один бытовой, грубый, «низкий» язык оставался тогда жив и свободен. Официальная, бронированная, тотальная ложь, подобно Кащею, сожрала все живое вокруг и свежее и продолжала жрать, требовала каждый день: еще, еще, вот этого, вон того!.. Ложь обросла своим языком, своим жаргоном; своим кодовым штампом: «семимильными шагами», «весь народ, как один», «мы заверяем»... Почему с детского сада все записывалось, до запятой, все проверялось, все по бумажке было и никогда без бумажки? А чтобы не сорвалось вдруг живое, непосредственное, оговорка, поговорка, «бля» (русский артикль, как говорят иностранцы). Свободно человек разговаривал со скотиной, с собакой или уже в тюремной камере. Один спортивный комментатор, Вадим Синявский, во всей многомиллионной стране имел право говорить без бумажки. И уж, упаси бог, если даже ребенок скажет вдруг «жопа» или «говно»,— ах, как можно! — взвивались на дыбы самые отъявленные и растленные упыри. Было, кажется, лишь одно место для открытого и яркого народного самовыражения: стенка общественного сортира! И дело не в похабщине. Никогда, например, не забуду одной надписи на Курском вокзале — аккуратнейшим ученическим почерком, авторучкой: «Москва, Москва! Как я в тебе ошибся!» Ну где еще человек в ту пору мог так высказаться?

Юз Алешковский известен стал прежде всего тем, что он автор песни «Товарищ Сталин, вы большой ученый» и что пишет прозу свою на блатной фене, чуть ли не матом, а то и просто матом, не стесняясь. Вот как сказано об этом самим Алешковским в романе «Рука»: «Матюкаюсь же я потому, что мат русский спасителен для меня лично в этой зловонной камере, в которую попал наш великий, могучий, свободный и прочая, и прочая язык. Загоняют его, беднягу, под нары кто попало: и пропагандисты из ЦеКа, и вонючие газетчики, и поганые литераторы, и графоманы, и цензоры, и технократы гордые. Загоняют его в передовые статьи, в постановления, в протоколы допросов, в мертвые доклады на собраниях, съездах, митингах и конференциях, где он постепенно превращается в доходягу, потерявшего достоинство и здоровье, вышибают из него Дух! Но чувствую: не вышибут. Не вышибут!»

Я намеренно сразу взял цитату, потому что это вот и есть Алешковский, его стиль, его темперамент, его прямота и слово. Он не боится никогда ничего. А я, к сожалению, не решаюсь цитировать дальше: наш до невозможности чопорный, не привыкший к воле языка читатель, боюсь, сразу напряжется и испугается: что, мол, такое? Но я верю, вы сами, дорогие читатели, вот-вот прочтете, что и как хотите, с купюрами, без купюр, со смягчениями или усилениями, кому как будет угодно, я же не беру греха на душу в эту минуту: ни сокращать, ни редактировать, оскоплять Алешковского не могу.

...один бытовой, грубый и острый анекдот, устный жанр, оставался тогда жив и свободен,— вспомните, сколько было анекдотов и какие — одно «армянское радио» чего стоило: каждый день что-то новенькое.

Вот и пришел хулиган-писатель Алешковский и соединил самый живой и свободный язык, который звался прежде «площадным», и анекдот, которого чурались и пресса, и литература. Пустил писатель Алешковский на волю буйную свою фантазию, стеганул ее бешеным и смелым кнутом, и — понеслись книги! До того он был автором малозаметных рассказов, детских стихов, известной книжки «Кыш и Двапортфеля», а тут влетел в самую гущу драки против озверевшей идеологии, и пропаганды, и бездарной литературы, против тупости и тирании, за правду и права, за волю и жизнь, против мертвечины и отблеска идей внутри отлакированных голов. И язык его, неповторимый, замечательно сочиненный и потому существующий как самый естественный и настоящий, этот нескончаемый монолог его героев, со всех сторон зажатых, но внутри всегда свободных, этот язык, которым человек говорит в с е, *что хочет, а потому и* к а к *хочет, чело-ве-ческий язык рванул со страниц его книг и... и... вот именно, что «и... и...» и — ничего!*

Если не ошибаюсь, Юз появился в Москве зимой 54-го или 55-го, я увидел его впервые на чьей-то кухне в старом доме в центре Москвы, в Столешниковом переулке. Лысый крепкий малый «еврейской национальности» (а может, на вид и вполне русской,— что нам делать теперь с идиотской этой вошедшей в обиход гнусногазетной формулой: еврейской национальности, кавказской национальности и т. д. Придется, видимо, писать и русской национальности, и ленинградской, и английской, и мозамбикской, и садово-кудринской. Так, что ли?).

Да, сидел, значит, на кухне крепкий лысый симпатяга-еврей и пел песню. Пел и аккомпанировал себе сам, отбивая пальцами ритм по краю столешницы уставленного стаканами и небогатым закусоном стола. О, то была знаменитая зима, п е р в а я, *— все текло, капало, дуло, воняло по дворам и подъездам. Собирались, скидывались, сидели всеми ночами, пили, пели, орали, спали вповалку, говорили взахлеб. Еще не пели по-настоящему ни Окуджаву, ни Галича, ни тем более Высоцкого,— много пели блатных песен, каких-то геологических, походных, Юру Визбора, Мишу Анчарова. «Интеллигенция поет блатные песни»,— скажет молодой Евтушенко, тоже дитя того времени. Но, между прочим, сегодня статистика донесла: в первую оттепель резко снизилось количество самоубийств (а к концу «эпохи Лёни» было, например, очень высоким).*

Хотя, хотя... пока молодежь и творческая интеллигенция лизали сосульки, стараясь помочь оттепели, сторожевые волкодавы Системы уже ощерили пасти, выгнули загривки — вот-вот бросятся и растерзают всех: Суслов (главный идеолог ЦК), Поликарпов (завотделом культуры ЦК), Шепилов (редактор «Правды»), Владыкин (его зам), и так далее, так далее,— не пора ли, кстати, всех вспомнить и найти, и назвать, увековечить, а то забудем, как тех, что были до них, сразу после них и всегда.

Борис Леонидович Пастернак, экспромт 1956 года: «Культ личности лишен величья. Но в силе культ трескучих фраз. И культ мещанства и безличья, Быть может, вырос во сто раз».

Алешковский пел: «Товарищ Сталин, вы большой ученый, в языкознанье знаете вы толк, а я простой советский заключенный и мой товарищ серый брянский волк». Теперь, особенно молодежи, не понятен ни юмор, ни яд этой песни, а для нас в ней была наша жизнь, совсем недавнее вмешательство вездесущего и всюду гадящего Сталина вдруг еще в языкознание,— он написал дилетантскую и мракобесную статью, которая была лишь сигналом для очередного погрома интеллигенции,— от школьных учителей до больших ученых и поэтов.

Автору песни хлопали, автора просили петь на «бис», и он пел с охотой и простотой, выбивая свою музыку на своем деревянном инструменте. Он и потом, и уже теперь, когда берет гитару, предпочитает перевернуть ее и стучать по ней, а не тренькать.

Когда-то позже я рассказывал Юзу, как плакал в день смерти Сталина, а он ответил: «Нет, я в тот день бежал со всех ног по зоне и орал: «Гуталин подох! Эй! Гуталин! Подох!..»

Вот такой разный был у нас опыт, хотя мы сверстники, почти одногодки. Впрочем, какой уж там разный!..

Тогда же я услышал впервые «Окурочек» и влюбился в эту песню. Про то, как зек в зоне поднимает с земли, со снега окурок сигареты со следом губной помады. Это щемящая, простая, печальная лирическая песня. Мне представляется — я говорю уже почти как критик,— что она есть ключевая для писателя Алешковского. Когда какое-то время спустя пошел по самиздатским кругам первый роман Алешковского, «Николай Николаевич», озорная, сатирическая, хулиганская книга, она тоже — сквозь сатиру, разоблачения, социальность, гражданский гнев и прочее — оказалась книгой прежде всего о любви, я бы даже сказал, одной из лучших современных книг о любви,— и она тоже была тем же «Окурочком»; книгой серьезной мужской нежности, тоски и томления, мужской серьезной страсти и высокой женственности, простоты и сложности — не в общетрадиционном литературном стиле — «стиле рондо», как любит посмеиваться над нашей лирической прозой (и моею в том числе) сам Алешковский,— а весомо, грубо, зримо, как оно бывает на самом деле, а не в литературе и кино. Я был одним из первых, кажется, читателей и почитателей этой книги и остаюсь, очевидно, одним из ярых защитников ее. Она была новая, ни на что не похожая. Литература пятидесятых (не вся, не вся, разумеется, но в большинстве) была очень плоской, фальшивой, обескровленной. В двадцатые и тридцатые годы почти все писали хорошо, все искали новое, оригинальное, судили еще по гамбургскому счету и делали действительно новую, поражающую мир литературу, от Булгакова и Олеши до Шолохова и Фурманова. Все мировое авангардное искусство тогда искало новое, новое и было антибуржуазным в лучшем смысле этого слова, и русский, а затем и советский авангард занимал не последнее место. Но через двадцать лет практически не осталось писателей: одних уничтожили физически, других же так запугали, вышколили или задарили ничтожными подарками, что какой уж там гамбургский счет, соревнование на «кто лучше пишет»!

Не только читатели, но и писатели забыли, что литература — это изящная словесность, что уметь писать — искусство и мастерство, что только талант позволяет человеку видеть и уметь воспроизвести увиденное по-своему, и, значит, всегда оригинально. Забыли о фразе, о музыке, о метафоре, о стиле, о том, что можно сказать, например, так: «Дым сигарного окурка, волокнистый, как черепаховая гребенка, тянулся из пепельницы к свету, достигнув которого, пресыщенно полз по нему вбок, как по суконке» (Б. Пастернак, «Охранная грамота», 1931 г.).

Советская Универсальная Машина по закапыванию талантов в землю (СУМПОЗАТАЗ — 1917—1989, пишите и звоните нам: Москва, Старая площадь, телефон такой-то, телекс такой-то, всегда к вашим услугам!) подобрала помаленьку всех, кто выделялся, кто что-то умел не так, как другие. Эта же машина очень скоро, скажем, забегая вперед, нашарила своими лазерами, своими сверхсенсорными щупальцами и Юза Алешковского, вытащила его из-под обложки злополучного «Метрополя» (впрочем, это был уже только повод, чтобы расправиться наконец с ним, как и с другими «метропольцами», с Василием Аксеновым, Ф. Искандером, Евг. Поповым и В. Ерофеевым, Семеном Липкиным). И выбросила машина писателя с родной земли подальше, в USA, в штат Вермонт. «Да ты что, машина! — кричали ей,— это ж метафора, литература, стилизация, сатира, гротеск, особенность дарования, это ценность!» «Знаю, знаю,— бурчала машина, перемалывая кости писателя.— Чай, не он первый, не он последний...»

Тем и кончилось. Пока что.

Я имел счастливую возможность читать Алешковского давно и много, знать все его книжки, вышедшие, к сожалению, одна за другой не у нас, а в Штатах.

Николай Николаевич, герой одноименной книги, некий работяга, трудящийся великой страны победившего, развитого и так далее социализма. С ним случается замечательная история: в НИИ, где он работает на простенькой работе, замечают его фактуру, фигуру, и некий глава института, большой ученый, предлагает Николаю Николаевичу сдавать свою, пардон, сперму для важных опытов. С этого начинается эта книга-анекдот. Николай Николаевич, простой русский работяга, сам рассказывает свою историю (так написаны почти все книги Юза Алешковского), и я уверяю читателя, что со времен Михаила Зощенко, Булгакова, Ильфа и Петрова мы не читывали столь смешной книги. Ее нельзя пересказать: там все дело в самом рассказе, его стиле, подробностях, поворотах, трактовках всем известных слов, схем, лозунгов, понятий. Алешковский смеется, издевается, приколачивает каждой фразой к позорному столбу ханжество, страх, глупую глупость. Впрочем, я впадаю в пафос, прошу простить. «Николай Николаевич» — книжка обличительная, яростная, сатирическая и вместе с тем, повторяю, книга о любви, полная нежности, лирики и мужества, мужской любовной страсти и муки, ревности и ярости, простоты и правды. Герою Алешковского всегда нелегко, вечно у него какие-нибудь приключения, начиная со сдачи пустой посуды и стояния в пустопосудной очереди и кончая самой большой любовью в жизни, сменой работы или даже отъездом из страны, как это происходит с другим героем, из «Карусели», рабочим-карусельщиком "еврейской национальности», который никак не может понять, почему ему нужно уезжать куда-то с семьей, с детьми, хотя «трудно, очень трудно было, пожив в нашем говенном, то есть сраном городе, с одним заводом, двумя отделами КГБ, двадцатью милициями, универсамом «Полет», где на полках не мясо, масло и рыба, а только кот ночевал на прилавках, кем нас делали и продолжают делать жители нашего города, несмотря на отсутствие продуктов, трудно было, повторяю, думать о снятии с места в таком очень пожилом возрасте. Тем более по телевизору чуть ли не каждый день показывают пенсионеров из Нью-Йорка, Лондона и Парижа с трагедией старости, ночевкой на бульварах, под мостами и как их вышвыривают из квартир на голый тротуар». Ну и так далее. Вот это тоже Алешковский! Я готов еще и еще цитировать его, потому что он замечательно умеет соединить трагическое и смешное, сказать совершенно по-своему, по-другому о том, что всем уже, кажется, известно. Алешковский — последовательный защитник простого и, стало быть, самого униженного, забитого, затурканного жизнью человека. Но — Человека, всегда че-ло-ве-ка! Кстати, это лагерь уже учит, так же как своей «фене», иному взгляду на все, смеху надо всем, что было (или казалось) святым, светлым, возвышенным,— не говоря уж об идеологических критериях, общественно-коммерческих, но и житейских, жизненных, идеальных или реальных. Унижение, голод, холод, война, испытания, жестокость, болезнь, опасность — вот круг, какой смыкается вокруг человека, и разве он не меняет его и не лишает доброго и умиленного взгляда на мир? И человек, конечно же, смеется и даже зло смеется надо всем, что предлагалось ему как святость, а, оказалось, обернулось обманом и насилием, гадостью.

«Карусель» — тоже смешная и веселая книга. Но и яростная, и обличительная, и, несомненно, политическая, никуда от этого не денешься. И в таких случаях автор умеет тоже попасть в самую суть, в «яблочко». Например, в «Руке» первый секретарь обкома рассказывает: «Лично моя область спилась в сардельку. И двое врачей-психиатров наводить взялись статистику. Сколько у меня алкашей, пьяниц, пристращающихся, уже подохших от алкоголизма, получивших инвалидность... Глаза у меня полезли на лоб от их цифр. Но дело-то не в том, что пьют. Тыщу лет Россия пьет. Дело в том, что пьют сивушное говно, от которого наступает перерождение мозгов, дуреют, сволочи, на работе и дома! Шмурдяк какой-то жрут, бормотуху, Солнцедар, чернила, и, главное, с ЦРУ это никак не увяжешь или с жидами. Вот в чем трудность антиалкогольной пропаганды. Велеть бы промышленности выпускать очищенное зелье, чтоб хоть не дурели рабы моей области, но тут снова заколдованный круг! Надо расширять мощности, а Косыгин денег не дает... Улучшить качество зелья за счет уменьшения количества? Нельзя! Резко возрастет инфляция, ...алкоголизм съедает избыток моих сивушных денег. От сивушной дури растет преступность... Но и это полбеды. Жрать нечего, вот в чем вопрос!»

Далее секретарь рассказывает, как народ остановил на улице его домработницу, которая несла продукты из обкомовского ларька. И как едва не начался в городе из-за этого бунт. «Народ забурлил. И тут я объявляю ему шах. Кидаю в магазины продукты из армейских запасов, гоню стратегических свиней на мясокомбинат, занимаю у соседа сгущенку, пивом велю на улицах торговать и по местному телевидению приказываю пустить «Семнадцать мгновений». Уф! Отлегло. И с ходу ставлю мат. Объявляю по радио о выявлении чумного больного. Чума! Сценарий сочинил лично я... Выиграл я этот бой у народа. Выиграл».

Юз Алешковский написал уже много книг. Кроме тех, что я называл, есть еще «Синенький скромный платочек», «Сломанная собака», «Блошиное танго», «Смерть в Москве» и другие. Его книги выходят в Нью-Йорке, Лондоне, Париже — где он захочет. Но нигде и никто не способен их понять по-настоящему, потому что это наши книги, про нашу жизнь, наши идеи и наш быт, наш многослойный тяжкий и феноменальный опыт. Алешковский придумывает фантастические истории, сваливает в кучу и месит, кажется, такое, что не смешивается, но нет, и здесь он идет от нашей жизни, ее фантастизма, и абсурда, и завихрений. Весь наш советский опыт, недоступный и непостижимый почти никому на свете, стоит, точно стеклянный столб, наполненный печалью, внутри всего творчества Алешковского. И мы, только мы, должны читать эти книги, и смеяться над ними, и плакать, и прощаться со своей тоже нашей, нам принадлежащей эпохой, и все равно оставаться на месте, вместе с нею же, потому что разве в сегодняшнем дне нет вчерашнего? Или завтра точно так же не входит в сегодня, как входит в него вчера?

Мы раскидали свои богатства, свои драгоценности по всему свету, мы уничтожили, и зарыли в землю, и развеяли в дым не просто богатства, но ценности, которые нельзя ни нажить заново, ни повторить. Пока еще хоть что-то осталось нашего по свету, надо срочно вернуть, прижать к сердцу. Время собирать камни наступило давно, а мы, как всегда, тянем и медлим. Но и камни втягивает в себя земля, и можно не успеть. Юз Алешковский — настоящий русский писатель, все, им написанное, принадлежит изначально России, Москве, Советскому Союзу. Он весь вышел из народа — это доказывает любая его строчка,— и он должен быть возвращен народу. И не он один, к слову сказать.

Он давно заслужил это право. То есть он давно сам его добыл и добился. У него-то его книжки есть. Они там есть, все изданы. Их нет у нас. Но мы же так привыкли: нам ничего не надо, что есть у всех. Даже своего.

Разумеется, немало есть людей (и будет), наотрез не принимающих Алешковского. Ни его, так сказать, платформы, идейной позиции (антисоветчина! фарс!), ни его героев (уроды! издевательство! клевета на советского человека русской, еврейской и других национальностей!), ни его языка, фантазии, образности (чушь! грязь! похабщина! вообще не литература!).

Хочу, как сумею, ответить. Антисоветчиком, как известно, еще недавно, да и теперь еще, называют всякого, кто посмел сомневаться, критиковать, задавать вопросы, хоть чуть порицать партийно-государственную систему, наши порядки, кто смел возражать, смеяться, инакомыслить. Государственная безопасность стояла и стоит на защите государства и власти, которые давно обрели антинародный характер. Называют антисоветским, не имея советского, антисоциалистическим, имея наш социализм. Ну, и так далее, что говорить на эту тему, всем все уже известно. Что касается героев, то на писателе не мог не сказаться его лагерный опыт: лагерь въедается в человека, как уголь в шахтера, дым в кочегара, миазмы свалки в мусорщика. Алешковский сидел не за политику, да и кто сидел за политику? В большинстве сидел сам народ, от крестьянских мальчишек, укравших полмешка картошки, и городских девчонок, опоздавших на работу, до прибалтийских ксендзов и вернувшихся с войны из плена солдат и офицеров. Писатель так устроен, что впитывает в себя все, и куда же деться ему от опыта собственной и народной жизни? И его ли вина, если эта жизнь абсурдна?

Конечно, Алешковский пишет по-иному, нежели Солженицын, Гроссман, Платонов, Пастернак, Булгаков или Домбровский, а тем более нежели Лев Толстой, Щедрин и Достоевский. И даже не как Зощенко, Ильф и Петров или Жванецкий. Ну и что?.. Я умолкаю, потому что все время ловлю себя на том, что вроде перед кем-то оправдываюсь, ищу, как выгородить и защитить Алешковского, доказать, что он не верблюд. Да перед кем? Почему? До каких пор это делать? Алешковский сам может прекрасно ответить за себя и сам себя собою защитить. Мы всю жизнь спорим о том, чего не читали, не видели, обсуждаем и осуждаем, о чем нет понятия. Без предмета, так сказать. Рагу из зайца. Без зайца. Надо писателя издать. А уж потом колотить по башке.

Мы фрагментарно представляем читателю одну из самых первых и самых смешных книг Юза Алешковского — «Кенгуру». Не знаю, кому как понравится, но я, например, всегда радуюсь талантливости, остроте, фантазии,— кажется, здесь все собрано про нашу грешную прошлую, но все не кончающуюся эпоху, про нас и нашу жизнь. Сатира, конечно, сарказм, гротеск, можно сказать, абсурд. Над кем смеетесь, господа? — спрашивал Гоголь.— Над собой смеетесь.

Смеемся. Что еще остается?

Юз АЛЕШКОВСКИЙ

РОМАН
(Фрагменты)

...Вот и представь, Коля, мою жизнь: трамвай где-то сошел с рельсов, вредитель скрылся, а я жду повестки с вещами. Жду год. Жду два. Кирова шмальнули. Ну, думаю, вот оно, мое особо важное дело, наконец-то образовалось! Однако странно: не взяли.

Я совсем приунып: если уж я не пошел по делу Кирова, какое же дело еще важней? Даже думать страшно было. В голове не укладывалось. В общем, жду. Лезвий безопасных в продаже не стало — жду. Мясорубки пропали — жду. Бусю Гольдштейна в Пассаже обокрали — жду. Кулаки Павлика Морозова подрезали — жду. Хлопок где-то не уродился — жду. Сучий мир! Во что превратили жизнь нормального человека! Жду. Жду. Жду. Максим Горький — жду. Джамбул триппер схватил в гостинице «Метрополь» — жду. В Испании наши погорели — жду...

В общем, встань, встань на мое место, Коля. Тридцать шестой — жду. Орджоникидзе — жду. Семнадцатый съезд — жду. Тридцать седьмой. Озеро Хасан. Маньчжоу-го. Челюскин — жду. Леваневский то ли пропал, то ли слинял — жду. Крупская. Чкалов. Белофинны... Жду. Берут почти всех, кроме меня. На улице «воронков» больше, чем автобусов, и все битком набиты... Следующая — Колыма, берите, граждане, билеты, через заднюю площадку не выходить. Может, забыли про меня? Может, Кидалла сам подзалетел? Они же друг друга, как пауки, хавали. Где там подзалетел! Я трое суток на площади Дзержинского стоял и дождался. Вышел Кидалла из подъезда, посмотрел подозрительно на небо и в «эмку» плюхнулся. Ромен Роллан. Герберт Уэллс. Как закалялась сталь. Головокружение от успехов — жду... Кадры решают все — жду. Сталинская конституция — жду. В общем, вся история советской власти, Коля, прошла через мой пупок и вышла с другой стороны ржавой иглой с суровой ниткой. Гитлер на нас напал — жду. Окружение. Севастополь. Киев. Одесса. Блокада. Чуть Москву не сдали — жду. Покушение на Гитлера — тоже жду. Второй фронт, суки, не открывают — жду. Израиль образовался. Положение в биологической науке — жду. Анна Ахматова и Михаил Зощенко — жду. И наконец случайно дождался своей исторической необходимости. Дождался. Сижу, кнокаю на Кидаллу, и он тоже косяка на меня давит, ворочает в мозгах своих, окантованных воспоминаниями.

— Давненько,— вдруг говорит,— не виделись, гражданин Тэдэ. Мне скоро уж на пенсию уходить. Пора получить с вас должок. Прошу слушать меня внимательно. Отношения наши дружественные и истинно деловые. Для вас есть дело. А дело в том, что наши органы через три месяца будут справлять годовщину Первого Дела. Самого первого дела. Дела Номер Один. И к этому дню у нас не должно быть ни одного Нераскрытого Особо Важного Дела. Ни одного. Не вздумайте вертухаться. Гоп-стоп, повторяю, не прохезает. Интимные вопросы есть?

— Сколько,— спрашиваю,— всего у вас нераскрытых особо важных дел и все ли будем оформлять на меня? Надо ли интегрировать эти дела ввиду того, что они, естественно, дифференцированы?

— Нераскрытых дел,— говорит Кидалла,— у нас неограниченное количество, ибо мы их моделируем сами. Предлагаю штук десять на выбор. Есть еще интимные вопросы?

— А что будет, если я уйду в глухую несознанку и не расколюсь, даже если вы мне без наркоза начнете дверью органы зажимать?

— Этот вопрос твой,— отвечает Кидалла,— глупый, и отвечать я на него не собираюсь. То, что ты сейчас сидишь передо мной, есть историческая необходимость, и вертухаться, подчеркиваю, бесполезно. Вместо тебя я могу, разумеется, взять с сотню-другую товарищей-граждан. Но мне нужен ты, дорогой Тэдэ. Ты мне нравишься. Ты — артист и процесс превратишь в яркое художественное представление. Я тут на днях сказал одному астроному: «Это ваш звездный час, Амбарцумян. Раскалывайтесь — и дело с концом». В общем, Тэдэ, поболтать с тобой приятно. Давай, однако, завари чифирочка и — ближе к делу. Кстати, если тебя, как всех моих подследственных гавриков, интересует, что такое историческая необходимка, я отвечу: это государственная, партийная, философская и военная тайна. Так что давай чифирнем, я уйду на особое совещание, а ты знакомься с делами.

Вот такой, Коля, был у нас разговор, и от этой исторической необходимости засмердело на меня такой окончательной безнадегой, что я успокоился, чифирнул, помолился Господу Богу и принялся рассматривать дела. И мне стало совершенно ясно, что за каждое из них корячится четвертак, пять по рогам, пять по рукам, пять по ногам и гневный митинг на заводе «Калибр». Умели чекисты дела сочинять. Не зря им коверкотовые регланы с мельхиоровыми пуговицами шили. Умели, сволочи, моделировать дела.

Мне потом Кидалла электронную машину показал, которая им стряпать дела помогала и, в частности, состряпала мое. В нее ввели какие-то данные про меня, всепобеждающее учение Маркса — Ленина — Сталина, Советскую эпоху, железный занавес, соцреализм, борьбу за мир, космополитизм, подрывные акции ЦРУ и ФБР, колхозные трудодни, наймита империализма Тито, и она выдала особо важное дело, по которому и поканал твой старый друг. О самом деле — немного погодя.

Ну, всякие дела о покушениях на Иосифа Виссарионовича я откинул к е...й, извини за выражение, бабушке. На Кагановича, Маленкова и Молотова и на них обоих вместе откинул тоже. Ну а раз так, то на кой, простите, хер, брать мне было на себя организацию вооруженного нападения на Турцию с целью захвата горы Арарат и провозглашения ПанАрмении? Дело, конечно, само по себе небезынтересное и благородное, но — группка-с! Группка-с, Коля! Ведь мой принцип: идти по делу в полном одиночестве. Хорошо. Много дел я перебрал. Остановился было на печатании денежных знаков с портретами Петра Первого на сотнях, футболиста Боброва на полсотнях и Ильи Эренбурга на тридцатках, но раздумал. Кражу во время операции одной почки у организма маршала Чойбалсана я в гробу видал. Попытку инсценировки «Братьев Карамазовых» в Центральном театре Красной Армии — тоже. Крушения, отравления рек и газировки в районах дислокации танковых войск, саботаж, воспевание теории относительности, агитация и пропаганда, окапывание в толстых журналах с далеко идущими целями, срывание планов и графиков, многолетняя вредительская деятельность в Метеоцентре СССР, шпионаж в пользу 77 стран, включая Антарктиду,— все это, Коля, было тоскливо, отвратительно и аморально.

И тут, перед самым приходом Кидаллы, попадается мне на глаза, что бы ты думал, милый? Мне попадается на глаза «Дело о зверском изнасилова-

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

нии и убийстве старейшей кенгуру в Московском зоопарке в ночь с 14 июля 1789 года на 9 января 1905 года». Наверное, гнусная машина перепутала Французскую революцию с трудоднями, отпечатками моих пальцев, кровавым воскресеньем, Австралийской реакцией, опасным для СССР образованием государства Израиль и выдала дело, которого я дожидался годами, меча икру и писая в потолок серной кислотой. Читаю.

«Мною, кандидатом филологических наук Перьебабаевым-Валуа, во время ночного обхода образцового слоновника с антикварной колотушкой были зафиксированы звуки, в которых модуль суффикса превалировал над семантической доминантой чертежная доска антисоветских анекдотов глумясь лирического героя да здравствует товарищ Вышинский оказавшийся кенгуру зажег коптилку лучинку факел бенгальский огонь Альфу Центавра твою мать цепных псов тревога львиной долей следы борьбы в сумке кенгуру краткий курс четвертая глава привлекался на оккупированных территориях не имею пульс нуль составил протокол Предьюбабаев-Валуа».

Вот какая, Коля, уха! Но мне она чем-то понравилась. Я подумал: кому же могло прийти в голову трахнуть бедное животное, кенгуру, и убить? Подумал и вдруг ясно понял: да ведь это же моих рук дело! Моих! Я — моральный урод всех времен и народов — долгими зимними ночами следил с верхотуры высотки на площади Восстания за старейшей кенгуру и, запутавшись в половом вопросе, готовил преступление, леденящее кровь прогрессивных сил! Я его совершил, и я за него отвечу с открытой душой перед самым демократическим в мире правосудием! Жди, Фемида, любезная подружка международного урки, скорого свиданьица и не толкуй народным заседателям в совещательной хавирке, что не твое это Дело! Твое! И мое! Я долго его ждал и все-таки дождался! Вся моя жизнь была подготовкой к зверскому убийству невинного животного, убийству к тому же лагерному, потому что зоопарк — не что иное как лагерь, он же закрытка, он же централ, он же Бур, он же Зур, он же пожизненный кандей бедных и милых птиц и зверей, сотворенных Богом для существования на вечной свободе! Давай поднимем, Коля, тост за тех, кто там! За кенгуру, за голубых белок и белых лебедей!

— Приглянулось мне,— говорю вошедшему в кабинет Кидалле,— одно дельце.

— Давай,— отвечает мусорина окаянная,— помажем, что я знаю, какое?

Помазали. Он что-то написал на бумажке. Я говорю: «Кенгуру». Он мне протягивает бумажку и выигрывает, тварь!

. . . .

...Пообедали. Покурили. Посмотрел я в окошко, а там «Детским миром» еще не пахло. На том месте, где он сейчас стоит, были забегаловка «Иртыш» и славный бар «Веревочка».

— Ну, что ж,— говорю,— товарищ Кидалла, давайте ближе к нераскрытому особо важному делу. Раз я согласен, значит, у меня есть к органам коекакие претензии. Во-первых,— говорю,— камера должна быть на солнечной стороне. Из газет — «Нью-Йорк таймс», «Вечёрка», «Фигаро», «Гудок» и «Пионерская правда». Питание — из «Иртыша». Оттуда же раки и пиво. Мощный приемник. Хочу иметь объективную информацию о жизни нашего государства, и, разумеется, не забудем, товарищ Кидалла, о сексе. О сексе,— говорю,— человек не должен забывать даже во время затяжного предварительного следствия, а оно, как я полагаю, будет длиться пять месяцев и семь дней. За такой срок можно женскую гимназию превратить в женскую консультацию имени Лепешинской, которая в вашей, небось,— говорю,— лаборатории из чистого локша получила живую клетку. Девочек будем менять каждую ночь. Невинных не надо. Не надо также дочерей и родственниц врагов народа, потому что я не тот человек, который злоупотребляет служебным положением и изгаляется над несчастными. Не тот, товарищ Кидалла!

Смотрю: Кидалла побелел, глаза зеленой блевотиной налились, рука к пресс-папье потянулась. Быстро подставляю под удар часть мозга, заведующую устными показаниями. Кидалла заскрипел зубами и вышел куда-то. Бить не стал.

— Чего,— говорю, когда он вернулся,— вы психуете?

— Я,— говорит Кидалла,— регулярно психую три раза в сутки. В стресс впадаю. И мне требуется разрядка. Я тогда помогаю друзьям допрашивать врагов...

— Три раза,— говорю,— в неделю кино, желательно неореализм, Чаплин и 20 век Фокс. Бюнюэль, Хичкок, Иван Пырьев. После процесса — отправка в спецлаг с особо опасными политсоперниками Советской Власти, бравшими штурмом Зимний и ближайшими помощниками Ильича. Со светлыми личностями, в общем. Так. И еще,— говорю,— товарищ Кидалла, у меня к вам личная просьба. Поскольку вы не без моей дружеской поддержки получите за внедрение в следственный процесс ЭВМ закрытую медаль «За взятие шпиона» и значок «Миллионный арест», то я убедительно умоляю вас посадить на пару дней в мою однокомнатную камеру, в мое уютное каменное гнездышко изобретателя ЭВМ. Очень вас прошу. Я даже готов сократить срок предварительного следствия за знакомство с человеком, чей бюст со временем украсит вестибюль Бутырок, фойе Консьержери и Тауэра...

...Приходит мусор, рыло девять на двенадцать, за три дня не обсерешь, а с бригадой за день. Кидалла и велит ему волочь меня в третью комфортабельную с содержанием по высшей усиленной...

Мусор дал мне тогда какой-то микстуры в дежурке, и проснулся я, неизвестно сколько прокемарив, на чистом белье, в чудесной комнатушке без единого окна, но воздух — прелесть и холодок, как летом на даче. Герань в горшочках. Васильки и ромашки в вазочке. Послушай, Коля, я что-то вдруг забыл, имелся ли в той комнатушке потолок?.. Имелся ли потолок? Странно. Даже такие простые вещи иногда, оказывается, забываются. Васильки, в общем, и ромашки в вазочке. Мощный приемник «Телефункен» и фотографии с картинками. Вся история ревдвижения в России, партийной борьбы и Советской власти в фотографиях и картинках. Вольтер. «Радищев едет из Ленинграда в Сталинград». «Буденный целует саблю после казни царской фамилии». «Вот кто сделал пробоину в «Челюскине» и открыл каверны в Горьком!!» «Ленинский огромный лоб». «Сталин поет в Горках «Сулико». «Детство Плеханова и Стаханова». «Якобы голод в Поволжье и на Украине». «Мама Миши Ботвинника на торжественном приеме у гинеколога». «У Крупской от коллективизации глаза полезли на лоб». «Кривонос и паровоз кулаков везут в колхоз». «Мир внимает Лемешеву и Козловскому».

Лежу. Разглядываю вышивки на наволочках, простынях и пододеяльнике. Все — подарки на день рождения Якиру, Тухачевскому, Егорову и прочим военачальникам от корешей, с которыми они вместе брали Кронштадты, Перекопы и каленым железом выжигали дворянскую язву на теле России. Конфисковали бельишко у палачей более удачливые и гнусные палачи. Встал. Сходил в сортир. Маленький такой, милый сортирчик. На двери нацарапано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь. История еще вынесет внутренним врагам свой приговор».

Бамс! Открывается кормушка, на пол падает «Фигаро». Я стучу и спрашиваю, где «Гудок»? Мне голос, хрен знает откуда, отвечает: «Гудка» седни не будя. Типографские бастуют».

Удивляюсь. Набираю номер третьей своей ласточки из театра кукол. «Товарищ Кидалла,— говорю,— неужели гудковцы объявили нам с вами забастовку? Где «Гудок»? Я ж исключительно этот орган любил читать в экспрессах! Мне без него,— говорю,— в неволе трудно».

Кидалла терпеливо разъяснил, что бастуют типографии Херста и не выходит «Таймс», а тираж «Гудка» задержан, так как по вине вредителя-редактора на передовой фотографии «Каганович в березовой роще» на одной из берез виднеется слово из трех букв и имя «Гоша».

— Гоша только что,— говорит Кидалла,— взят нами при попытке перейти финскую границу. Остальное — дело техники. Редактора через день ликвидируют, и «Гудок» начнет выходить, как ни в чем не бывало.

Бамс! Снова открывается кормушка и на ней, Коля, завтрак. Пополдал. Закурил. Дымок вытягивает неизвестно куда, но ясно, что на свободу. Колечко за колечком. Тю-тю! И никто ничего про меня не знает, кроме Кидаллы и рыла, которое за три дня не обсерешь. ...Я книжки полистал. Хорошие книжки. Из личных библиотек врагов народа. На «Трех мушкетерах» читаю: «Дорогому Бухарину — Портосу первой пятилетки. Не надо враждовать с гвардейцами Ришелье. И. Сталин». Не послушался олень. Полез со шпагой на мясорубку. Достаю брошюру Толстого «Непротивление злу насилием». «Верному другу Зиновьеву, с пожеланием поплясать на трупах кавказских преторианцев. Каменев». А интересно, думаю, знает родной и любимый про дело кенгуру или не знает?

. . . .

Как везли меня в суд и где он находился, я, Коля, до сих пор не знаю. Очнулся я после вдыхания какого-то сладкого газа прямо на скамье подсудимых, за барьером из карельской березы. Скамья сама по себе мягкая, но без спинки, а это в процессе раздражает неимоверно, и не знаю, как ты, а я от этого чувствую отвратительную за собой пустоту. Поднимаю голову и прищуриваюсь. Мне было некоторое время невыносимо смотреть в глаза собравшимся людям. Очень все интересно. В первых рядах сидят представители всех наших союзных республик в национальных одеждах. Чалмы, папахи, косынки, бурки, косоворотки, унты, тюбетейки, ширинки, халаты и, в общем, кинжалы. За ними рабочие в спецовках. Концами руки вытирают, из-за станков, так сказать, только что вышли. Колхозницы с серпами. Интеллигенты с блокнотами. Писатели. Генералы. Солдатики. Скрипачи. Много знакомых киноартистов. Балерина. Кинорежиссеры. Сурков. Фадеев. Хренников. За ними представители, как я понял, братских компартий и дочерних МГБ. Телекамера. По залу носятся два хмыря, которых распирает от счастливой занятости. Делают распоряжения. Что-то друг другу доказывают. Решают, суки, художественную задачу.

Вдруг заиграл свадебный марш Мендельсона, в зал вбежали пионеры с букетами бумажных цветов. Лемешев пропел: «Суд идет! Су-у-уд и-и-и-дет!» Все, разумеется, и я в том числе, встали. И по огромной винтовой лестнице, символизирующей, Коля, спиральный процесс исторического развития, спустились вниз и уселись на стулья с громадными гербовыми спинами председательница (мышка, а не бабенка) и двое заседателей: старушенция и здоровенный детина в гимнастерке и кирзовых сапогах. Выбрали в полном составе почетных заседателей — членов Политбюро во главе со Сталиным. Затем стороны уселись. Прокурор в форме и с желто-черными зубами. Барабанит пальцами по столу. Смотрит в потолок и всем своим видом, подлятина, как бы намекает на то, что в этом зале только он кристаллически честный человек, а остальных он, если бы мог, приговорил сию секунду, не отходя от кассы, к разным срокам заключения в исправительных лагерях. Защитник же мой тоже думает о присутствующих как о неразоблаченных преступниках, но, в отличие от прокурора, с жалостью и пониманием, и как бы внушая, что лично он готов исключительно профессионально оправдать всех или же с ходу снизить нам срока заключения.

Забросали пионеры два тома моего дела цветами, вручили букеты судьям, прокурору и конвою. Защитнику цветов не хватило. Тогда прокурор подошел и поделился с ним хризантемами. И — понеслась!

Именем такой-то и сякой республики... слушается в открыто-закрытом судебном заседании дело по обвинению гражданина Гуляева, он же Мартышкин, он же Каценеленбоген, он же Збигнев Через-Седельник, он же Тер-Иоганесян Бах, две страницы, Коля, моих рабочих системных кликух прочитали, пока не остановились на последней: Харитон Устиныч Йорк.

Старуха заседательница, это она, если помнишь, когда я шел к Кидалле на Лубянку, заметила мой «не тот, не наш» взгляд, которым я давил косяка на Кырлу Мырлу, стоявшего в витрине молочного магазина, старуха и сказала на весь зал, услышав, что я Х. У. Йорк: «Это — распад!»

Председательница-мышка после этого продолжала: по обвинению в преступлении, непредусмотренном самым замечательным в мире УК РСФСР, по эквивалентным статьям 58 один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять и так далее с остановками по следующим пунктам: а, б, в, г, д... Далее без остановок. В том, что он в ночь с 14 июля 1789 года на 9 января 1905 года зверски изнасиловал и садистски убил в Московском зоопарке кенгуру породы колмогорско-королевской по кличке «Джемма», а также являлся соучастником бандитской шайки, отпилившей в первомайскую ночь рог с носа носорога Поликарпа, рождения 1937 года, с целью превращения рога в порошок, резко стимулирующий половую активность работников некоторых московских театров, Госфилармонии и Госцирка... Подсудимый Йорк полностью признался в совершенных преступлениях...

Тут, Коля, я возмущенно захипежил нечеловеческим голосом:

— Рог не отпиливал! Первый раз слышу! Мусора! Шьете лишнее дело! Ваша масть бита!

Но, веришь, никто меня не осадил, наоборот, все, даже прокурор и председательница-мышка, зааплодировали, потом тихо зазвучал полонез Огинского, все во мне похолодело, душа оборвалась, и я почувствовал, Коля, первый раз в жизни, острей и безнадежней, чем в третьей комфортабельной, что я смертельно одинок, смертельно беззащитен и что какието дьявольские силы цель свою видят в том, чтобы широкие народные массы весело отплясывали «Яблочко» на моем одиночестве, на моей беззащитности, на единственной жизни моей!..

...Рассказал я сначала, где родился и где крестился.

Старуха заседательница: — Почему, подсудимый, вы — Йорк?

Я: — Я полумордва, полуангличанин. И прочитайте начальные буквы моего имени, отчества и фамилии.

Старуха заседательница (написав и прочитав): — Это — распад! Это слово на букву хэ!

Представитель чукчей (из зала): — Ты почему моржиху не захотел изнасиловать? (Аплодисменты.)

Я: — Моржихи мне глубоко несимпатичны и еще по одной причине, о которой могу сказать только при закрытых дверях.

Прокурор: — Перед тем как включить проектор и ознакомить присутствующих с киноматериалами дела, я хочу сказать несколько слов о принципиаль-

но новом жанре кино, при рождении которого всем нам выпала присутствовать честь. Автором сценария выступил сам подсудимый Х. У. Йорк. Разумеется, и следователи, которым пришлось на некоторое время стать кинодраматургами, и кинодраматурги, ставшие следователями, внесли некоторые коррективы в основной преступный замысел подсудимого. Не все в нем было гладко, не все соответствовало эстетическим нормам ведущего направления в искусстве нашего века — соцреализма. Но творческая группа, преодолев все трудности, выносит сегодня на суд народа свое произведение. Имена его создателей до времени останутся неизвестными. Всем им присуждена сталинская премия I степени. Да здравствует лучший друг важнейшего из искусств, мудрый продолжатель дела Маркса и Чаплина, Энгельса и де Сики, Ленина и Всепудовкина — великий Сталин! Смерть Голливуду!

Зашевелились, Коля, на окнах черные шторы, погас свет, и начался журнал «Новости дня». Кто-то выплавил первую тонну чугуна... Какой-то колхозник сам отказался от своих трудодней и весь колхоз призвал поступить так же... К чабанам в горы пришла мясорубка... Лондон рукоплескал Улановой. Чарли Чаплина затравил сенатор Маккарти... Советские евреи дружно не хотят присоединяться к Израилю. А после журнала пошло кино, от которого стало мне душно... Вольер в зоопарке, вытоптанная животными желтая трава, кормушка, вроде умывалки в пионерлагере, и рядом с ней мертвая кенгуру... Над трупом стоят и плачут администрация зоопарка, научные сотрудницы и юннаты... Вдруг к вольеру с воем сирен подъехали две черные «Волги» и спецмашина. Из нее выскочили проводники с овчарками и разные спецы с приборами... Из «Волги» вышел в штатском Кидалла, всех стоявших у кенгуру тут же велел взять, и их затолкали в спецмашину... Пошли крупные планы... Кидалла достает из сумки бедной Джеммы гранату-лимонку и мужественно вынимает у нее взрыватель. Зал ахнул и зааплодировал... Голова Джеммы с открытыми глазами... Лапы... Пальчики на них... ногти круглые... шерсть серо-бурая... ноги задние сильные, стройные... Хвост... Тут я от жалости и омерзения закрыл шнифты. Открываю. На экране недоеденная репа, кулек пшеницы и две французские булки. Этими гостинцами я подманивал к себе в ночь с 14 июля на 9 января Джемму... Кидалла перевернул ее и показал четырнадцать ножевых ран в сердце. Я снова закрыл шнифты. Сволочи, подонки, выродки, потерявшие человеческий облик! Зачем было убивать невинную Джемму? Зачем так коверкать проклятый сценарий? Я и без этого взял бы на себя изнасилование еще пяти кенгуру, удава, крокодила и даже гиены в придачу! Убийства не было в моем сценарии! Зачем надо было ее убивать? Открыл. На экране — найденные улики: пуговица от ширинки и автобусный билет. Кидалла вдруг снова чего-то достает из сумки Джеммы. Детеныш! Детеныш, Коля! Живой! Живой! Шевелится! Весь зал так и грохнул овацию, и я вместе со всеми хлопаю, аж ладошки заболели, и рукавом слезы смахиваю. Живой. Майорша, которая пробы почвы брала и следы замеряла, расстегивает гимнастерку, вываливает прелестную совершенно грудь и кенгуреныша — к соску. И улыбается, женственно улыбается на весь экран. А Кидалла отвернулся, чтобы наш народ не видел слез чекиста.

Неожиданно зажгли свет. Это стало плохо, от всего увиденного, представителю Австралийской компартии. Посерел, держится за сердце, к губам его микрофон поднесли, и он шепчет на весь зал, а может, и на весь мир: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Учение Маркса всесильно, потому что оно верно!» — Ему укол сделали. Оклемался. На меня две колхозницы бросились в бешенстве. Обе с серпами, и работяга с молотом. Прибили бы, если бы не конвой. Удержал их, слава Богу, конвой. Снова свет потух. Арест сторожа Рыбкина. Наконец-то я увидел человека, которого споил и у которого купил все его боевые ордена на Тишинском рынке. Кемарит себе Рыбкин, прислонившись к тоже спящему бегемоту. Карабин лежит в пасти у бегемота. Там же недопитая «Петровская водка» и кулек с закуской. Бегемоты, Коля, как и алкоголики, спят с открытым ртом. Кидалла Рыбкина разбудил пистолетом. Дулом в ноздре пощекотал. Зал так и грохнул от хохота. Рыбкин проморгался, к бутылке рукой потянулся, а Кидалла ему: «Руки вверх!» Рыбкин встает, и до него, видно, не доходит, как это так «руки вверх». Он правую поднял, а левой к бутылке тянется. Кидалла его руку сапогом отбил и Рыбкина — в машину. Он, бедняга, все оглядывался тоскливо, когда шел, на бутылку и закуску в пасти бегемота. Так и не дошло до него происходящее. Очень я переживал тогда. Затем был лично мной сочиненный веселый детектив, как искали Фан Фаныча по крохотным уликам: пуговице от ширинки и автобусному билету с тремя оторванными, оказывается, цифрами... Опросы кондукторов, водителей автобусов, пассажиров, продавщиц брюк и костюмов, продавцов «Петровской водки»...

Допрос расколовшегося Рыбкина, который категорически отказался отвечать на вопросы, пока ему не дали опохмелиться. Молодец! Я один аплодировал этому факту. Председательница-мышка предупредила, что выведет меня из зала, если буду мешать простым людям доброй воли смотреть картину и не посмотрит на то, что я автор сценария...

...А когда, Коля, показали, как на лафете в аэропорт везли убитую Джемму и вслед ей махали австралийскими и советскими флажками трудящиеся Москвы, как внесли Джемму на носилках по трапу в лайнер, как летел самолет в Австралию и простые люди доброй воли смотрели ему вслед гневно и грустно, когда показали похороны Джеммы в Мельбурне и речь нашего посла над ее могилой, а потом открытие мемориального комплекса работы Вучетича, тогда весь зал судебного заседания зарыдал, наконец, Коля, и я расстроился тоже.

Я действительно переживал эту трагедию понастоящему. Я, может быть, был единственным человеком в зале так ее переживавшим, но вот что заметил, милый мой Коля. Я заметил, что начинаю во время картины болеть за чекистов. Безумный, уродливый и сильнейший эффект важнейшего из искусств — так извращенно пудрить мозги человека! Да! Да! Да! Я начал именно болеть, именно желать и метать икру, чтобы Фан Фаныча скорей, падлу такую, схватили и чтобы не ушел он, паразитина, от возмездия!

...— Су-у-уд и-и-и-дет! — пропел Максим Дормидонтыч Михайлов, и все мы вскочили на ноги. Приговор, Коля! Но читала его не мышка Владлена Феликсовна, они с падлой и кирзой просто стояли за столом, а Юрий Левитан читал:

— Работают все радиостанции Советского Союза! — Я весь треп мимо ушей пропустил.— В том, что он... руководствуясь... не-ви-но-вен... отпиливании рога носорога... освободить из-под стражи... дело направить на дальнейшее рассмотрение в городах-героях... В преступлении... в ночь... зверски изнасиловал и убил... граната-лимонка... материалами дела и показаниями свидетелей... полностью изобличен. Двадцать пять лет лишения свободы... учитывая многочисленные просьбы трудящихся, руководствуясь революционностью советского уголовного права... Йорка Харитона Устиновича, родившегося... высшая мера наказания: расстрел!

Расстрел, Коля, расстрел. Только не надо, дорогой, делать круглые шнифты, не надо удивляться и хрипло доказывать мне, что закон не имеет обратной силы. Не надо. Это буржуазные законы не имеют обратной силы. А для нас закон — не догма, а руководство к действию. И все дела...

Вдруг вызывает меня инъюрколлегия и говорит:

— Согласно завещанию австралийского миллионера Джеймса Кларка вам положено наследство в 200 000 фунтов стерлингов.

— Кларк,— спрашиваю,— не ошибся?

— Нет. Ни у него, ни у нас ошибки быть не может. Вас это наследство дожидается уже 76 лет. Завещано оно человеку любой национальности, который изнасилует и зверски убьет кенгуру, нанеся ей ножом четырнадцать ран. Так что все сходится. Распишитесь.

— Одну минутку,— говорю,— но ведь органы ушли в несознанку и утверждают, что я был осужден за попытку убрать антипартийную группу еще при жизни Сталина, а кенгуру — это мой бред, лагерная паранойя и так далее.

— Вы неглупый человек и понимаете, что речь идет о крупной сумме. О валюте. Стране она сейчас необходима. Если промедлить, то слух о завещании пронесется по всему миру и начнутся массовые убийства и изнасилования несчастных кенгуру лжепретендентами на наследство. Партия считает, что вы являетесь единственным законным наследником Кларка. Распишитесь.

— А он что,— спрашиваю, ибо спешить мне некуда,— был с легкой при...дью?

— Кенгуру много раз совершали набеги на его поля, опустошали их, и под конец жизни Кларк заимел кенгурофобию ужасно тяжелой формы. Он прыгал на четвереньках, носил на животе сумку с золотом и, умирая, оставил вот это странное, лежащее перед вами завещание. Из-за утечки информации о вашем преступлении и о суде над вами узнал атташе культуры посольства Австралии, и делу, с согласия Никиты Сергеевича, был дан ход. Распишитесь, пожалуйста. Сумма прописью. Двести двадцать один рубль 86 копеек цифрами.

— То есть как это,— говорю,— двести двадцать один рубль 86 копеек цифрами? Вы меня за кого принимаете, фармазоны гонконгские? 200 000 кладите на бочку стерлингов и переводите их в сертификаты. Торговаться не будем. Воля покойного господина Кларка для меня вот уже несколько минут священна. Желаю соответствовать завещанию.

Тут выходит из кабинета лощеный деятель. Пробор. Золотая оправа. Бабочка. Запонки элегантные. Костюм с выставки «40 лет СССР». В руках сигара.

— Прошу вас ко мне, Фан Фаныч! Прошу.— Зашли мы в кабинет. На низком изящном столике — виски, бананы, кока-кола, содовая, сандвичи и японские сухарики для пива. Пиво же само во льду удостоилось чести стоять.

— Чешите,— говорю,— товарищ международный юрист, за ушами у международного урки. Слушаю вас. Только без темени. Я не гимназист из книжки «Белеет парус одинокий».

Короче говоря, Коля, выложил он мне, после того как я предложил помянуть эксцентричного австралийца, ихние расчеты. Оказалось по какому-то закону или личному указанию они обязаны отныкать от моих стерлингов 75 %. Затем от оставшейся суммы мне следовало отчислить в Фонд мира еще огромную часть. Бездетность, подоходный налог, беспартийные, праздничные и, наконец, Коля, мне был предъявлен счет за что, как ты думаешь?.. Да! Ты неглупый человек. Эти твари обнаглели до того, что я должен был выплатить за убитую мною Джемму чудовищную сумму в золотых рублях и алименты за искусственное кормление и содержание на площадке молодняка ее спасенной сироты — маленькой кенгуришки. Ну, не цинизм ли это, Коля, от которого я весело расхохотался, ибо, отнесись я к нему серьезно, я, наверно, свихнулся бы от гнева и ненависти.

— Жамэ,— говорю,— подотритесь вашими двумя сотнями. Я их получать не собираюсь. Завтра же позвоню в Австралию. Руки прочь от завещания господина Кларка!

Лощеный тип тоже посмеялся и говорит:

— Послушайте моего совета, дорогой Фан Фаныч. Распишитесь. Получите денежки. Мы вам еще пару сотен подкинем. Урежем праздничные и не будем вычитать с вас сумму за расходы по ведению вашего процесса и киносъемку.

— Жамэ. Адью.— Собираюсь уходить. Лощеный снова хохотнул. Он лучше меня понимал, конечно, юмор ситуации.

— Подпишите, Фан Фаныч. Остается немалая сумма. Для «Березки» года на три хватит. Должен вам сообщить, что Никита Сергеевич распорядился очень строго. Если вы откажетесь от завещания, этот шаг будет квалифицироваться как подрыв валютного состояния нашей Родины. Сами понимаете, чем это пахнет. Воля не моя, поверьте.

— Вот это,— говорю,— артистично. Тюремным и лагерным грязным уркам нужно поучиться так половинить чужое. Восхищен... Упираться рогами в ворота не стану. Однако требую скостить камерные и суточные за недоедание, а также оплатить мне убийство пятисот семидесяти крыс по существующим расценкам.

— Молчу,— говорит лощеный,— люблю деловой подход. Я вам возвращу также сумму гонорара адвоката и стоимость пива с бутербродами. Итого: две тысячи семьсот один рубль ровно. Распишитесь.

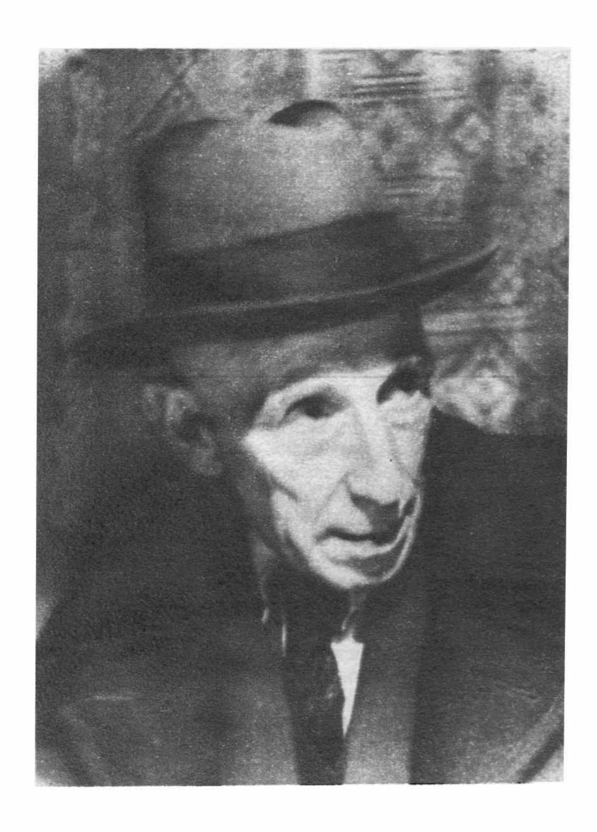
Эти подонки дошли до того, что хотели содрать с меня фанеру за пиво, которое я тогда в перерыве между заседаниями хотел выпить, и за бутерброд предсмертный с полтавской колбаской. Подонки.

Ты не думай, что меня угроза Никиты урезонила. Нет. Мне было бы тошно и скучно качать права с кухарками, руководящими государством. Да и жадничать не надо. Дают — бери, бьют — беги и говори — слава Богу, если не догонят. Жадность, как ты понимаешь, не одного фраера сгубила. На ней ведь и такой уродливый урка погорел, как Адик Гитлер. Думаю, что и у гнусной Соньки, у Советской нашей власти многое со временем костью в горле встанет. Не может не встать. Уж больно много она ни за что ни про что людской кровушки попила, невинных душ извела, сил повымотала и полвека держит дух человеческий в состоянии бесконечного унижения.

Короче говоря, Коля, расписался я, удивляясь превратностям судьбы и неведомому нам течению событий, и ты всегда можешь рассчитывать на бутылку нормальной водки из «Березки»; на колбасу, как при царе или до войны; можешь рассчитывать на джинсы и шубку для своей Влады Юрьевны и на прочую дрянь, которую в нормальных странах продают на каждом углу за нормальные деньги. «Березка», Коля... «Березка»! Ну, стоило ли угрохивать 60 миллионов человеков за открытие этого магазина? Вот кино! Вот кино! Я, между прочим, опять забежал вперед и недорассказал, как я тогда в первый день московской жизни закемарил, потом проснулся и позвонил тебе. Собственно, что рассказывать, когда остальное все известно. Я позвонил тебе. Мы рванули во Внуково. Под грохот небесный. И ты помнишь, Коля, какой я предложил тост? Не помнишь. А я помню.

— За нас с тобой,— сказал я тогда,— будь здоров, Коля! Дай Бог, чтобы пить нам не по последней. Выпьем, милый мой друг, за Свободу!

Москва — Голицыно, 1974—1975 гг.

150 ЛЕТ ФОТОГРАФИИ

СТРАНИЦЫ СТАРОГО АЛЬБОМА

Старый альбом... Он значительно старше меня. Ему уже далеко за семьдесят. Я унаследовал его от отца, Петра Федоровича Леонтьева — офицера русской армии, участника первой мировой войны, командира Красной Армии с 1918 года. Альбом самодельный, толстая серая бумага... Но в нем лица и судьбы людей, живших во времена первой мировой и февральской революции,— солдат, офицеров, генералов, политических деятелей...

Я вспоминаю и того, кто был автором всех этих фотографий из альбома,— Петра Оцупа.

В начале войны, в 1914 году, он оказался на фронте в качестве фронтового корреспондента в районе боевых действий Западного фронта, в расположении 56-й пехотной дивизии, где воевал мой отец. Короткое знакомство перешло в крепкую, многолетнюю дружбу.

Благодаря этой дружбе в нашей семье появились и долгие годы хранились уникальные фотографии.

К сожалению, со временем большинство наших семейных фотореликвий оказалось утраченным по разным житейским причинам. Остался вот только один этот альбом.

...Первая мировая война. На фотографиях П. А. Оцупа она персонифицирована.

Вот высший генералитет русской армии: генерал от инфантерии М. Алексеев, начальник штаба Ставки (а также будущий организатор и глава белогвардейской Добровольческой армии), и генерал Янушкевич за разработкой плана очередной операции.

Еще фотография: аэроплан тех времен, какой-нибудь «Блерио» или «Фарман», наверно, трофей-

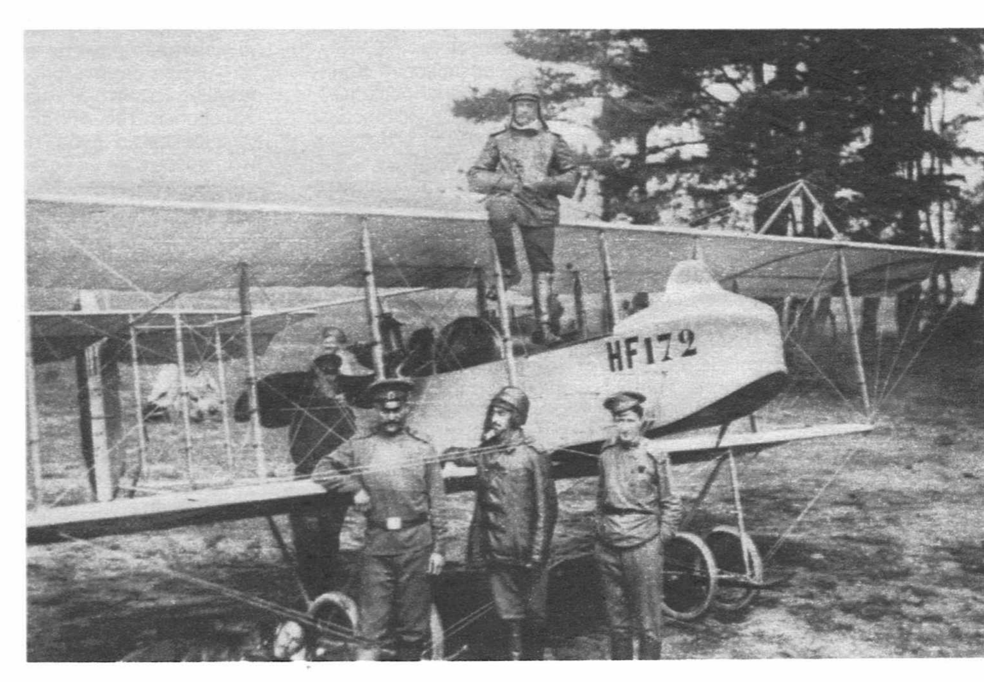

ПЕРВАЯ
БОЧКАРЕВОЙ
ВОЕННАЯ

ДА
ЗДРАВСТВУЕТЪ
УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ
СЪѢЗДА
делегаты
СЪѢЗДА

ный, судя по буквам на хвостовом оперении, а рядом с ним известный русский военлет Валентей. И дальше — русские солдаты в госпитале.

Перевернем несколько страниц. 1917 год, февраль — сплошной калейдоскоп событий. Лозунги, Таврический дворец, забитый солдатскими шинелями, бурлящие толпы на Невском...

Лето 1917-го. А. Ф. Керенский. На фотографии он принимает рапорт от командира части, уходящей на фронт. Вот интересное фото: на снимке Мария Бочкарева из «женского батальона смерти». Простое крестьянское лицо под армейской фуражкой, на гимнастерке — солдатский Георгий и медали.

Последняя страница альбома закрыта. С благодарностью вспоминаю того, кто своим трудом дал нашему поколению возможность заглянуть в то далекое, давно ушедшее в историю и все же неотступно следующее за нами прошлое...

Евг. ЛЕОНТЬЕВ

Михаил ЛЮБИМОВ

И АД СЛЕДОВАЛ ЗА НИМ

Роман

На горных вершинах дышалось как в раю. Я вернулся в кафе, утопающее в заходящих солнечных лучах, купил газету и заказал бифштекс с луком и полбутылки красного вина.

Что пишет свободная пресса? Каникулы на Барбадосе подобны бесконечному празднику, вы будете потрясены цветом и бурлением жизни, вы полюбите его парки и пляжи, тут жаркие долгие дни и прохладные ночи, Барбадос длится и не кончается никогда, спешите приобрести брошюру туристской фирмы Томаса Кука, она работает каждый день, включая субботу и воскресенье (глоток вина); рекомендуем круиз по Греции, правительством приняты строгие меры против терроризма, порты охраняются, багаж проверяется, корабли подстрахованы водолазами с опытом работы в королевском флоте, в портах работают три тысячи полицейских и отряды командос (глоток вина); спешите полюбоваться подсолнечниками в Арле, некогда нарисованными великим Ван-Гогом, который сошел с ума и откусил ухо своему другу Гогену, а потом откусил и себе, спешите на фестиваль танцующих змей, всего лишь 18 фунтов в день, охотники могут выехать на сафари в Африку, пострелять львов и тигров...

Глоток вина, бифштекс сочился и таял во рту. Римма говорит, что я много пью, но как можно не пить на такой работе? Никто не хочет брать на себя ответственность и в то же время все хотят, чтобы самоотверженный Алекс хлопнул изменника... тс! тс! что я говорю? чтобы изучил обстановку вокруг него, именно вокруг, вывез в Лондон и подружился. Может, коньяку? Хватит! Впрочем, Черчилль пил коньяк каждый день, не выпускал сигары изо рта и дожил почти до 100 лет, а один английский министр иностранных дел отличился на приеме: «Мадам, мне очень нравится ваше красное платье!» «Я не мадам, сэр, я папский нунций»,— смех и слезы! кто стоит у руля державы? только у нас в Мекленбурге все трезвенники, правда, рожи у всех кирпича просят, но это мелочи, на вкус и цвет товарища нет! ладно, я встречусь с незнакомцем, посмотрим, кто он такой, а там видно будет... в грязную историю я не полезу, нашли дурака, работай сам, брат Челюсть, нейтрализуй, ради Бога, я и так иду по канату, мое дело «Бемоль», и кто знает, что в башке у Рэя Хилсмена.

Шуточка ли — убрать человека! прекрасно все это выглядит только в теории! — поезд Монтре — Женева шел мягко и плавно,— то мороз, то кипяток, то леденеет голова, то дымятся ноги, полгода на подготовку операции, поиск экзекутора, миллион долларов за исполнение главной партии, тренировка в темноте из снайперской винтовки с оптическим прицелом. Все не так просто, надо сначала изучить маршрут движения объекта, зафиксировать его походы в городской кафедрал (славно в свое время поработали баски, взорвав испанского премьер-министра Карьера Бланко! Тонны динамита лежали в туннеле, а боевики, переодетые в рабочих службы связи, тянули шнур нагло по улице и замкнули его прямо на глазах у охраны — автомобиль долетел до пятого этажа, такой был взрыв!), а потом на пути... Правда, с Ландером дело проще. Хватит на эту тему, можно с ума сойти! Фантазия моя, пламенея, рисовала черт знает что: я уже нес в больницу изуродованный труп Ландера, под автомобиль которого только что швырнул бомбу, потом пытался отравить его цианистым калием во время обеда, но он не клевал на мои трюки и то отставлял в сторону тарелку, то ронял бокал, словно Крыса уже сообщила ему о наших планах... карамба!

Я чуть не выпал на пол из своей полудремы. Поезд огибал каменистый горный склон, Женевское озеро потемнело, как перед бурей, напротив меня упивался шпионским триллером глистообразный облезлый господин, даже не подозревая, что перед ним сидит живой персонаж его романа. Как часто, толкаясь в мекленбургском метро, мне хотелось закричать: «Люди! Знаете, с кем вы соприкоснулись плечами? Знаете, кого сдавили до полусмерти?! Я тот самый, тот самый герой вашего времени! Я не придуман, люди, я живу среди вас, я работаю на вас, не смотрите, что на мне подержанная кепчонка!..» Но девушки скользили по резиденту равнодушными глазами или вовсе не замечали — им бы красавцев эстрады, рассказывающих в красках о подвигах разведчиков, им бы шоферов, хитро выглядывающих из черных лимузинов и предлагающих поразвлечься! о времена! о нравы! прости, холодный Мекленбург, прости, мой край родной!

На следующее утро я уже сидел в приозерном ресторанчике и терпеливо наблюдал, как ковыляет по набережной агент «Али». Я не видел его добрых пять лет, лицо его совсем пожелтело, скукожилось и затерялось в морщинах.

— Салям алейкум! — Мы встретились, как добрые друзья, обнялись и коснулись друг друга нежными щеками.— Никак не ожидал вас увидеть. Вы проездом?

— Присаживайтесь, пожалуйста,— рассыпался в любезностях я.— Кофе? Бренди? Хотя... если мне не изменяет память, вы пьете только чай?

— Ваша память работает как часы на женевской ратуше! Так что же все-таки приключилось, Алекс?

Любопытство бродило по его сморщенному, как кора векового дуба, лицу. Только тогда я заметил, что говорит он неестественно громко.

— Чуть потише, Хабиб...

— Что? — прокричал бывший посол.

— Чуть потише, пожалуйста.

— Говорите чуть громче, Алекс, у меня стало плохо со слухом...

— Я собираюсь в Каир и хотел попросить вашей помощи. У вас, наверное, остались там контакты?

— Да... кое-что есть. Теперь я никому не нужен... А помните, как мы славно работали? Помните, какие документы я вам передавал до пенсии? Сверхсекретные!

Заявление сие прозвучало на такой оглушительной ноте, что несколько человек за столиками обернулись.

— Давайте сначала попьем чаю, а потом прогуляемся и все обсудим,— проорал я ему прямо в ушную раковину, исходя ненавистью. Он мотнул одобрительно головой и замолк, словно оглушенный молотом. Мы молча пили чай и улыбались друг другу, пока наконец муки ада не закончились и мы не вышли на набережную.

— Кто вам нужен в Каире? — прокричал он.

— У вас нет хорошего установщика?

— Мой двоюродный брат работает в полиции... он мне кое-чем обязан.

— Если я обращусь к нему от вашего имени... ему можно доверять?

— Полагайтесь на него так же, как на меня! — Я внутренне заржал, ибо в тех краях никому нельзя верить даже на йоту: обжулят, обчистят, продадут с потрохами.— Сделайте ему от моего имени подарок, он это любит. Купите какие-нибудь солидные швейцарские часы, не очень дорогие, конечно...

В тот же день я купил серебряные квадратные «Лонжин» и вылетел в Каир.

В Каире я уже не был давным-давно и помнил лишь заброшенное кладбище под палящим солнцем, моя память не запоминала густонаселенных мест, не вбирала в себя ни шпили ратуш, ни палаццо, ни музеи — каждый город ассоциировался у меня с некими подсмотренными деталями: полусумасшедшая улыбочка сторожа центрального собора — это средневековый Брюгге; черная длинная юбка, и рядом аккуратно вычищенные ботинки — это Керстнерштрассе у собора святого Стефана, жемчужины Вены; Мюнхен — это стойка с дымящимися сосисками и туристские фиакры, которые тянут вымытые до блеска коняги, и колеса поскрипывают: со-сис-ки, со-сис-ки! Дублин — это дешевый виски и зажигалки; Бейрут — это теплое море и пляж с купальщиками, а в миле — снежные горы и лыжники.

Во время своих первых вояжей я осматривал в каждом городе достопримечательности, выписывал в блокнот названия картин и имена художников, лазил по замкам, кафедралам, музеям часов, детских игрушек, военной формы, орудий пыток, а потом все смешалось и перепуталось, узелки завязывались как попало: вот божья коровка на потрескавшемся фонтане недалеко от королевской площади — это Копенгаген! вот бродяга, допивший мою кружку пива, когда я на минуту отошел в сторону,— это Милан! вот прищуренные глаза из-под широкополой шляпы и бурдюк на поясе — это, конечно, Севилья, нет, нет! Мадрид! Именно в этот день сорвалась операция — и играют взволнованно заросшие известкой кровяные сосуды: Мадрид — Париж, Париж — Мадрид, как будто в суете дорожной хотя бы на миг один возможно ушедший день восстановить... Где же истина, почтенный Пилат? Неужели весь этот калейдоскоп и есть моя неповторимая жизнь? А где радость бытия, счастье любви и дружбы? Кто вечно подмаргивает и прихохатывает, раздавая крапленые карты? Жил-был маленький Алекс, носил его на спине работяга-папа на первомайские праздники, светило солнышко и светились Усы, потом Алик вырос, и повзрослел (мама на стене карандашом отмечала, как он вытягивался), и однажды видит: бежит за ним черный пудель.— «Пудель, пудель, кто ты такой?» — «А зачем тебе это надо?» — «Просто так».— «Просто так ничего не делается. Пиши расписку кровью, что отдаешь мне душу,— тогда скажу». Коготок увяз — всей птичке пропасть, и не вырвешься из этой петли, не вздохнешь. *Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по ведению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд. Аминь!*

На чем они взяли Ландера, а если не взяли, то на кой дьявол ему политическое убежище? На что он рассчитывал, переходя на Запад? Или прищучили на бабе и на вечно необходимых звонких монетах? Интересно, а я бы мог дерануть на Запад? Допустим, меня соблазнили, купили, заморочили голову, силком затянули в западню и выхода нет: или — или, товарищ Том, выбирайте! Не выбрал бы свободу — и не потому, что твердокаменный и люблю отчизну пламенно и верно, а просто уж лучше подчиняться своему дураку, чем чужому, шпион ведь не скрипач, которому на Западе открыты все двери, у шпиона лишь один вход, над которым горят красные буквы: «предательство», и опять надо стоять на задних лапках, когда хочется послать подальше. Боже, Боже, какая мешанина у меня в голове! Заглянул бы в нее Маня — сразу бы получил материал для выступления на активе! В отставку вам пора, сэр Алекс, бегите вместе с Офелией в монастырь! В Монастырь? Ха-ха! *Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть, и был, и грядет, Вседержитель.* Будем надеяться, что это не Ландер, а какой-нибудь авантюрист или американский агент. Впрочем, Ландер тоже может быть цэрэушным мальчиком, почему бы нет? И небось считает себя святым Себастианом, начальником стражи у римского императора Веспасиана, предавшим Рим ради христианства! Ерунда! Головушка твоя глупая, Алекс, о чем она думает? Вот и белые мечети Каира, самолет

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—40.

пошел на снижение, там прекрасная рыба «черный султан» и на каждом углу продают сок, выжатый тут же из апельсинов, к черту все эти дурацкие мысли вместе со святым Себастианом и Ландером. Я есть Альфа и Омега. Аминь.

В Каир мы прилетели поздно, я быстро устроился в «Шератоне» по югославскому паспорту, довел до кондиции фантастический пробор, опрыскался «ярдли» («взгляд твоих черных очей в сердце моем пробудил...») и вышел на ночные улицы, переполненные бездельниками. Лавки и все заведения будто только сейчас открылись, ярко горели фонари, и навстречу валил гогочущий, цокающий и сверкающий зубами мужской поток (женщины в это время еще трудились на кухне). На асфальте рыночной площади сидели менялы, разложив перед собой все виды мировых валют, рядом в лавке я приобрел несколько золотых безделушек для Кэти и Риммы, торгаш угостил меня душистым, черным, как смола, кофе, я покорно смотрел, как он обсчитывает меня, явно завышая цены,— «Запад есть Запад, Восток — Восток, и с места они не сойдут, пока не предстанут небо с землей на страшный Господень суд». Я есмь Альфа и Омега. Кэти без слов проглотит эти колечки, а Римма начнет ахать и охать по поводу моего дурного вкуса, в драгоценностях она разбирается не хуже ювелира и хранит их в ларце с серебряным ключиком. С этим ларцом она однажды и покинула меня навсегда (в который раз!), захватив Сережу, и не без ужасных оснований: роман Алекса с дикторшей Центрального телевидения, которую знала каждая собака,— вариант смертоубийственный для нашего брата, всегда норовящего спрятаться в темном углу, подальше от людских глаз.

Представлялся случайным встречным и как иностранец, и как дипломат, но все равно прокололся, и о романе вскоре узнала вся столица,— о, муки мои! о, блуждания по квартирам приятелей с трепетом еще не пойманного вора! о, мои мокрые ладони, когда во время трапез в ресторанах к ней подходили знакомые и незнакомые, бравшие автограф! Если бы не Витенька, добрая душа, внимающая бедам своих ближних, если бы не каморка, которую он снял для своих тайных утех и благородно давал мне в пользование на пару часов, пролетающих, как молния! отвлекающие запахи подгоревшего масла из кухни, скрипучие шаги соседей, узнавших в лицо мою избранницу!

Правда, Совесть Эпохи сам и обрубил чугунную цепь, приковавшую меня к Прекрасной Даме: однажды я увидел его, топающего под ручку с ней по весенним лужам (закадрил ее сразу, гад, зачем я его только с ней познакомил?), и на этом закончилась сказка, к тому же карьера робота Алекса только начинала раскручиваться, а дикторша... что дикторша? Фиаско, конец всему, отставка — и я даже радовался, что она меня отсекла, иначе пропустили бы любвеобильного Алекса сквозь строй и расстригли бы одним махом! Шпион и дикторша — две вещи несовместные, как гений и злодейство, долго еще пахло гарью, слухи держались, их жалящее эхо донеслось и до Риммы не без дружеского участия Большой Земли, подцепившей эту сенсацию из уст всезнающего Коленьки (он, впрочем, красиво сыграл от борта в угол: «Клава болтает, что у тебя роман с Н. Н. Что за чепуха? Никогда не поверю! Ты же не такой дурак, чтобы из-за какой-то вертихвостки ставить на карту всю жизнь? Тут выговором не отделаешься!»). Именно в то время и произошел отъезд навсегда с ларцом и Сережей к маме, неделя увещеваний и клятв в верности — раскаленными клещами не вырвать признания вины у стоика Алекса! — и наконец возвращение в родные пенаты под звуки семейных литавр.

Потолкавшись в толпе, я забрел в «нон стоп» и немного посмотрел на Джеймса Бонда, который шагал в водолазном шлеме по камням и водорослям меж проплывающих акул. Глубинные бомбы, сброшенные торпедным катером, взрывались белыми пенистыми фонтанчиками, увлекая за собой песок и разорванных в клочья осьминогов, собрат по профессии наконец выкарабкался на берег, словно оживший утопленник, тяжело затрещал ногами по гальке, плюхнулся на землю, стащил с себя резиновый бред, под которым оказался черный смокинг с гвоздикой в петлице, прыснул на резину из портативного аэрозоля, чиркнул зажигалкой — пламя и пепел! — и двинулся на подвиги в ботинках, оставляющих на земле следы коровьих копыт. Вылитый сэр Алекс!

И вдруг мне показалось, что и визит незнакомца, и встреча с Челюстью, и откровения насчет Ландера являются частью совершенно секретного и изощренного плана Монастыря, по которому приносили в жертву не только Генри и всю честную компанию, но и славного Алекса... чем черт не шутит? «Бемоль-2»? «Пианиссимо»? «Аккорд»? — не зря ведь преподавал Бритая Голова в музыкальной школе!

Утром после кофе и тостов с горьковатым джемом из апельсиновых корочек, после элементарной проверки (в арабских регионах обычно не блистали хитроумными методами, а прямо приставляли олуха, топающего по пятам), я с трудом разыскал телефонную будку и связался с родственником Хабиба. Встретились мы через несколько часов в скромной чайхане, расписанной павлинами, там и получил мой новый знакомец коробочку с первоклассным «Лонжином», долго упирался и отбивался, словно невинная девица, пока я не сунул ему подарок в карман, а он все равно возражал, как будто ничего не произошло и ничего ему в карман не попало. Список жильцов дома на авеню Либерти? Известен ли каирской полиции человек по имени Рамон Гонзалес? Или Ландер? Если известен, то как он характеризуется? Какие на него данные?

— Могу я поинтересоваться, что это за человек? — Родственничек был хитер, как лиса, и все время улыбался.

— Банальная история. Муж сбежал от своей жены и не хочет платить по векселям. Она обратилась в наше сыскное агентство.— Я вытащил одну из своих многочисленных визиток.

Египтянин сочувственно покачал головой, поцокал языком, попросил позвонить ему домой на следующий день и заспешил на работу, ласково поглаживая карман со швейцарскими часами.

Я вышел вслед за ним под печальные пальмы, простершие свои уставшие крылья, и присел на край фонтана. Спина родственника медленно удалялась, он обернулся и помахал мне рукой (видимо, на пути успел, сволочь, разглядеть часы), я помахал в ответ и двинулся на поиски арендной компании, продираясь через полчища услужливых чистильщиков, на ходу норовящих обработать ботинки щеткой.

В конце концов мне удалось арендовать «фиат», вполне отвечающий скромным потребностям Алибабы, и я влился в монотонное стадо ишаков, машин, велосипедистов и мулов с повозками.

Адрес оказался не рядом с кладбищем, на что тайно рассчитывала некрофильская часть моей англосаксонской, с примесью кенгуру, души (я долго бродил однажды среди пирамид, где крутились бродяги и нищие, ловя туристов; пыль, возможно, прах истлевших фараонов, забивала рот, это вам не Волково кладбище, где деревянные мостики устилают заболоченную землю и прохладно даже в жару), а в бывшей английской части города, напоминавшей спуск по Мосту Кузнецов с банком, книжными магазинами, домом моделей и уборной на углу Негрязки.

Я прошелся по району, обнюхивая все и вся вокруг, словно сеттер миссис Лейн, и вскоре разыскал адрес: шестиэтажный дом с балконами, на первом этаже которого помещалась фирма «Нияр» и небольшой галантерейный магазин.

Оставив «фиат» за углом, я подошел к подъезду и взглядом обитателя дома на Бейкер-стрит, недавно поруганного надравшимся охламоном, впился в таблички с фамилиями жильцов, расположенных рядом с кнопками. Никакими Гонзалесами и Рамонами там и не пахло, одни арабские фамилии, хотя среди них и несколько европейских: мистер Д. Смит, мистер П. Гордон и некая Дормье.

Сзади зашуршали шаги, я ткнул пальцем в кнопку «Нияра», дверь заскрипела и поддалась. Вслед за мною, дыша в спину раскаленными пустынями Востока, проскользнула растрепанная египтянка в темных очках, а я прошел к застекленной двери «Нияра» и вступил в овеваемый кондиционерами холл.

Навстречу поднялся худой араб в рубашке с короткими рукавами.

— Что угодно, сэр?

— Извините, мне нужно обменять часы...

Сказал и чуть не прыснул от хохота: все равно что спрашивать в овощном магазине грелку.

— Часы?! — Только на Востоке пока еще не разучились так по-детски удивляться.

— Разве это не часовая фирма? — Я тоже удивился, аж уши зашевелились.

— Вы, наверное, ошиблись, сэр...

— Видимо, да. Извините.

Араб вежливо качал головой и улыбался.

— Как тут у вас комфортабельно! — Я выглянул в дверь, выходящую в сад.— Настоящий оазис!

— Можете осмотреть его, сэр. Тут есть уникальные растения.

— Спасибо! — для приличия я покрутил слегка взопревшей, но прекрасной головой.— Вам не мешают дети жильцов?

— Садом владеет фирма. Жильцы им не пользуются. Правда, мы разрешаем одной старушке отдыхать здесь в кресле...

— Похвально... все мы должны быть милосердны. В доме много бедных людей? — Я сердобольно хло-

пал глазами, как добрый дядя, готовый пожертвовать миллион.

— Тут живут люди среднего достатка. Есть, правда, один банкир... мистер Калак, за ним обычно приходит «роллс-ройс»,— я тут же сделал себе зазубрину в памяти.

Большего я из него не выжал, пересек улицу и, усевшись в кафе, заказал гамбургер и стакан оранжада. Подход к подъезду отлично просматривался сквозь выдраенное до блеска витринное стекло, редкие автомобили иногда на миг отсекали подъезд от моего соколиного глаза. Идиот Джеймс Бонд проторчал бы в этой харчевне целый день, обожрался бы гамбургерами, лопнул бы от сока и в конце концов насторожил бы своим разбойным видом толстого хозяина бара, который, не раздумывая, позвонил бы в полицию. Но умный Алекс был из другой породы, и, перекусив, перегнал «фиат» к обочине напротив подъезда, где и простоял до вечера, радуясь, что неподвижный наблюдатель видит гораздо больше, чем наблюдатель движущийся.

Люди входили и выходили, но, увы, не мелькало среди них шатена с густыми волосами, сложения плотного, с крупным, чуть крючковатым носом, с маленькими руками и обгрызанными ногтями — в Каире ли ты, Евгений Ландер по кличке «Конт» (кличку, ясно, дал Чижик после семинара по философии), или это не ты, а незнакомец, выпущенный как подсадка для охотничьего выстрела Алекса?

Вечером я выдал звонок счастливому обладателю швейцарских часов.

— Рад слышать вас, Джон [1], но, к сожалению, человека с такой фамилией в Каире нет. По крайней мере по нашим архивам он не числится.

— А вы не пробовали проверить его по дому?

— К сожалению,— он вздохнул для пущей убедительности,— у нас там нет возможностей... извините!

Поразительный гад, по харе было видно! Если в Европе за взятки хоть что-то делают, то тут, как и в родном Мекленбурге: тащат, тянут, но никто и пальцем не шевельнет, чтобы выполнить обещание! Берите, родные, но делайте дело, черт побери!

Точно такие же чувства я испытывал, когда мы с Риммой решили обменять нашу однокомнатную квартиру на более просторные хоромы. И обменяли с помощью Большой Земли, имевшей благодетеля в важном органе, человека, между прочим, просвещенного, с нежной любовью к Баху и поэзии Малларме,— в конце концов мы въехали в новое жилище и вручил я благодетелю портативную заморскую систему. И вдруг грянул гром: арестовали благодетеля за злоупотребления и полились из него, как из рога изобилия, фамилии клиентов — так я попал к черноголовой нечесаной следовательше, нещадно смолившей сигарету за сигаретой. Допрашивала она меня жестко, поняла, что подцепила жирного карася, и не брезговала испытанными и безотказными средствами: мигом устроила очную ставку с благодетелем.

— Вы показали, что получили в награду систему «Сони».

— Да, совершенно верно!

— Полная ложь! — Это голос возмущенного Алекса.— Ничего я не давал! — И тут в благодетеле что-то шевельнулось, видимо, не зря читал Малларме, понял, дуралей, что глупо топить своих, кто же вызволит потом из ямы?

— Да, он прав... В прошлый раз я соврал... Трудно сказать, почему... Ничего мне не давали.

— А в этот раз вы не врете? — В выражениях тут не стеснялись.

— Сейчас я говорю правду...

Но дело на этом не закончилось, хватка у следовательши была бульдожьей, но разжали вскоре ей челюсти невидимые ангелы-спасители, выпустили Алекса на волю, оставили стража закона с носом и с перхотью на плечах незапятнанного мундира.

Если берешь, то делай и не подводи, как благодетель, полицай вонючий, а то бросил пловца в открытом море — пришлось названивать в справочное бюро, чтобы получить домашние телефоны мистера Д. Смита, мистера П. Гордона и мадемуазель (или мадам) Дормье, проживающих на Либерти-стрит, а потом совсем поселиться в телефонных будках.

Д. Смит, 8.30 утра — нет ответа, 10 часов — нет ответа, 10 вечера — нет ответа. С П. Гордоном дело обстояло чуть лучше: 8.30 — хриплый голос, мычание еще не закланного агнца, 10 ч.— нет ответа (ушел, видимо, на работу), 8.30 вечера — тот же, уже раздраженный голос.

Затем я оседлал Матильду (так я окрестил мадам Дормье, мурлыкая в момент телефонной операции «Где же ты, Матильда? Где же ты, Матильда? Что ты делаешь, Матильда, без меня?» — между прочим, песенку эту исполнял Челюсть на плохом французском), которая отзывалась на все звонки хорошо поставленным голосом профурсетки, валяющейся целый день на тахте после ночных подвигов.

После этой первой рекогносцировки я нацелил свою неиссякаемую энергию на П. Гордона и на следующий день, в восемь утра, замер в своем «фиате» напротив подъезда, надеясь, что оттуда выползет все же крупный, чуть крючковатый нос, либо иная европейская физиономия. Очень хотел я, чтобы оттуда все же выкатился «Конт»-Ландер, все стало бы на свое место; но передо мной проходили лишь арабы. (Почему бы «Конту» не скрываться в арабском одеянии? Чем черт не шутит? Ведь совершеннейшим арабом выглядел полковник Лоуренс Аравийский среди бедуинов!) Вот и выплыл явный П. Гордон, очень похожий на Виталия Васильевича, нашего соседа по этажу, работавшего на Застарелой площади,— через него Римма доставала Сказочные Сосиски производства мясокомбината им. Гибкого Политика (8 час. 20 мин.), красномордый толстяк.

Гордон уселся в белый «рено» 1147 и отвалил (тут же звонок на квартиру, никто не отозвался) — первая удачная идентификация личности.

К девяти вышла из подъезда неустановленная европейская пара (молодой мужчина средней упитанности, похожий на «Конта» не более, чем я на П. Гордона, но, возможно, Смит), зафиксировал я на всякий случай и несколько арабов, которых награждал кличками, достойными интеллекта Алекса: «Коротышка», «Скелет», «Мертвый Дом» (не зря коллеги по Монастырю завидовали моей буйной фантазии и, не умея придумать ничего, кроме «Фиалки» или «Сокола», выпрашивали хорошие клички, которые я и раздавал со всей щедростью своей необъятной австралийской души).

Европейская пара в 11 часов вернулась в дом, но телефон Смита молчал — стало быть, таблички у подъезда неточно отражали ситуацию в доме, что и подтвердилось к трем часам, когда у меня на заметке уже числилось человек пять европейцев — полная путаница, какой-то проходной двор! — что мне делать с этим кодлом? что делать вообще дальше?

Телефон Смита был глух, Матильда же целый день сидела дома (не к ней ли ходили европейские клиенты? почему только европейские? арабы весьма жалуют француженок), в конце концов я полностью запутался и решил встать на скользкий путь: получить информацию от кого-нибудь из жильцов, как делается в цивилизованном Мекленбурге, если нет под рукой ценного агента — дворника.

Начал я, естественно, с установленного П. Гордона (он же «Задница», кличка, конечно, не находка, но меня распирало от злости), когда он вернулся домой на своем «рено», уже сожрал свою свинячью ногу, но еще не залез под ватное одеяло.

— Извините, сэр, моя фамилия Джон Грей (на англосакса югославский вариант произвел бы плохое впечатление — они славян и в грош не ставят), я недавно прибыл из Лондона и хотел бы поговорить с вами по одному делу.

Мистер Гордон по моему мягкому акценту сразу распознал во мне представителя бывшего доминиона.

— Судя по всему, вы — австралиец... заходите, пожалуйста!

Наступая на полы длинного махрового халата, наброшенного на мощные окорока, Задница провел меня в гостиную и любезно усадил в кресло.

— Как погода в Лондоне? — Слава Богу, он оказался англичанином с хорошими викторианскими замашками, всегда озабоченным превратностями климата, как-то: слишком частые по сравнению с восемнадцатым веком дожди, ужасные смоги, усугубленные дымом из каминов, и общемировое потепление, грозящее придвинуть льды к Альбиону.

Я не стал разбивать его привычные представления и сразу же вылил ему в душу ушат бальзама:

— Вполне приличная, хотя иногда мучат сильные смоги.— Он сочувственно закивал головой, словно я глотал у него на глазах проклятую сажу.— Вы давно были в Лондоне последний раз?

— Вы будете смеяться, но никогда! — Значит, Задница принадлежал к когорте старых могикан, навеки осевших в бывшей колонии.

— Я работаю в сыскном агентстве.— Я показал документы.— Мы проводим розыск одного преступника...— Дальше пошла вся мура насчет исчезнувшего мужа.

— Я сразу понял, что вы из полиции,— бодро прореагировал Задница, радуясь своей догадливости.

— По некоторым данным, этот человек бывает в вашем доме. Это шатен, с крупным, чуть крючковатым носом...— Далее я точно воспроизвел все тонкие описания Центра.

— Что-то не припомню такого...— Тут он просто стал вылитым Виталием Васильевичем в те минуты, когда я вытягивал из него все подоплеки кадровых перемещений на Застарелой площади и прогнозы на долгожительство Самого-Самого.

— А вы не знаете господина Смита, он тоже живет в вашем доме...

— Во всяком случае, он совершенно не похож на человека, который вам нужен...

— Извините, сэр, а чем он занимается?

— Честно говоря, я не знаю... мы не знакомы близко...— Задница несколько окаменел и насторожился.

— А француженка этажом ниже? — напирал я, как танк.

— Не знаю... Я не интересуюсь жизнью своих соседей.

Он оторвался от кресла и встал.

— Спасибо за помощь! — сказал я со скрытой ненавистью. О, этот кодекс джентльмена! О, проклятая порядочность!

Он проводил меня до дверей и с удовольствием щелкнул замком, словно по носу следопыту Алексу.

Я барахтался в океане неизвестности, никто не протягивал мне руки, не светились нигде зеленые огоньки надежды, беспредельно пусто и холодно было вокруг, ямщик, не гони лошадей, прощай, мой табор, пою в последний раз! Так разбивается вдрызг любая операция, так идут прахом все грандиозные расчеты и планы, утвержденные на Эвересте власти,— все упирается неожиданно в маленькую незначительную деталь, в гвоздик, в винтик, в шуруп.

О, Грандиозные Замыслы и Хилсмена, и Центра, крутитесь вы сейчас вокруг одной-единственной и важнейшей оси — скромного человека с ровным пробором, застывшего в раздумье на лестничной площадке! Повернись он сейчас, плюнь по неизжитой привычке на пол и выйди навсегда из подъезда, и останутся Грандиозные Замыслы витать в синем небе, как обрывки призрачных облаков, пусть даже Самый-Самый бьется о стену дурной головой, кипя от гнева и требуя немедленного воплощения в жизнь «Бемоли».

Но Алекс не из той породы, которая при первом же киксе вешает нос и опускает руки, не зря в Монастыре ставят в пример его настойчивость и изобретательность (кто бы еще выходил на запасные встречи с агентом по одиннадцать раз, не теряя надежды? и не напрасно, ведь оказалось, что агента хватил инфаркт и он отлеживался в больнице!). На этот счет у Риммы есть простое: «Ты упрям, как осел! Сколько раз я тебе говорила, что нужно закрывать хлебницу?! И когда наконец ты будешь вытирать ноги? Не могу же я целый день убирать за тобою песок!» — И я твердой поступью сошел к двери распутной француженки.

Вместо измученной наркотиками и сексом гризетки с сигаретой в размалеванных губах и выпирающим из платья измятым бюстом, передо мною предстала худосочная дама в круглых очках, что придавало ей удивленный вид. Грудь же выглядела вполне пристойно и весьма сексапильно.

— Извините, мадемуазель, что нарушаю ваш покой,— начал я на своем французском, похожем на ковыляние клячи по неровным булыжникам дореволюционной Негрязки,— не знаете ли вы, где находится мистер Смит, проживающий в этом доме?

— А разве его нет? — Голос звучал по-юному, хотя прекрасному телу уже перевалило за бальзаковский возраст.— Я видела его буквально несколько дней назад. Вам он очень нужен?

— Да... я приехал в Каир на несколько дней, у меня к нему небольшое дело...

— Ах, вы не местный...— В ее глазах мелькнуло любопытство.— И как вам нравится Каир?

— Не могу сказать, что я в восторге от него. К тому же очень мало европейцев, а это создает для меня сложности.

— Увы, но многим пришлось уехать. Все эти правительственные эксперименты пугают нас. Человек любит стабильность, а местный политический климат [2] к этому не располагает. Может быть, вы зайдете? Извините, что я в халате.— На ней были белые одежды, именуемые галабеей, в которых ходит пол-Каира, особенно эффектно они выглядят на толстозадых мужчинах, катящих на велосипедах; в этом случае концы халата связываются на животе, придавая нижней части особо выразительные формы.

Вороной жеребец помахал надушенным хвостом («взгляд твоих черных очей...») и ступил золотыми копытцами в покои. На секретере стояли пишущая машинка с грудой чистой бумаги и тарелка с надкусанным кексом. Интеллектуалка Матильда тут же плеснула мне кофе из журчащего агрегата и удивленно (удивление, как улыбка Чеширского кота, не сходила у нее с лица) уселась напротив меня на соблазнительную кушетку из серии рекамье (по фа-

[1] Ему я представился как Джон Грей в память о зеленых деньках, когда в возрасте десяти лет сидел я на коленях у девятиклассницы, а она пела: «Денег у Джона хватит, Джон Грей за все заплатит, Джон Грей всегда таков!»

[2] Когда в устах женщины звучит «политический климат», ее невольно переносишь из одного класса в другой.

милии разнузданной мадам, которую обожал один из Людовиков).

В воздухе вдруг забродили вредные флюиды, которые словно мухи забивали мне рот, лишь только я собирался сверкнуть фейерверком своих проверенных шуток.

Мы молча пили кофе, и моя немеркнущая мысль судорожно искала спасительный рычаг, чтобы выйти из неловкой напряженности, и снова крутилась хрупкая ось, которая могла неожиданно лопнуть, снова Великий План завис в воздухе, как бумажный змей, и с неба слышались громовые слова Бритой Головы: «Да этот Алекс полный мудак! Сидит рядом с бабой, дует кофе, посматривает на нее, улыбается и не знает, как ему поступить! И зачем мы держим на службе таких кретинов? А вы еще предлагаете его на выдвижение! Посадите на его место моего денщика Петра, и он мигом решит эту задачу!»

Благороднейшая Бритая Голова, высоковельможный и превосходительный мессер, святейший и блаженнейший отец, поверьте, думал нижайший Алекс и об этом варианте, взвешивал плюсы и минусы, pros and cons, не дураки же мы, ваше благородие! — и Алекс допил кофе и встал, чего, конечно, никогда не сделал бы достопочтенный маэстро Петр.

— Благодарю вас за любезность. Кофе был превосходен. Очень рад был с вами познакомиться.

— Не стоит... мне было очень приятно,— лепетала она.

Уже в дверях я притормозил, как лимузин президента, и, выдержав прекрасную паузу, молвил как бы раздумчиво:

— Вы не обидитесь, если я задам вам один вопрос?

Она напружинилась, как ракета перед взлетом, и выросла в такой гигантский вопросительный знак, что меня взял ужас.

— Не отказались бы вы поужинать со мною?[3]

Под удивленными очками задрожала недоуменная улыбка, но мяч уже прошел мимо ноги защитника прямо в ворота.

Очки любезно кивнули, и, озаренный их лунным сиянием, осчастливленный Алекс сбежал вниз по лестнице.

Визит в дом, беготня и нервотрепка стоили больших сил, кружилась голова и хотелось спать; я отъехал на другую улицу, откинулся на сиденье и закрыл глаза. Как это у Уильяма? Фраза, которой пользуется каждый, кому не лень? Весь мир — сцена, и все мы — актеры с нашими выходами и уходами! Боже, как я устал, как мне надоела, как ненавижу я свою роль! Чем я занимаюсь вообще? Сколько можно играть роль двуликого или многоликого Януса? Ради чего все это? Нужен ли я народу Мекленбурга и стране или она плюнет на меня и пригвоздит к позорному столбу? Неужели я лишь игрушка в руках бритых голов, дерущихся за власть ради власти? Нет, я не возбуждал добрые чувства своей лирой и не восславил в свой жестокий век свободу, я ничем не лучше обыкновенного филера, неутомимого топтуна, шаркающего под окнами, только я заграничный топтун, осетрина первой свежести! Бог с ним, с Совестью Эпохи, грехов его не сосчитать, но он движет прогресс, делает науку, корпит над своими трудами... его кирпичик хорошо виден в большом здании... А мой? Да есть ли он вообще? Ничего нет, я плыву в пустоте и совершенно одинок... Нет! нет — успокаивал меня слабый голосок,— тебя любят Римма и Сережка, сын гордится тобою и тем, что ты герой невидимого... тьфу! Сергей! Что ты знаешь обо мне и о моей работе? Ложь и еще раз ложь — вот она, моя жизнь! ах, если бы я мог начать все сначала, мог покаяться, если бы я верил в Бога!

Я положил голову на руль, и в вымученное воображение пришел добрый человек с бородой, похлопал меня по плечу и успокоил — похож он был немного на Зевса, немного на Льва Толстого. О Алекс! Что творится в твоей голове? Тебе ли травиться опиумом для народа? Представь округленные глаза Мани и упавшую на паркет челюсть Челюсти?! Еще скажи, что ты не согласен с князем Владимиром и никогда не позволил бы сбрасывать Перуна в воды Днепра! Кто ты вообще такой? Мусульманин? Язычник? Христианин? Оставьте, леди и джентльмены, не вешайте ярлыки, я просто очень устал и хочу спать. Хорошо бы немного «гленливета», но тут пьют зловонную араку и даже дезинфицируют ею воду перед тем, как хлебнуть из арыка.

Постепенно я отдышался и по дороге в отель задействовал экстренный вызов, переданный мне Челюстью.

На следующий день с газетой «Таймс» в кармане (заголовком наружу) и в темном галстуке в белую крапинку (опознавательный признак) я прохаживался около кинотеатра «Бронзовый жук».

Мой контакт оказался оплывшим потным дядей, страдающим одышкой,— после обмена паролями мы двинулись по улице сквозь толпы арабов. Мой визави сопел и посматривал на меня с явным неудовольствием.

— Буду краток,— начал я.— Вы можете помочь мне с установкой одного человека?

Дядя подергался в своем парусиновом пиджаке (ему бы сейчас еще соломенную шляпу и в дачный поселок Грачи, что по Беломекленбургской дороге) и на секунду задумался.

— Я должен запросить Центр,— родил он мышь.

— Зачем? Это же простое дело!

— Мы должны иметь санкцию Центра...

Черт побери, бюрократия проела Монастырь, как моль: все страховались и перестраховывались, координировали и утрясали, стыковали и расстыковывали! Какая тут работа? Муть, а не работа!

— Но если Центр даст санкцию, вы сможете осуществить установку в два-три дня? — Я еле сдерживал ярость.

— Боюсь, что нет,— ответствовал пиджак,— наши возможности сейчас серьезно ослаблены...

— Так какого черта вы мне морочите голову Центром?! Сказали бы прямо! — Подвешивать таких нужно за одно место.

— Вы голос на меня не повышайте, я вам не подчиняюсь!

— Если бы вы мне подчинялись...— Я плюнул в стену (хорошо, что не прямо в рожу пиджака), повернулся и ушел в никуда,— пусть не подчиняется, очковтиратель, пусть возмущается и строчит на меня кляузу! Вот и вся цена помощи Центра, горите вы все синим пламенем!

В тот же вечер я позвонил очкастой Матильде.

— Извините, мадемуазель, это тот человек, которого вы угощали прекрасным кофе...

— Кстати, вы забыли представиться...

— Петро Вуколич, или просто Пьер. Вы свободны завтра вечером? Не могли бы поужинать со мной?

— С удовольствием. В какое время?

— Вас устроит девять часов? Это не поздно?

— Каир в это время только начинает жить! — В этом я не сомневался, уже в печенках у меня сидели эти гудящие толпы здоровенных мужиков, наводнявшие улицы с наступлением темноты.

На следующий вечер ровно в девять я уже раскрывал дверцы «фиата» перед Матильдой (она же Грета Дормье), выглядевшей вполне съедобно в отлично сшитом белом костюме.

— Честно говоря, меня очень удивило, что вы из Югославии, Пьер. Где вы выучили французский? Я думала, что вы англичанин.

— Уже после войны наша семья оказалась за границей.— Я вздохнул.— Пришлось мыкаться по свету. Сейчас я живу в Англии, вы угадали...

— Меня всегда интересовали славянские языки...— сказала она, и я напрягся: только еще не хватало, чтобы она кумекала по-сербски! — Между прочим, вчера вечером я видела Смита. Он уезжал по делам в Александрию. Я сказала ему, что его разыскивает один симпатичный джентльмен.

— Благодарю вас, сегодня же ему позвоню.— Я старался говорить как можно небрежнее, хотя так и подмывало послать ей последнее «адье» и взлететь одним махом на этаж мистера Смита.

Ресторан для ублажения француженки я подобрал шикарный, словно заживо вынутый из славных колониальных времен, когда людоеды-цивилизаторы, славно поэксплуатировав днем несчастных феллахов, вечерами прожигали богатства в смешениях барокко и рококо: мраморные колонны и бронзовые канделябры на стенах, хрустальные люстры и персидские ковры, подлинники Буше (сплошные розовые спины и наоборот), юные арабки на сцене, распространявшие щекочущие запахи миррового масла и мускуса, лишь в черных чулках с красными подвязками, танцующие в компании двух слонят в попонах с бриллиантами. Целый час на нас обрушивались блеск и нищета куртизанок, звон бубнов, завывание труб и страстные придыхания. В самом финале, когда танец превратился в смерч и экстаз достиг апогея, юная арабка сорвала красную подвязку и швырнула, раздувая ноздри, в зал. Хотела она этого или нет, но ветер Судьбы отнес бесценный дар на столик, где рядом с удивленными очками белел прославленный пробор. Зал посмотрел на меня с завистью, я же послал красавице воздушный поцелуй и заткнул ароматную подвязку в верхний карман пиджака, мысленно уложив туда и трепещущую амазонку.

— Где вы остановились, Пьер? — неожиданно спросила меня Матильда.

— В «Шератоне».

— И сколько дней вы пробудете в Каире?

— Разве я вам не говорил? Несколько дней.— Этот вопрос Матильда задавала второй раз, и от него попахивало старинной проверочной методой, рассчитанной на забывчивость, ибо, как известно, чтобы лгать, надо иметь хорошую память.

В зале сидели одни арабы, но в дальнем углу я заметил европейца, уткнувшегося в газету, читал он ее слишком увлеченно, словно сводку с боев во время войны. Краем глаза (боковое зрение Алекса вполне покрывало полкабака) я видел, что, когда я отворачивал лицо, он высовывался из-за газеты и смотрел в мою сторону, вскоре он исчез, нет, не лежала моя душа сегодня к делам, мутноватые звезды светили с неба, расспросы Матильды нервировали, и все шло неладно, в таких случаях лучше сматывать удочки. Не была ли подвязка предупредительным знаком Свыше? Верил я в предчувствия и приметы, старался переносить дела на другой день, если дорогу мне перебегали черные кошки; и если бы по Лондону вдруг забродили бабы с пустыми ведрами, не высунул бы и носу из дома, лети трын-травой весь шпионаж!

— Вы чем-то расстроены?[4] — участливо спросила Матильда.

— Нет, нет! Вам показалось. Прекрасное представление, правда? — Я вынул подвязку и от растерянности понюхал ее, выглядело это идиотски, и Матильда не смогла удержать улыбки.

— Интересно, чем она пахнет?

— Мирровым маслом. Помните, в Библии: «Целуй меня, твои лобзанья мне слаще мирра и вина!»

— Странно... Я слышала такой романс... кажется, мекленбургский. Или я ошибаюсь? — Словно иглу в сердце вонзила мерзкая баба, действительно романс, и пел его Челюсть с придыханием, стоя на одном колене перед Большой Землей.

— Нет, это из библии!

— В Библии это так: «О, как любезны ласки твои, сестра моя, невеста; о, как много ласки твои лучше вина, и благовоние мастей твоих лучше всех ароматов и мирра...»

Получил по носу прощелыга Алекс, и очень элегантно, но откуда она знает этот романс? Не попал ли я неожиданно для себя в новую опасную ситуацию? Может, вообще меня со всех сторон окружают американские агенты, ведущие проверку? Опасения зашевелились во мне, словно змеи вылезли из гадючника.

— Ваше здоровье! — Я поднял свой бокал.

— Желаю вам успеха! — любезно отозвалась Матильда.

В течение нашей светской беседы мне удалось выяснить, что француженка приехала сюда из Парижа, живет на проценты с капитала, но занимается дома переводами с чешского и польского языков, изученных в Сорбонне,— никаких интересных зацепок от этой рыбы в очках, одна тягомотина.

Она почти не пила шампанское, я выдул бутылку один (почему я сразу не заказал себе виски? шипучие вина только надувают меня нервностью!) и зачем-то заказал вторую, снова воздержавшись от виски,— типичный Алекс, мечущийся над грохочущей бездной.

Наконец этот зануднейший вечер подошел к концу, и я довез веселую Матильду до дома.

— Может быть, зайдем выпить кофе?

Перед вожделенным рандеву я надеялся на такое приглашение: плескался в ванне с ароматической солью, натирал себя лосьоном «ронхилл» (бей в барабан и не бойся беды, и маркитантку целуй вольней!) и завершил приготовления, сунув в карман пачку шикарных, антрацитового цвета презервативов «Черный Джек».

Но тоска и недобрые предчувствия грызли душу, из головы не вылезал скользкий тип с газетой (проверяясь, в зеркальце машины я не видел ничего, кроме горящих фар), и этот романс... «лобзай меня...».

— Немного поздновато...— попытался уклониться я.

— Что вы! — Она вдруг прильнула ко мне и поцеловала в щеку.— По чашке кофе, и я покажу вам свою библиотеку.

Рыцарское самолюбие Алекса не выдержало столь сурового испытания, и, проверив, на месте ли «Черный Джек», я поплелся за нею, словно на свою собственную казнь. На лестнице пахло подгоревшими шашлыками, лифт не работал, и мы пешком поднялись к двери Матильды.

— Жаль, что я не знаю сербского,— щебетала она, открывая замок,— говорят, у вас очень интересная литература...

Я перешагнул порог, чьи-то крепкие клешни сдавили мне голову и горло и, почти расплющив нос, прижали к лицу влажную вонючую тряпку.

Сознание мгновенно покинуло меня.

Продолжение следует.

---

[3] Прием нехитрый, прямо скажем, что рассчитан на дурака, но ведь среди людей приходится работать, а не в салонах, где Монтескье и мадам де Сталь!

[4] Дурацкий вопрос. Не встречал людей, которые сразу же после него не расстраиваются.

П. Кончаловский. Портрет Алексея Толстого. 1941.

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «УКРОЩЕНИЕ ИСКУССТВ»

Юрий ЕЛАГИН

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ ГРАФ

Весной 1938 года по Москве разнесся слух, что знаменитый советский писатель Алексей Толстой пишет пьесу.

Легко себе представить необыкновенное волнение, воцарившееся в московских театрах по этому поводу. Да и было от чего заволноваться. Самый крупный, после смерти Горького, писатель Советского Союза, писатель, политическое лицо которого оказалось настолько безупречным, что он прошел один из немногих совершенно невредимым через огненный 1937 год, частый гость и собеседник Сталина, завсегдатай Кремля, прославленный автор талантливого романа «Петр Первый», имевшего огромный успех у самых разнообразных кругов советских читателей,— этот большой писатель решил написать пьесу, да еще и с самим Сталиным в качестве одного из главных действующих лиц.

Особенный интерес вызывало то, что Толстой приступил к работе над пьесой после длительного перерыва в его литературной деятельности, который начался после окончания им «Петра Первого» в 1933 году и продолжался целых пять лет. Естественно было предположить, что за эти годы творческого отдыха писатель еще больше развил свое мастерство, углубил свой дар, занимаясь как истинный художник и мыслитель непрерывным самосовершенствованием — изучая, познавая и размышляя. Большой интерес и большие надежды, с которыми смотрела в то время на Толстого вся московская интеллигенция, особенно обострялись тем общим положением, в котором очутилась советская литература (а вместе с ней и драматургия) к 1938 году.

Это был жесточайший кризис. Правильнее было бы даже назвать это положение разгромом. Это сильное выражение оказалось бы в данном случае вполне уместным. В самом деле, та советская литература, которая (как бы к ней ни относиться) создала за двадцатые годы много интересного и талантливого, фактически перестала существовать. Максим Горький был отравлен. Маяковский застрелился. Пильняк, Бабель, Ясенский, Эрдман и много других были арестованы и исчезли. Булгакову заткнули рот, и он тихо сидел за кулисами Художественного театра. Наконец, целая группа советских писателей благоразумно замолчала сама. Виднейшими в этой многочисленной группе были поэты Илья Сельвинский и Борис Пастернак и прозаики Михаил Шолохов и Алексей Толстой. И вот Толстой оказался первым, кто решил нарушить творческое молчание. Конечно, мечтой каждого большого московского театра было во что бы то ни стало заполучить первым эту пьесу для постановки. Для этого все способы, все меры, все связи должны были быть пущены в ход.

Граф Алексей Николаевич Толстой появился в русской литературе еще до первой мировой войны и обратил на себя внимание милыми, прекрасно написанными повестями и рассказами, главным образом из быта увядающего русского дворянства. Сам автор принадлежал к известному русскому роду графов Толстых, уже давшему России в минувшем столетии двух выдающихся писателей: великого Льва и блестящего поэта и романиста Алексея Толстого-старшего, потомком которого и был наш Алексей Толстой-младший.

После революции 1917 года он эмигрировал в Париж, где талант его не только не увял, но, наоборот, еще развился и где окончательно оформился своеобразный, сочный и яркий, стиль его литературного языка. В Париже он написал целую серию талантливых повестей и рассказов, в том числе и первую часть своей большой эпопеи из эпохи первой мировой и гражданской войн в России — «Хождение по мукам». В первой половине двадцатых годов граф Алексей Толстой возвратился на Родину. После возвращения он писал много и в самых разнообразных литературных жанрах: тут и увлекательный фантастический роман «Гиперболоид инженера Гарина», и пьеса «Заговор императрицы» — о последних годах русской императорской династии, и рассказы из жизни русской эмиграции, и повесть «Аэлита» — о том, как молодой советский инженер устраивает пролетарскую революцию на Марсе, предварительно покорив прекрасную Аэлиту — дочь марсианского властителя, и вторая часть «Хождений по мукам» — может быть, самая увлекательная книга о годах русской гражданской войны.

Во второй половине двадцатых годов Алексей Толстой сделался одним из самых популярных и любимых писателей Советской России. Когда начались беспокойные и тревожные сталинские времена, Толстой сразу же благоразумно утихомирил бурный поток своего творчества и переключился на более безопасный и спокойный исторический жанр. Он написал пьесу «Петр Первый», в которой личность русского царя была выставлена в весьма отрицательном виде. Как мне пришлось услышать впоследствии, Толстой был в этом случае вполне искренним, так как всегда считал великого преобразователя Рос-

сии источником всех будущих российских несчастий. В своем первоначальном варианте пьеса «Петр Первый» не увидела света. Главрепертком ее не пропустил. И сам автор вскоре узнал, почему именно. Уже тогда, в 1929 году, стало известно, что Сталин проявляет особый интерес к личности Петра Первого. Этого было достаточно для того, чтобы советские историки тогда же исключили Петра из длинного ряда всех других российских императоров, которым были приданы все существующие в этом мире человеческие пороки и недостатки. В Петре стали находить положительные качества, признавая его заслуги в деле организации России как современного государства, развития промышленности и преобразования всего уклада русской жизни на европейский лад. Конечно, самому Сталину в личности Петра более всего импонировали его динамичность, стремительные темпы его деятельности, суровые, иногда жестокие методы достижения цели и разрешения государственных проблем.

И вот умный Алексей Толстой быстро понял причины своей неудачи, а поняв, переделал пьесу на нужный лад и, как оказалось, попал в точку. В новом варианте пьеса была поставлена во Втором Художественном театре. Успех был большой и искренний. Зритель был приятно удивлен, увидев неожиданно на сцене образ великого русского императора без обычной карикатурной тенденциозности. Сталин тоже был доволен и сам лично дал Толстому мысль написать на эту же тему большой роман. Эта первая встреча кремлевского диктатора с графом и русским барином Алексеем Толстым состоялась в самом начале тридцатых годов в доме Максима Горького. С этого момента начинается быстрое возвышение Толстого в официальных, правительственных и партийных кругах. Роман «Петр Первый» был вскоре закончен и оказался, бесспорно, интересным, талантливо написанным произведением, хотя зачастую и грешащим против исторической правды.

В те годы Толстой жил в Царском Селе, под Ленинградом, где у него была собственная дача. Жил он широко, побарски, имел прислугу, устраивал великолепные приемы, на которых стол ломился от яств и бутылок. Лакеем был у него старый слуга, служивший его родителям, графам Толстым, еще до революции и все еще продолжавший звать своего хозяина по старой привычке «Ваше сиятельство». И было, конечно, в высшей степени оригинально, когда, например, кто-нибудь из видных партийцев приезжал по делу к советскому писателю Алексею Толстому и встретивший его старый лакей почтительно сообщал, что «их сиятельство уехали на заседание горкома партии».

После успеха «Петра Первого» Толстому предложили переехать в Москву, поближе к Кремлю. В Москве он получил прекрасную квартиру, а в скором времени выстроил себе еще и большую дачу в одном из лучших и живописнейших мест Подмосковья (Барвиха). К этому времени тираж его книги достиг таких огромных размеров, а его собственное положение в правительственных кругах стало столь значительным, что ему был предоставлен так называемый «открытый счет» в государственном банке. Такой открытый счет до него имели в те времена (в середине тридцатых годов) всего два человека во всей стране: Максим Горький и инженер А. Н. Туполев — знаменитый конструктор самолетов. Теперь же к ним присоединялся третий — «рабоче-крестьянский граф», как его стала звать народная молва, Алексей Толстой. Этот открытый счет заключался в том, что каждый, им обладавший, мог в любой момент взять в государственном банке любую нужную ему сумму: сто тысяч рублей или миллион — это было безразлично. Я не знаю, мог ли счастливый обладатель открытого счета взять сто миллионов или миллиард, думаю, что нет. Но зачем, живя в Советском Союзе, иметь миллиард? Что на него можно купить такого, чего нельзя было бы купить и за несколько десятков тысяч?

Так как Максим Горький умер в 1936 году, а А. Н. Туполева арестовали в 1937 году, то Толстой остался единственным во всей стране человеком, не ограниченным в денежных средствах.

В Москве Алексей Николаевич Толстой начал вести еще более широкий образ жизни, чем в Ленинграде. После успеха «Петра» писать больше уже не имело особого смысла, тем более что и времена наступали вновь тревожные и небезопасные. Толстому дали орден Ленина «за выдающиеся успехи в советской литературе», сделали его депутатом Верховного Совета СССР, а главное, стали приглашать в Кремль на все официальные и полуофициальные приемы и банкеты. Сталин к нему явно благоволил. Он часто беседовал с писателем — остроумным собеседником и прекрасным рассказчиком, а главное, хитрым и дипломатичным царедворцем.

Теперь все время и вся энергия Толстого уходили на совершенно другие дела, не имеющие прямого отношения к литературной деятельности. Эти дела были во многих отношениях легче и приятнее, да, пожалуй, и выгоднее. Торжественный ужин в Кремле — Толстой первый гость на нем. Прием в честь заехавшего в Москву знаменитого иностранного писателя — и тут Толстой необходим. Показывают в кино достижения социализма на культурном фронте — как же можно обойтись без Толстого? На первой странице «Правды» помещена фотография встречи на вокзале руководителей коммунистических партий западных государств — и тут на переднем плане внушительная фигура Толстого. Большой человек, персона выдающегося государственного значения, важная, очень важная личность в Советском Союзе — писатель Алексей Толстой.

Квартиру свою Толстой обставил старинной дорогой мебелью. Особенно любил он вещи красного дерева и карельской березы эпохи Павла Первого. Он покупал дорогие картины, коллекционировал фарфор, любил редкие книги. Библиотека его была превосходна. Иногда его выпускали за границу «проветриться», откуда он привозил десятки ящиков и чемоданов, наполненных всем — начиная от холодильника и кончая сотнями граммофонных пластинок. Хорошо жил его сиятельство граф Алексей Николаевич Толстой при Советской власти!

Но для полного счастья ему было необходимо и простое, неофициальное общество, так сказать, общество «для души», где он мог бы всегда и вполне быть самим собой и мог бы говорить все или почти все, что ему заблагорассудится. Такое общество он нашел в лице очень видных представителей московской артистической и литературной богемы — людей талантливых, блестящих и больших поклонников Бахуса и Венеры, людей, продавших свои таланты без остатка, так же как и сам Толстой, Советской власти и взамен получивших полную возможность в сталинской Москве вести образ жизни легкий, приятный и веселый. Еще во время своих случайных наездов в Москву из Царского Села Толстой подобрал себе подходящую компанию друзей, в которую входили: артист Московского театра драмы (бывший Театр Корша) — один из лучших актеров Москвы на роли светских джентльменов — Радин, превосходный артист Малого театра Остужев и знаменитый московский литератор Павел Сухотин — автор инсценировки романов Бальзака для нашего театра.

При всем различии характеров членов этой компании — например, Радин был изысканно вежливым человеком не только на сцене, но и в жизни, а Павел Сухотин (или «Пашка») был хамоват и невоздержан на язык,— при всем этом различии было и много такого, что объединяло их всех. Во-первых, были они людьми большой культуры, острого ума, широкой эрудиции, к тому же и понастоящему талантливыми. Во-вторых, все они любили хорошо поесть, а главное, как следует выпить. Иногда ночью, проходя мимо ярко освещенных подъездов «Метрополя» или «Националя», можно было увидеть, как несколько официантов и швейцаров почтительно тащили под мышки грузные, в тяжелых, богатых шубах с бобровыми воротниками, фигуры членов теплой компании, пытаясь погрузить их в автомобиль, что им в конце концов с трудом и удавалось. Для характеристики нравов, а также и подлинных настроений этого маленького общества интересен один случай, происшедший в начале тридцатых годов, о котором рассказывал мне один из его очевидцев — очень видный актер нашего театра.

Случилось это еще в те времена, когда Толстой жил под Ленинградом. Часто приезжая в Москву, он останавливался обычно у кого-нибудь из своих друзей, имевшего хорошую, большую квартиру, чаще всего у Радина. Дочь Толстого от первого брака жила в Москве постоянно и училась в университете. И вот наступила в ее жизни пора, которая наступает рано или поздно у всех девушек: она решила выйти замуж. Избранником ее оказался молодой комбриг (генерал-майор) Красной Армии, член партии, человек серьезный, суровый солдат, твердый большевик, чуждый всяким отжившим интеллигентским тонкостям и старомодным правилам буржуазно-мещанского поведения.

Когда Алексей Толстой узнал о скором замужестве своей дочери, то, как и подобает всякому отцу, воспитанному в старомодных буржуазно-мещанских правилах, он решил поближе познакомиться со своим будущим зятем и устроить в честь его специальный ужин.

Комбриг был удивлен таким неожиданным и непонятным приглашением, но согласие свое дал, желая сделать приятное своей будущей жене. Ужин должен был состояться на квартире Радина, который любезно и предоставил ее для этого исключительного события в полное распоряжение Толстого. А уж Алексей Николаевич не ударил в грязь лицом! В обставленной с большим вкусом столовой стол был сервирован поцарски. Великолепный старинный сервиз, серебро и хрусталь, крахмальная скатерть, салфетки, затейливо сложенные на приборах, два лакея, специально приглашенные из «Метрополя»... Самые изысканные закуски, самые тонкие вина, самый лучший коньяк, самые ароматные водки украшали стол. План ужина был задуман действительно с большим размахом, в лучших классических традициях этого искусства. Пригласил Толстой всех своих обычных приятелей, но предупредил их строгонастрого, чтобы они, Боже упаси, не напивались, держали бы себя в строгих рамках, не давали воли языку и вообще вели бы себя в высшей степени сдержанно, вежливо и прилично. Разговор же предполагалось вести больше об искусстве и о литературе и избегать тем острых и скользких.

Когда приятели стали вечером собираться на ужин, то уже один их внешний вид доставил Толстому полное удовлетворение и рассеял все его сомнения. Видимо, его строгие предупреждения были восприняты полностью. Все друзья явились в извлеченных из сундуков смокингах, а кто и в визитках с полосатыми брюками, изрядно попахивавших нафталином. Лица у всех были выбриты и вымыты до блеска и носили выражение торжественное и значительное. Вся комната напоминала скорее солидное общество отставных министров какогонибудь приличного капиталистического государства, нежели советских актеров и литераторов.

В ожидании приезда комбрига похаживали они чинно вокруг сияющего стола, потирая руки и стараясь не смотреть на запотевшие графинчики с водкой, серебряные ведерки с шампанским во льду и на хрустальные и серебряные блюда с балыком, икрой и слоеными пирожками. Наконец, раздался звонок. Взволнованный Толстой побежал в переднюю встречать дорогого гостя. Через минуту статный, подтянутый военный с ромбами в петлицах, с орденами на груди входил в столовую.

— Позвольте вам представить: товарищ комбриг Хмельницкий,— произнес Толстой.

Комбриг, человек лет сорока, со строгим, неподвижным лицом, сдержанно пожал руки пожилым джентльменам в смокингах и визитках. Наступило минутное замешательство. Комбриг молчал, а вся компания, помня наставления хозяина, тоже не знала, с чего начать разговор.

— Прошу, товарищи, к столу,— поспешно пригласил всех Толстой, не без оснований предполагая, что несколько рюмок водки под хорошую закуску сразу же разрядят неизбежную вначале некоторую напряженность атмосферы.

Гости сели за стол. На председательском месте поместился жених, напротив него — на другом конце стола — сел Павел Сухотин.

— Прошу по первой, товарищи,— оживленно произнес Толстой, поднимая рюмку.— За здоровье нашего дорогого гостя, товарища Хмельницкого!

— Я не пью. Прошу простить...— сухо ответил комбриг, к ужасу всех присутствующих и особенно самого Толстого.

— Как не пьете? Совсем не пьете?

— Совсем не пью.

— Да, хм... Это хорошо. Это очень хорошо, что вы не пьете...— Толстой нерешительно опустил полную рюмку на стол.— Пить, конечно, нехорошо, неполезно... хм...

Воцарилось опять молчание. Общая натянутость не только не исчезла, а, наоборот, стала еще усиливаться. Некоторое время слышен был только стук тарелок, ножей и вилок. Кое-кто из гостей попробовал было завести разговор об искусстве и литературе, как и предполагалось по плану, но разговор повис в воздухе. Комбриг молчал и молча ел то, что ему накладывали на тарелку. Так прошла первая половина ужина. Вся компания, помня строгие наставления хозяина, держала себя чинно и пила умеренно. Но так как напряженность атмосферы за столом все нарастала, то некоторые из гостей в отчаянии, потеряв надежду на непринужденную застольную беседу, начали наливать себе водку уже не маленькими рюмочками, а солидными гранеными стаканчиками. Первым налил себе водки Павел Сухотин. Этот седой джентльмен даже и не пытался завязывать разговор с комбригом, а хмуро молчал весь вечер, иногда недружелюбно поглядывая на непьющего жениха. За Сухотиным последовали другие. Напрасно Толстой толкал под столом ногой своих приятелей и бросал на них свирепые взгляды. Приятели явно вышли из повиновения и быстро напивались. Сухотин пил больше всех и все чаще злобно поглядывал на военного. Молчание же все продолжалось и приняло совсем уже зловещий характер затишья перед бурей.

И буря, наконец, грянула.

Неожиданно Сухотин поднялся со стула и, опершись руками о стол, вызывающе уставился на комбрига. Все замерли.

— Ты что сидишь как болван, сукин сын?..— начал Сухотин своим хриплым голосом.— Ты что думаешь — мы тут все собрались глупее тебя? Ты надел свои побрякушки и гордишься перед нами, осел! — Вид Сухотина был страшен, лицо налилось кровью, глаза, казалось, готовы были выскочить на лоб. Толстой от ужаса окаменел. Радин бросился к Сухотину.

— Ты с ума сошел, Паша! — закричал он с отчаянием в голосе.— Что ты делаешь? Опомнись!

— Подожди, не мешай.— Сухотин от-

странил Радина.— Дай я проучу этого хама.— Вероятно, он почувствовал молчаливых союзников в некоторых из присутствовавших и продолжал изрыгать поток самых оскорбительных ругательств в адрес комбрига.

— Ты и мизинца нашего не стоишь, идиот! Ты — мальчишка, что ты знаешь? Ни черта ты не знаешь! Разве что своего Маркса да как из пушки стрелять! А ты Платона читал, дурак? А ты знаешь, кто такой Платон? Ты вот раз в жизни попал в приличное общество, а вести-то себя как следует не умеешь, собака...— Сухотин обрушил на жениха град уже совершенно нецензурных выражений. Радин при помощи лакеев оттаскивал его от стола. Комбриг не мог сообразить, как ему реагировать на оскорбление: застрелить ли Сухотина на месте, самому ли уйти или вызвать по телефону НКВД. Толстой же наконец очнулся от оцепенения, выбежал в переднюю, схватил шубу и бросился опрометью на улицу. С тех пор, как мне говорили, он ни разу не встречал мужа своей дочери.

* * *

Проводя весело и приятно время в попойках с приятелями, в клубах и ресторанах Москвы, на банкетах в Кремле, Толстой, как я сказал уже, после окончания им «Петра Первого» ничего не написал в течение пяти лет. Молчать дальше становилось уже неудобно. Необходимо было сочинить что-нибудь в высшей степени благонамеренное и тем отблагодарить великого вождя за безусловно счастливую и очень зажиточную жизнь. Итак, в начале 1938 года все узнали, что Толстой начал писать пьесу «Путь к победе» или «Поход четырнадцати держав» на тему об интервенции капиталистических государств в России в эпоху гражданской войны и о выдающейся роли товарища Сталина в отражении этой интервенции. И в его романе «Хлеб» разгром белой армии под Царицыном в 1919 году произошел также под мудрым предводительством товарища Сталина. За пьесой «Путь к победе» и начали отчаянную охоту все московские театры, в том числе, конечно, и наш Театр имени Вахтангова.

Но наступило уже лето, сезон подходил к концу, скоро должен был начаться летний отпуск, а определенного ответа от Толстого все не было, хотя вахтанговцы и имели больше всех шансов получить пьесу, так как некоторые из наших лучших актеров были большими личными друзьями Толстого.

Но сезон кончился, и мы все поехали на время отпуска в наш дом отдыха.

Он находился всего лишь в 70 километрах от Москвы, и туда всегда можно было добраться на автомобиле. Это была очаровательная небольшая усадьба «Плесково», принадлежавшая до революции графам Шереметевым, расположенная среди лесов, на берегу маленькой извилистой речки Пахры...

...Помню, вскоре после приезда в дом отдыха заведующий художественной частью театра Куза сказал мне о новой пьесе Алексея Толстого.

— Почти совсем было уже решил отдать ее нам, да вдруг опять стал крутить. Видно, кто-то на него другой нажимает. По моим расчетам — Художественный. Боюсь, как бы они нас не обыграли. Но Толстой дал мне слово приехать к нам сюда, в «Плесково», погостить. Вот тут-то мы и должны во что бы то ни стало его обработать. Это последний и единственный шанс. Но как обработать? Чем? Кем? Чем его удивить? Как ему доставить удовольствие? Он все на свете имеет, все на свете видел и испытал...

Долго мы думали и гадали, чем можно было бы удивить и обрадовать знаменитого писателя, и, наконец, у нас созрел план. И чем больше мы обсуждали этот план, тем более удачным он нам казался. Это была, без всякого сомнения, блестящая идея.

Мы решили организовать грандиозный, небывалый пикник в честь Толстого. Такой пикник, который он бы действительно запомнил на всю жизнь и после которого у него не осталось бы другого выхода, как отдать свою новую пьесу нам и только нам.

Перед приездом Толстого в наш дом отдыха вместе с его молодой женой (он женился в четвертый раз совсем недавно на бывшей своей секретарше) мы приступили к составлению подробной «диспозиции» пикника. Генеральный штаб армии не разрабатывает план решающего сражения с большей тщательностью, чем мы с Кузой разрабатывали план приема нашего гостя. Прежде всего день предполагаемого приезда Толстого Куза решил объявить официальным рабочим днем для всех актеров и служащих нашего театра, находящихся в данный момент на территории дома отдыха. Таким образом, все мы оказывались как бы мобилизованными в порядке служебной театральной дисциплины. Куза предполагал также произвести и полную мобилизацию «технического инвентаря», то есть забрать на день пикника все лодки, все продукты, всю водку, все гитары и все ружья, какие только были в «Плескове». План этой мобилизации вещей и продуктов несколько осложнился тем, что, кроме нас, вахтанговцев, в доме отдыха находились также и лица (их было около 50 процентов всего количества отдыхающих), не имевшие никакого отношения к театру, над которыми Куза не имел ни малейшей власти. Это были москвичи, которые покупали наши путевки за большие деньги (наша дирекция не стеснялась с «чужими»), желая провести свой ежегодный отпуск в избранном и изысканном обществе артистов. Однако они потом сильно разочаровывались и ругали нас на чем свет стоит, потому что в наше общество мы их, как правило, не принимали, предпочитая отдыхать и развлекаться в своем тесном кругу.

Так вот, можно было предположить, что наша тотальная мобилизация вызовет бунт «чужих», или, как мы их почему-то называли, «негров». Долго мы думали об этом и, наконец, решили не принимать «негров» во внимание. Слишком уж важные интересы были поставлены на карту. Куза издал специальный приказ о внеочередном рабочем дне для работников театра. Вскоре была вывешена и подробная «диспозиция». По ней каждому были поручены определенная роль и определенные обязанности. Здоровые, молодые люди были назначены гребцами на лодки. Были выбраны рулевые, гитаристы, запевалы. Девушки были определены танцовщицами и певицами. Две самые наши лучшие девушки были специально назначены занимать и развлекать дорогого гостя. Одна из наших весьма солидных актрис была назначена на должность «заведующего хозяйством». Мне был поручен ответственный пост заведующего музыкальной частью. Я должен был составить точную программу песен во время путешествия на лодках, а также программу (и подготовку) всех музыкальных, вокальных и танцевальных номеров во время большого пира у костра. Кроме того, я назначался помощником начальника пикника, с обязанностями общего надзора за порядком и за точным выполнением «диспозиции». Себя Куза назначил начальником пикника.

И вот в прекрасный солнечный день в начале августа часов около десяти утра большой черный автомобиль «ЗИС-101» мягко въехал на площадку перед главным зданием дома отдыха. Из автомобиля вылез шофер — чекистского вида человек, с квадратной физиономией, в штатском пиджаке, а в военных синих галифе и в сапогах — и раскрыл дверцы кабины. Из кабины легко выпорхнула очаровательная, элегантно одетая молодая женщина лет 28 и медленно выбралась грузная и неуклюжая фигура его сиятельства «рабоче-крестьянского графа» Алексея Николаевича Толстого. Толстой был уже весьма и весьма в летах. Лицо его с некогда красивыми и породистыми чертами сильно обрюзгло и расплылось. Под подбородком висела огромная складка жира. Большую сияющую лысину окаймляли постриженные в кружок волосы — прическа странная и несовременная (в старой России так стриглись извозчики). Куза подбежал к приехавшим. Мы все стояли в отдалении. После первых приветствий Куза начал представлять нас гостям. Толстой, видимо, был в превосходном настроении.

— Ох, и девушки у вас! Прямо малина! — сказал он, лукаво подмигнув, когда Куза знакомил его с нашими молодыми актрисами. Девушки и в самом деле были хороши — загорелые, стройные, в пестрых летних платьях и в ярких открытых сарафанах. Жена Толстого — ее звали Людмила Ильинична — была тоже очень хороша собой, но совсем в другом роде. В ней не было ничего от того спортивного, несколько простоватого, но в своем роде очень привлекательного типа, к которому принадлежали лучшие московские девушки советского времени. У жены знаменитого советского писателя внешность была совершенно не советская. Это была скорее изящная парижанка или, может быть, хороший образец дамы с Пятой авеню, но уж никак не москвичка сталинской эпохи. На красивом лице незаметен загар, но зато можно обнаружить мастерский грим первоклассной косметики, положенный со вкусом и умением. Фигура у нее была стройная, женственная и миниатюрная. Одета она была очень хорошо, даже великолепно — в дорогие вещи, сделанные явно в презренном капиталистическом мире. В маленькой руке, затянутой в светло-серую перчатку, чудесная сумка из крокодиловой кожи. Но Людмила Ильинична оказалась дамой на редкость приветливой и любезной.

Мы все представляемся ей и целуем у нее руку с несколько бо́льшим жаром, чем того требует простая вежливость. Впрочем, разве может вежливость иметь предел, если она вызвана высшими интересами нашего театра?

Куза приглашает Толстых на веранду, где их ожидает легкий завтрак, и сообщает им о пикнике. Толстой довольно улыбается и бормочет себе под нос что-то одобрительное. Людмила Ильинична в восторге. Куза шепотом отдает мне приказ быть готовым к отплытию через полчаса. Я немедленно отправляюсь приводить нашу экспедицию в полную готовность. Через полчаса все наши лодки выстроены у пристани в одну линию и являют собой красивое и почти внушительное зрелище. Гребцы держат весла наготове. Впереди расположились гитаристы и запевалы. Большая лодка, в которой должен плыть сам Толстой с женой, покрыта дорогим ковром, с лежащими на нем пестрыми подушками и напоминает тот челн Стеньки Разина, на котором, по преданию, он справлял свою свадьбу с персидской княжной. Я нахожусь на «флагманском крейсере» — в чудесной немецкой складной парусиновой лодочке-байдарке. Это собственная лодка Кузы, которую он никому не доверяет, кроме меня. Я плаваю вокруг нашей эскадры и проверяю в последний раз, все ли в порядке. Перед самым отплытием я должен принять на борт «начальника экспедиции» Кузу и встать в голове всей флотилии.

Наконец, на берегу показываются наши гости с Кузой. Они уже успели переодеться. На Толстом просторный парусиновый костюм. Людмила Ильинична в изящном купальном халате. Куза в обычных своих рыболовных синих брюках, которые уже много лет тому назад необходимо было бы хорошенько выстирать. Когда Толстые подходят к мосткам пристани, раздается оглушительный залп из полдюжины охотничьих ружей. Гребцы поднимают весла в знак приветствия. На большой лодке, покрытой ковром, поднимается флаг нашего театра — темно-красный с золотым силуэтом профиля Вахтангова на фоне черного ромба. Людмила Ильинична громко выражает свое восхищение. Я подгребаю на нашей байдарке к пристани.

— Ах, какая прелесть эта лодочка! — говорит Толстая. Куза, как галантный кавалер, предлагает гостье сесть в нашу байдарку. Хотя в ней всего лишь два места, но третий может примоститься на коленях у гребцов. Толстая очень рада. Конечно, она хочет ехать в байдарке и только байдарке. Она снимает свой халат и остается в прекрасном купальном костюме цвета терракоты.

Наконец, все уселись. Куза дает последнюю команду, и наша армада медленно трогается в путь. Гребцы запевают широкую волжскую песню. Солнце стоит высоко. Скоро уже полдень. На небе ни облачка. Узкая живописная река Пахра извивается между крутых лесистых берегов. На реке полно кувшинок и белых лилий. В некоторых местах деревья сплетаются над водой, и кажется, что плывешь по какой-то прекрасной зеленой аллее. Ослепительной голубизны небо проглядывает сквозь зелень ветвей, причудливо отражающихся в спокойной темной воде. Прелестная природа, белые лодки, песни, звон гитар, мерный плеск весел, красивые, нарядные женщины, присутствие самого знаменитого из ныне живущих писателей России — все это создает обстановку незабываемую, неповторимую.

Наше путешествие длится более часа. Мы заплываем в совершенно дикие и пустынные места и, наконец, пристаем к берегу и высаживаемся. Очаровательная полянка на высоком берегу реки, окруженная лесом, выбрана нами заранее. Неподалеку струится ручей с холодной как лед водой. На полянке нас уже ждет наша «заведующая хозяйством» с двумя своими помощницами. Они прибыли на место сухим путем, через лес на подводе, нагруженной продуктами, посудой и водкой. Чего-чего они только не привезли с собой! Тут и икра, и жареные поросята, и заливная осетрина, и маринованные белые грибы, и соленые грузди, и окорока, и цыплята, зажаренные по-грузински... Водку — ее взяли пятнадцать литров — несут к ручью и опускают в ледяную воду. Наша «хозчасть» начинает разводить костер, в котором надлежит печь картошку. Какой же русский пикник может состояться без картошки, испеченной на костре, и могут ли все самые изысканные и дорогие яства в мире заменить эту горячую, сморщенную, наполовину обуглившуюся и обсыпанную золой картошку?

Пока разгорается костер и печется картофель, Толстому предлагают совершить небольшую прогулку и пострелять из мелкокалиберной винтовки рыб в реке. Эта странная помесь охоты с рыбной ловлей была изобретением Кузы. Вообще, надо сказать, милый Василий Васильевич, человек серьезнейший и порядочнейший в жизни и в больших делах, обладал одной маленькой слабостью: во всех вопросах, связанных с охотой или с рыбной ловлей, поражал он меня своим необыкновенным легкомыслием, фантазерством, склонностью ко всякого рода преувеличениям и даже прямо к мистификации. Барон Мюнхгаузен мог бы позавидовать необыкновенным историям и приключениям Кузы, которые с ним постоянно случались во время его охотничьих и рыболовных экспедиций. То свирепый лось загнал его на дерево и караулил до темноты, когда он смог, наконец, обмануть его и скрыться по верхушкам деревьев, перепрыгивая с ветки на ветку. То он поймал в нашей маленькой Пахре щуку в метр длиной, которая вступила с ним в отчаянную борьбу, поранила руку, перегрызла удочку пополам и ушла. В доказательство Куза показывал всем действительно сломанную удочку и забинтованный палец на руке.

Так было и в отношении стрельбы по рыбам из винтовки. Куза уверял, что где-то, не то в Южной Африке, не то

ЦВЕТ ВОСТОКА

Пытаться объяснить картины — большой соблазн. В него впадают не только искусствоведы (им профессия велит), но и зрители, и сами художники. Впрочем, если есть ярко выраженный сюжет, все проще. А если изображено не что-то, а нечто?

Даны холст и определенное количество красок. Как измерить духовную энергию, в него вложенную?

Адиль и Ирина Астемировы от подобных разговоров уходят. Если есть совпадение со зрителем, то оно происходит само собой. И вот тогда можно беседовать о восточных религиях, без которых нет творчества Астемировых, о философии цвета, о взаимоотношениях с пространством, об иных тайнах, которые сейчас, как модная тема дамского журнала, захватаны. Да ведь «много званых, но мало избранных»...

Адиль и Ирина выросли в Дагестане. Приписанность к Махачкале, как нетрудно догадаться, в наших условиях не самое лучшее обстоятельство для художника. Но за последние три года их работы побывали в Америке, Франции, Швеции. Персональная выставка Астемировых прошла в Москве. В Москве... В Махачкале об этом, похоже, и знать не хотят. А жаль.

А. Астемиров.
ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ. 1988

А. Астемиров. ВОЗМОЖНЫЙ ОТВЕТ. 1989

А. Астемиров. ВОЗНИКНОВЕНИЕ. 1989

А. Астемиров. ПРОШЛОЕ. 1987

И. Астемирова. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ. 1989

А. Астемиров. ЛАБИРИНТ. 1989

И. Астемирова. ПРИБЛИЖЕНИЕ. 1989

в Северной Америке, рыба добывается исключительно таким необыкновенным способом. Он также таинственно намекал, что достиг уже немалых успехов в стрельбе по рыбам из винтовки 22-го калибра. И действительно, во время наших прогулок он иногда усаживался на берегу и начинал стрелять в воду, долго и тщательно прицеливаясь своими близорукими глазами неизвестно куда. Но в рыб он не попадал. Это я мог бы засвидетельствовать совершенно точно. Я даже мог бы поручиться с полной ответственностью, что за всю свою жизнь Куза не убил из ружья ни одной самой захудалой и невкусной рыбешки. Как бы там ни было, но вся компания охотно направилась к расположенному неподалеку высокому мосту, с которого предполагалось на сей раз провести охоту на рыб. Толстому было торжественно вручено ружье. Усевшись на краю моста, он свесил свои толстые ноги и стал высматривать рыб. Один из специально назначенных по «диспозиции» для этой цели молодых людей стоял рядом с ним, глядя вниз в воду в большой призматический бинокль, и высматривал добычу для дорогого гостя. Вода была прозрачная, и иногда в ней действительно мелькали какие-то рыбы небольших размеров.

— Вон, вон идет! Вот, под корягой! Один хвост торчит... Ух, какая!.. — взволнованно говорил молодой человек с биноклем, почему-то шепотом, боясь, вероятно, как бы рыба не испугалась громкого голоса и не ускользнула бы от Толстого. «Бах, бах...» — стрелял тот. По воде шли круги от пуль, но «подстреленные» рыбы упорно не всплывали на поверхность.

— Попали, Алексей Николаевич, честное слово, попали,— говорил Куза уверенным тоном, щуря близорукие глаза.— За корягу зацепилась. Какая досада! — Постреляв так с полчаса и не убив, конечно, ничего и никого, мы возвратились на поляну, где весело потрескивали два больших костра. Картошка была уже готова и давно поджидала нас. Мы уселись вокруг одного из костров. Толстой и Людмила Ильинична расположились на почетном месте — на двух подушках, принесенных из лодки. Началась застольная часть программы. Грянули гитары, и мы запели чудесную старинную цыганскую песню, каждый куплет которой сопровождался припевом:

Кому чару пить, кому выпивать?
Свету Алексею Николаевичу!

Тут Толстому подносился довольно большой граненый стаканчик водки, и, пока он его выпивал до дна, хор все время повторял:

Пей до дна, пей до дна...

Когда же стакан был выпит, мы начинали следующий куплет, опять все с тем же припевом. Всего в песне было три куплета, и Толстой выпил таким образом три стаканчика водки, одобрительно крякая, причмокивая и ухая. Закусывал он маринованными грибками, которые доставал прямо руками из большой банки. Когда же песня была окончена и хор замолчал, то неожиданно раздался голос нашего высокого гостя, уже весьма хриплый, хотя еще и твердый:

— Давай сначала всю песню!..

Песню спели еще один раз, полностью все три куплета, и Толстой выпил еще три граненых стаканчика. После этого он весьма повеселел и совсем оживился. Программа продолжалась. Песня следовала за песней. Наша Нина Н., красивая девушка, ловкая и гибкая, танцевала цыганскую венгерку, тряся плечами и бросая огненные взгляды на Толстого. Людмила Ильинична (она, кстати, почти совершенно не пила) тоже изъявила любезное желание принять участие в программе и очень мило спела два русских старинных романса — Гурилева и Варламова. Наконец, сам Толстой решил выступить.

— Давай играй польку,— махнул рукой нашим гитаристам и с трудом поднялся со своей подушки. Гитаристы заиграли цыганскую польку, и Толстой начал слегка притопывать ногами и прихлопывать в ладоши, как большой медведь в зоологическом саду, которому бросают печенье посетители. Потопав и похлопав, он сказал под музыку какое-то совершенно дурацкое и не вполне приличное стихотворение про девочку и птичку. Все присутствующие были в полном восторге. А граненые стаканчики тем временем наполнялись и осушались с поразительной быстротой. Совсем еще немного времени прошло с тех пор, как мы уселись у костра, а уже мало что оставалось от привезенных пятнадцати литров. Конечно, все считали своим долгом не отставать от дорогого гостя по мере своих сил, хотя поспеть за ним в этом отношении было действительно трудновато.

Как бы там ни было, но после польки Толстого вся программа сама собой нарушилась. Все начали так громко смеяться, разговаривать и кричать, что поддерживать стройно выработанный порядок оказалось совершенно невозможным, да и ненужным. Сам Толстой спел и сплясал свою польку, выпил еще несколько стаканчиков, свалился на подушки и сладко заснул. Еще через полчаса вокруг не осталось ни одного трезвого человека, за исключением Людмилы Ильиничны, Кузы и меня. Мне Куза еще до начала пикника строго запретил пить больше двух стаканчиков. Вот тут-то и произошло непредвиденное трагическое осложнение всей ситуации. Мы с Кузой не рассчитали пустяка, когда тщательно составляли план нашего пикника! Мы уподобились тем генералам, которые, рассчитав до мелочей план сражения, всегда что-то упустят, чего-то недосмотрят, и в результате сражение проиграно. Так и у нас с Кузой. Все, казалось бы, предусмотрели, а вот то очевидное обстоятельство, что пятнадцатью литрами водки все безусловно и непременно напьются и выйдут из строя, упустили. А это именно и произошло. Да и почему бы, казалось, молодым людям было и не выпить как следует на лоне природы, тем более что в подробном приказе Кузы о пикнике ни слова не было сказано по этому поводу.

Короче говоря, вся масса пьяных гребцов, гитаристов, певиц и танцовщиц совершенно вышла из повиновения. Гребцы почему-то решили изменить водной стихии и отправиться назад в дом отдыха пешком, напрямик через лес, прихватив с собой девушек. Напрасно Куза приказывал, кричал, грозил уволить из театра и изрыгал проклятия. Гребцы с девушками разбрелись по лесу, оставив лодки сиротливо стоять у берега. Спасло нас только то счастливое обстоятельство, что двух скромных, недавно принятых в театр и пока еще непьяных молодых людей Кузе все-таки, наконец, удалось запугать и заставить приступить к исполнению их прямых обязанностей. С их помощью мы с трудом подняли спящего Толстого и стали осторожно погружать его в лодку. Но, увы, когда казалось, что все уже в порядке, один из молодых людей (он все-таки не был вполне трезв) оступился на скользкой траве и упал в воду, увлекая за собой драгоценную ношу. Бедный Алексей Николаевич исчез в воде со страшным шумом и плеском, хотя в этом месте было не так уж глубоко, разве что по пояс. Пришлось нам всем спешно лезть в воду и спасать знаменитого писателя. Мы его извлекли из воды, вытащили на поляну, раздели, растерли докрасна, надели кальсоны и рубашку, которые кто-то из присутствующих услужливо одолжил, и закатали в ковер, так как одеяла у нас не оказалось. Вода была холодная, и Куза очень беспокоился, что Толстой может простудиться.

Когда мы вытащили Толстого из воды, он проснулся на некоторое время, но, промычав что-то непонятное, опять заснул. Мы бережно взяли тяжелый и толстый сверток с Толстым и на этот раз очень удачно погрузили его на корму одной из лодок. Было уже совсем темно, когда жалкие остатки нашего флота тронулись в обратный путь. Большую часть лодок пришлось оставить. Некому было на них грести. Осторожно продвигались мы в темноте по узкой реке, среди многочисленных коряг и мелей. Далеко вперед ушла лодка с Толстым. Мы трое на нашей байдарке замыкали поредевшую флотилию. Не проплыли мы и четверти часа, как вдруг впереди за поворотом реки послышались какие-то возбужденные крики и громкие голоса.

— Что случилось? — испуганно сказал Куза.— Плывем скорее туда. Неужели они его опять уронили в воду?!

Мы нажали на весла и через минуту были уже у места происшествия. Куза зажег свой карманный фонарь и осветил совершенно удивительную картину: в очень узком, мелком месте, как раз посередине реки, стояла в воде одна из наших девушек, ушедшая домой со своими спутниками через лес. Она стояла, как была — в белом шерстяном свитере,— по плечи в холодной воде и весело декламировала какое-то стихотворение. Так как река была в этом месте совсем узкая — не шире большого ручья, то девушка загораживала фарватер, и лодки не могли ее объехать, да особенно и не старались, а остановились и составили как бы сочувственную и понимающую публику этого необыкновенного выступления.

Куза и на этот раз действовал со своей обычной энергией. Девушку быстро вытащили из воды, проделали над ней такую же лечебную процедуру, что и над Алексеем Толстым. Но когда нужно было закутать ее во что-нибудь теплое, то другого ковра под рукой не оказалось. Поэтому пришлось раскатать наш единственный ковер с Толстым и завернуть и ее тоже в него. Толстой в это время уже совсем проснулся и громко выражал свое полное удовлетворение от неожиданного, но приятного соседства. Куза же теперь вполне оценил всю серьезность обстановки, всю ее рискованность и сомнительность, так сказать, с государственно-политической точки зрения. В самом деле: в сырой, туманный вечер на маленькой лодке с нетрезвыми гребцами в чьих-то чужих подштанниках и нижней рубашке, завернутый в грязный и пыльный ковер, лежал депутат Верховного Совета СССР, личный друг Сталина, знаменитый писатель, краса и гордость советской литературы Алексей Толстой!

Как же тут было не испугаться? И как же было не забить тревогу? Куза испугался и забил тревогу.

— Товарищ Елагин,— сказал он мне голосом четким и строгим.— От имени Государственного театра имени Вахтангова приказываю вам вылезти из байдарки и пересесть в лодку к Алексею Николаевичу. Вы возьмете весла и будете грести сами всю дорогу, никому не доверяя и не позволяя вас сменить! Вы должны довезти его до дома отдыха в полной сохранности. И помните, вы отвечаете за его жизнь и за его здоровье перед всей страной. Подумайте о той огромной ответственности, которая на вас лежит!

Я влез в лодку, взял весла и один вез всю дорогу Толстого с девушкой в ковре и двух дюжих гребцов, отставленных от гребли Кузой, и нашу солидную «заведующую хозяйством» — даму очень тяжелую,— и целый склад подушек, кастрюль, тарелок, гитар и ружей, которые все находились в этой лодке. Целая вечность, казалось мне, прошла, пока я, совершенно выбившись из сил, не въехал в то место, где Пахра делает поворот и огибает большой луг и где уже видны огни дома отдыха. Мы еще были далеко от пристани, когда заметили признаки исключительного волнения на берегу. По нескошенному лугу ездили автомобили, бегали с фонарями какие-то люди. Из ярко освещенного дома отдыха слышались громкие, взволнованные голоса. Наконец, нас осветили с берега фонарем. Я увидел испуганное лицо шофера Толстого, державшего револьвер в руке. Бедняга, видимо, здорово переволновался. Еще бы! Что было бы ему от его начальства, если бы с Толстым что-нибудь случилось!

Но все хорошо, что хорошо кончается. Мы подъехали к пристани. Толстого взяли под руки и медленно повели к дому. Так и шел он — в чужих белых кальсонах с тесемками у щиколоток, босиком, с накинутым на толстые плечи ковром.

Было уже около одиннадцати часов вечера. На освещенной веранде главного здания, куда направлялось шествие, стоял только что приехавший из Москвы Рубен Николаевич Симонов — большой друг Толстого. Он стоял, как всегда, изящный, непринужденный, нарядный, в своем белом фланелевом костюме...

— Здравствуй, Алексей Николаевич. Очень рад тебя видеть,— сказал Симонов спокойно, обращаясь к странной босой фигуре в кальсонах с тесемочками.

— Здравствуй, Рубен.— Приятели обнялись и поцеловались.

Куза достиг того, чего хотел. Алексей Толстой запомнил этот пикник на всю жизнь. И долго по Москве ходили его приукрашенные рассказы о нашем пикнике.

Раз как-то, примерно через год, проходил я по ресторанному залу московского Дома актера. За одним из столиков увидел я Толстого в компании знаменитых московских артистов. Я хотел было пройти мимо, но он неожиданно ухватил меня за рукав.

— Постой, постой! Я тебя помню...— пробормотал он заплетающимся языком, смотря на меня мутным взором.— Ты меня тогда на лодке вез и всю дорогу один греб... Давай выпьем...— Он протянул мне чей-то недопитый стакан с водкой и полез целоваться...

А пьеса? Как было дело с пьесой «Путь к победе», из-за которой устраивался весь этот грандиозный пикник? Пьесу Толстой отдал для постановки нашему театру. Роли в ней поручили играть лучшим нашим актерам. На постановку не пожалели денег. Но пьеса оказалась такой скверной, бездарной и скучной, что даже неизбалованный и покорный советский зритель не захотел ее смотреть, и после нескольких спектаклей ее пришлось снять с репертуара.

И роман «Хлеб», который появился в Москве примерно в это же время, не захотел читать неизбалованный советский читатель. Совсем плохой, никуда не годный роман написал спившийся, некогда талантливый советский писатель Алексей Толстой.

Горького отравили, Маяковский застрелился, многих сослали в концлагеря, некоторых расстреляли...

А Алексея Толстого споили, разложили морально и заставили лгать. И талант его погиб так же быстро и так же окончательно, как и таланты тех, кого расстреляли или сослали. Но сам он еще прожил долго. Он умер в 1945 году, и Советская власть всегда показывала его демонстративно всему миру — и в газетах, и в журналах, и в кино, и на самых торжественных официальных приемах и банкетах: «Смотрите, вот он — большой писатель, гордость советской культуры! Смотрите, вот бывший дворянин и граф, а ныне преданный и восторженный певец сталинской эпохи, великий бард победившего социализма!..»

И не всякий, видя Толстого на экране, читая о нем в «Правде» и видя его на фотографиях вместе с членами правительства или со знатными иностранцами, знал, что этот толстый человек с некогда красивым, а теперь обрюзгшим и заплывшим лицом был всего лишь очередной ложью Советской власти. Ибо был это уже и не писатель и никакой не певец, а некое декоративное существо, нечто вроде «свадебного генерала», которого приглашают в бедный дом на свадьбу, чтобы иметь возможность рассказывать потом соседям:

— Вот, смотрите, какие мы интеллигентные люди! Даже настоящий генерал в мундире на нашей свадьбе был и за столом сидел.

ГЛОТОК СВОБОДЫ, ИЛИ ПЯТЬ ЧАСОВ В ГОЛЛАНДСКОЙ ТЮРЬМЕ

Как только я приехал в Амстердам, то сказал своему старому другу — студенту здешнего университета Марко Зонневельдту, что хочу побывать в голландской тюрьме. Тут же в толстом телефонном справочнике мы нашли нужный номер. После пятиминутного разговора, в основном о том, что такое «Огонек», нам сказали прийти 31 августа в 10 часов утра. Никаких писем, никаких подписей и разрешений. Я еще не верил, что так все просто.

И вот в назначенное время мы входим в стеклянные двери. Нам выписывают пропуска, мы поднимаемся на второй этаж. Нас встречает Рууд Фрише, начальник общей службы тюрьмы. Его подчиненные контролируют входы, технику, транспорт, следят за действиями администрации, смотрят за состоянием кухни, складов, одежды... После длинной беседы мы договариваемся, что мне можно фотографировать все, но только без людей. Это следственное учреждение, и люди, сидящие здесь, в основном ждут суда. Если суд признает их невиновными, то, оказавшись на свободе, они не захотят видеть свои фотографии в журналах, даже в советских. Это их человеческое право, и нарушать его нельзя (каюсь, несколько раз я нарушил наш договор, но заключенные сами разрешили себя сфотографировать).

Официальное название тюрьмы: Penitentiaire inrichtingen Over-amstel (следственный изолятор у Овер-амстел), в разговоре — просто «Белмербайез». Это современный комплекс, построенный в конце 70-х годов, состоящий из шести высотных зданий, где находятся около 670 заключенных. В одном здании сидят женщины, в остальных — мужчины. 95 процентов заключенных находятся под следствием. Максимальный срок нахождения в этой тюрьме — два года, после переводят в другую. Самое тяжелое наказание в Голландии — пожизненное заключение (таких 5 человек на всю страну). Смертная казнь отменена. Во всей Голландии около семи тысяч заключенных. Но хватит цифр, отправимся в удивительное путешествие по тюрьме...

Проходим через магнитную раму, перед нами открываются двери. Это двое молодых людей в голубых рубашках, сидя за пультом, видят нас на мониторе и нажимают кнопку открытия дверей. Мы оказываемся в комнате для посетителей. Первое, что бросается в глаза: нет решеток на окнах! (Дальше после каждого предложения можно ставить восклицательный знак, но я этого делать не буду. Просто расскажу, что я видел и узнал.) В комнате сидели молодая негритянская пара с ребенком и человек из администрации, который читал книгу. К заключенному могут прийти сразу три гостя на один час один раз в неделю. Ограничений для передач нет. Правда, нельзя передавать электронику, которая может повлиять на систему охраны. Письма, записки обычно не просматриваются, так как их очень много, да и пишутся они на разных языках, так как в этой тюрьме сидят и иностранцы. Заключенный может позвонить по телефону в любой город мира. Оплата — по счету. Иногда администрация тюрьмы может выборочно записать телефонный разговор.

Каждый гость или родственник может перевести на счет заключенного любую сумму денег. И компьютер выдаст счет человеку, чтобы тот знал, сколько у него денег.

В тюрьме есть и две комнаты для свиданий со стеклянными перегородками, но использовались они всего раз пять за все время существования этой тюрьмы.

Потом мы осмотрели пункт личного досмотра. Это небольшие кабинки, похожие на душевые, где производится осмотр впервые поступивших.

Пройдя центральный диспетчерский пульт, опять же со множеством мониторов, мы попадаем в длинный, широкий коридор, соединяющий все здания тюрьмы. По нему с сумкой шел заключенный. Один. За ним наблюдает телекамера. Он подошел к нужной двери, нажал кнопку, дверь открылась. И он пошел дальше по направлению к своей камере. Его как эстафету передавали от одного пульта к другому, он всегда был виден на мониторе.

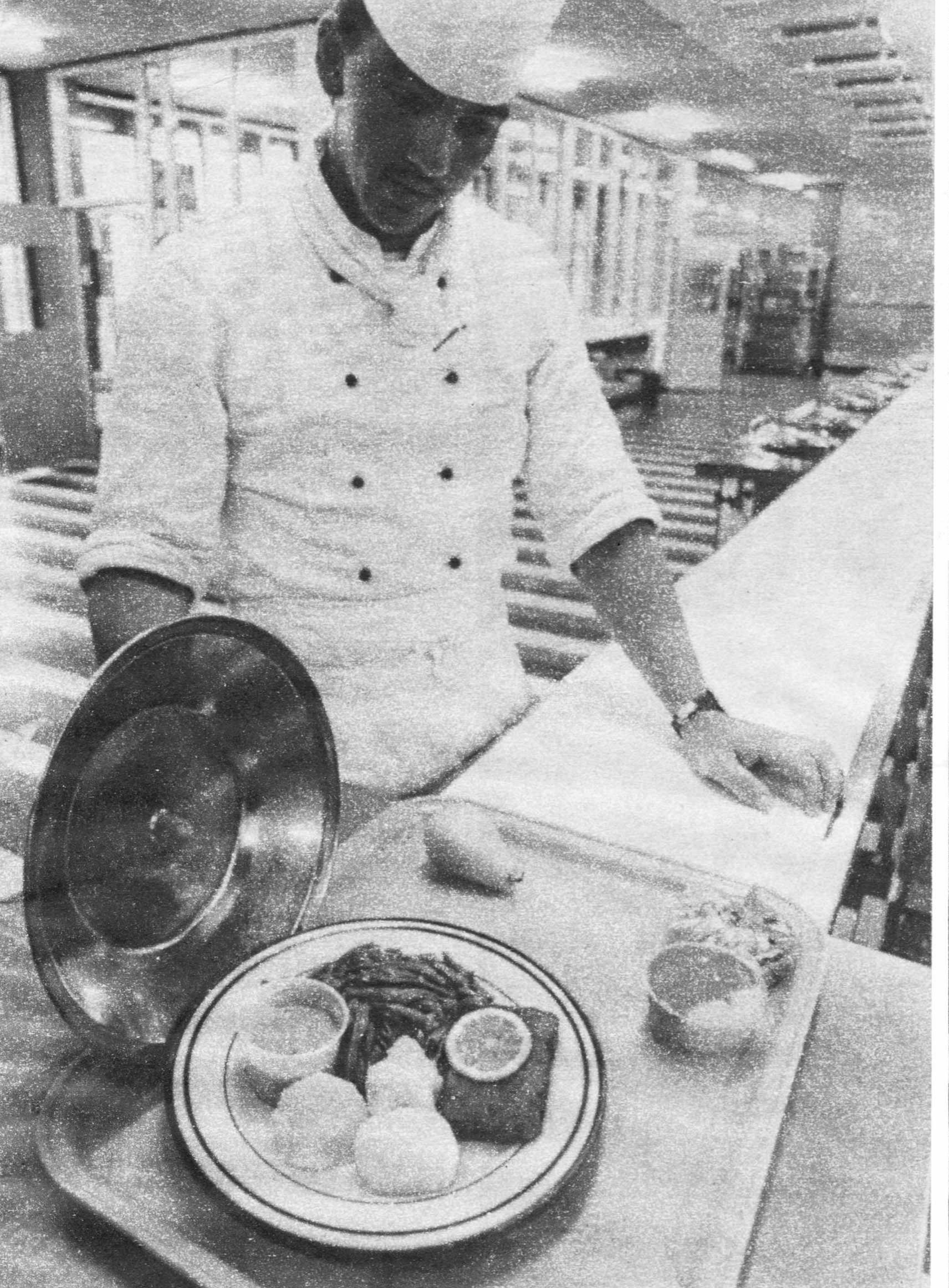
Ну, а мы, взяв ключ, осмотрели комнату для отправления религиозных культов. Это большое, светлое помещение со стульями, с кафедрой, со свечами. Для разных религий — разные дни. Для мусульман сложно организовать, так как им нужно часто молиться и важно положение солнца. Для тех, кто не верит в бога, есть «гуманитарный помощник». Ему заключенный может исповедаться, как в церкви. Тайна исповеди строго соблюдается. Только в случае, если что-то затевается страшное, священник скажет администрации, но не указывая фамилии исповедовавшегося.

Проходя по коридору, через стекло мы увидели изостудию, где стояли неоконченные картины. Видели скульптурную мастерскую. Прошли мимо библиотеки. Заглянули в медицинский кабинет. Каждый день в здании — врач и две дежурные медсестры. Есть изолятор, но больные там обычно не лежат. Людей могут лечить и в их камерах (делать уколы, давать таблетки). Есть в тюрьме зубной врач. Есть и окулист, который может подобрать очки. Каждому заключенному при поступлении делают снимок легких. За лечение заключенных платит государство. Если болезнь серьезная и требуется операция, то вызывается врач из городской больницы, и больного госпитализируют. Для особо опасных преступников в Гааге есть спецбольница с охраной.

Поднявшись на лифте, мы оказались в одном из павильонов. Павильон — это сектор здания, где на двух этажах находится 24 камеры. За порядком смотрят двое человек из охраны. Заключенные убирали, кто тряпкой, кто пылесосом, свои камеры. Каждый свою. Сидят-то они по одному. Спросив разрешение у одного из хозяев, мы, вытерев ноги, переступили порог камеры (даже язык не поворачивается так ее назвать). Это комната, примерно 12 квадратных метров. Большое окно (как уже писал, без решетки, но в стекло впаяны металлические проводки сигнализации). Оно не открывается. Наверху задвижки для вентиляции. Под окном вмонтирована батарея с терморегулятором. Пол из линолеума. Мягкая кровать, кресло, стул, стол, настольная лампа, занавески на окнах, телевизор, вмонтированное в стену радио с тремя программами, домашние тапочки, крем и щетки для обуви, плечики для одежды, мусорное ведро, стаканы, вилка, нож, ложки, книги, фотографии родных на полке, джинсы, реклама на стенах, утюг. Извините, если что-то забыл. В углу отгорожены калиточкой умывальник и унитаз. Над умывальником — зеркало, полочка для сушки одежды. Естественно, есть и туалетная бумага. На полочке — бритва, мыло, одеколоны. В стене два окошка. В исключительных случаях, если вахтеру кажется, что была попытка самоубийства, он может из коридора заглянуть в камеру и в туалет. Если заключенному это не понравилось, он может написать жалобу администрации, и у вахтера будут неприятности.

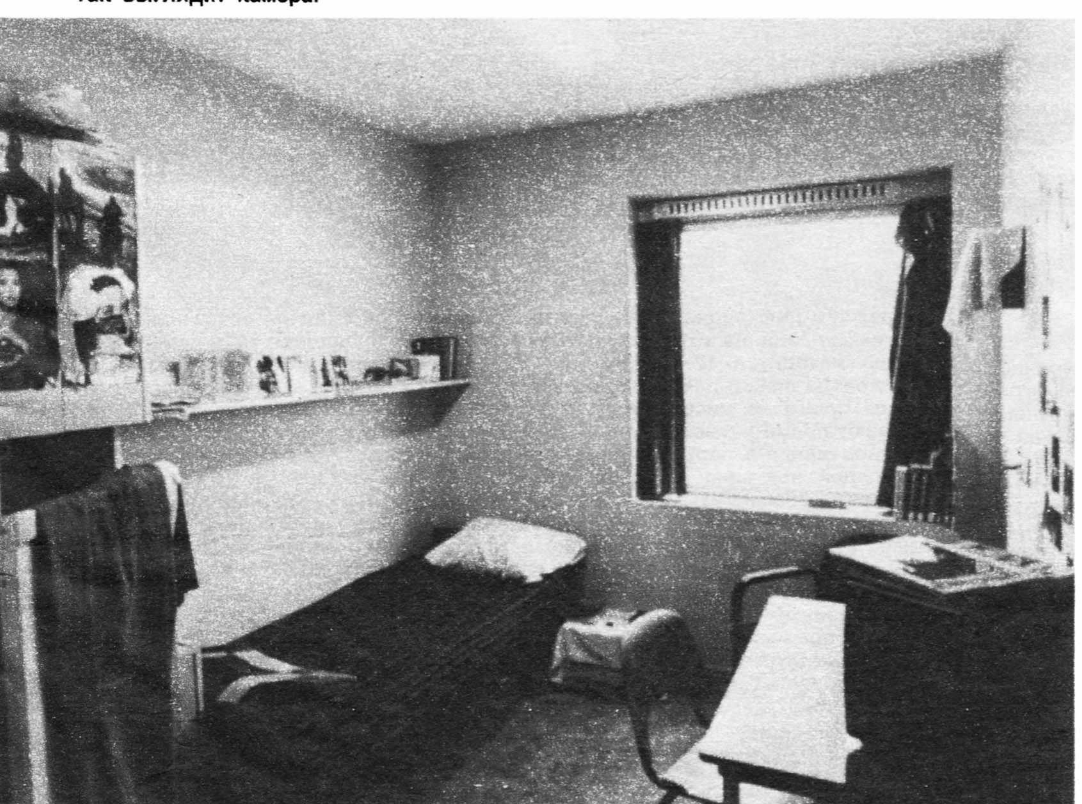
В камере есть переговорное устройство для связи с пультом вахтеров: можно высказать свои просьбы. Если в камеру зашел сосед и заключенные ведут беседу, то вахтер может подслушать разговор, но в тот момент, когда он включается в систему, в камере над дверью загорается красная лампочка. Телекамер в комнатах нет.

У каждого заключенного свой ключ от камеры. Но есть еще ключ и у вахте-

Это обычный обед заключенного.

Так выглядит камера.

Вроде бы и нет охраны, но за заключенным смотрит «телеглаз».

Футбол в тюремном дворе.

ров от наружного замка, который заключенный не может открыть изнутри. Постельное белье меняют каждую неделю. Каждый человек ходит в своей одежде, носит прическу, какую хочет. Родственники могут принести одежду по сезону.

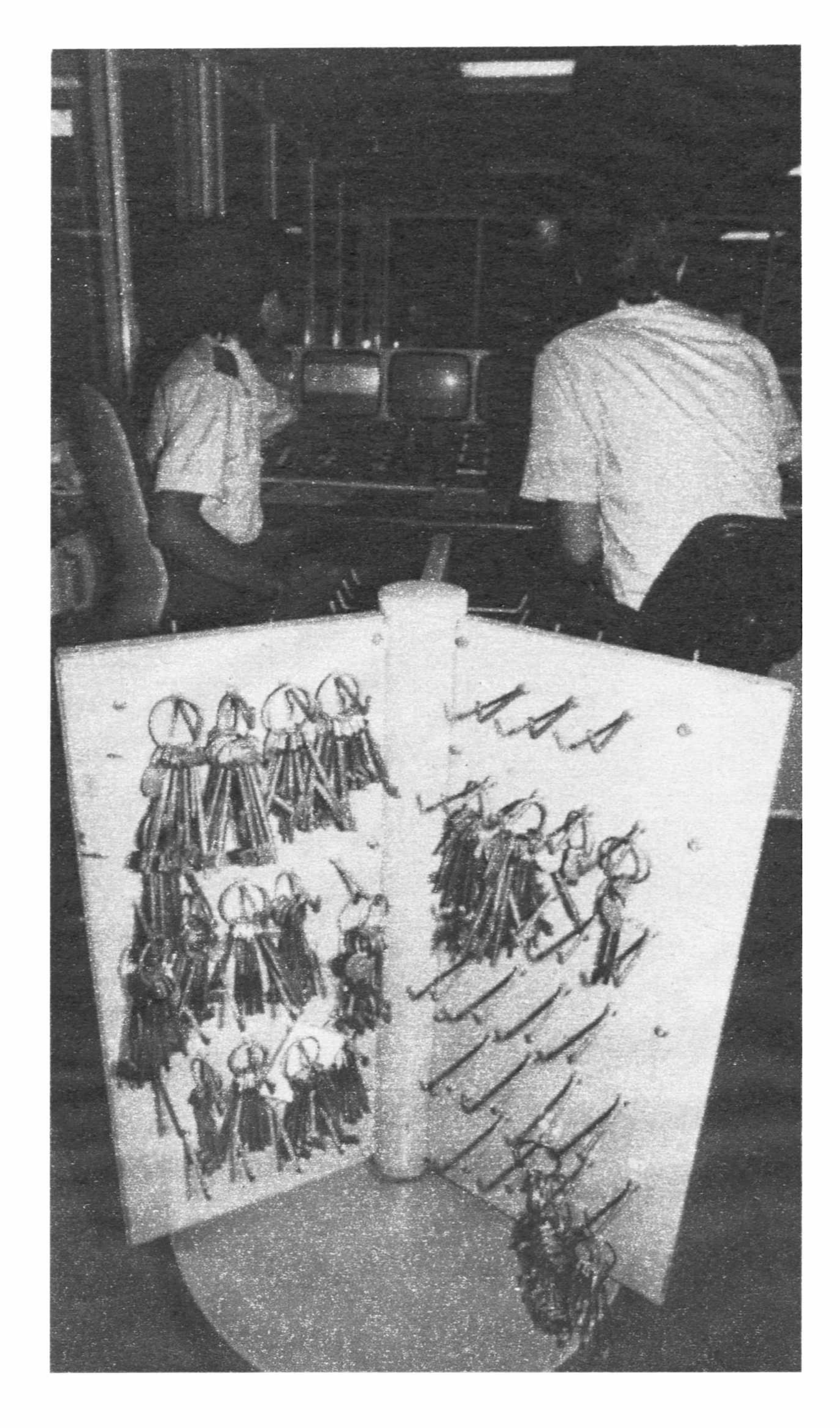
В коридоре стоят теннисный стол, бильярд, шахматы, настольный хоккей. Есть и холодильник, где под номерами комнат хранятся фрукты, молоко, «кока», «пепси». Холодильник без замка, ну, как в наших больницах. Алкоголь запрещен. Разрешено только безалкогольное пиво.

Есть в тюрьме и магазин. У входа висит надпись: «Больше трех не входить». Там можно купить и продукты питания, и разные хозяйственные вещи. Он работает по расписанию.

На 24 камеры — три душевых комнаты. Подъем в 8.00. Спать кто когда захочет, но надо соблюдать тишину и не мешать соседям. Если не хочешь идти на работу, то можно и не ходить, тогда просто не платят деньги. В неделю заключенный зарабатывает около 30 гульденов (около 20 долларов США). Здесь выполняют разные работы по заказам фирм. При нас в одном цехе собирали настенные часы, в другом — тумбочки для подледного лова рыбы. Женщины делают конверты, шьют флаги, стирают белье. Заключенные работают полдня, а вторая половина — свободное время (гости, библиотека, учеба, спорт).

Четверть обслуживающего персонала тюрьмы — женщины, но администрация хочет, чтобы их было 50 процентов. Наш провожатый господин Фрише считает, что женщины в мужском отделении лучше обеспечивают спокойствие. При них мужчины меньше ругаются, не дерутся. На женщин никто не нападает. Ну, а если все-таки это случилось, у каждого сотрудника тюрьмы есть маленькое сигнализационное радиоустройство. При опасности на центральном диспетчерском пункте загорается лампочка: ясно, с кем и где что-то произошло. И вызывается оперативная группа с оружием. У остального же персонала оружия нет.

Спустившись вниз, мы попали на кухню. Обед уже закончился, и вовсю мыли полы и посуду. Заключенные на кухне не работают — в целях безопасности. Повар принес мне обед (его вы видите на снимке, жаль, что это не цветная фотография). На чистой фарфоровой тарелке, которая находится на горячей большой каменной подставке, лежали три огромных картофелины, соус, стручки фасоли, жареная рыба, на ней — ломтик лимона. Сбоку кофейный десерт, груша, салат из огурцов, помидоров и перца. Сверху тарелка закрывалась крышкой с дырочкой. На подносе лежала бирка с номером здания, комнаты и фамилией заключенного. Все порции помещаются в контейнеры, наподобие наших аэрофлотовских, и развозятся по камерам.

Заключенных кормят на пять гульденов 25 центов в день. Господин Фрише дал мне меню. Оно составлено на шесть недель. Каждый день — разные блюда. После этого цикла собирается совет по меню, в который входят представители администрации из каждого здания. Учитываются и жалобы заключенных. Каждый день готовятся, как бы у нас сказали, «диетические столы»: для обычных людей, для мусульман, для вегетарианцев, для диабетиков и т. д. Вот, например, обед для обычного человека в пятницу: венгерский гуляш, мясо с ананасом, рис, фрукты; в воскресенье: грибной суп, карбонад с овощами, яблочный мусс, жареная картошка, фрукты. Есть, допустим, определенный вид мяса, который можно давать один раз в две недели. Половина заключенных просят на гарнир картофель, другая половина — рис. Поэтому очень важно не перепутать порции. Заключенные происхождением из Индии, Африки, Китая и других стран могут в магазине заказать какие-то свои национальные продукты, и им привезут. Они могут купить в магазине электроплитку и приготовить что-то сами.

Завтрак, обычно бутербродный, заключенным выдают вместе с ужином. А утром в камеры подают только горячий чай или кофе.

Мы спросили господина Фрише, как обстоит дело с наркоманами. Он сказал, что в тюрьме их очень много. И сделать что-то нельзя. Отлажена четкая подпольная система купли и продажи. Служебные собаки могут найти только анашу.

Заключенных, которые хорошо себя ведут и которые совершили небольшое преступление, могут на день отпустить домой. Некоторых отпускают и на 72 часа. Но по возвращении их строго проверяют.

За нарушения в тюрьме существуют три вида наказаний:

1) официальное письмо-предупреждение от администрации заключенному,

2) запрет прогулок,

3) изоляция на 10 дней (но питание при этом не меняется).

Могут ограничить посещения гостей, если гости передали что-то запрещенное. Если заключенный не согласен с наказанием, то он может жаловаться в комитет по защите или начальнику тюрьмы.

Итак, наше знакомство с голландской тюрьмой подходит к концу. Но где же, где решетки, засовы, колючая проволока? Хоть что-то напоминающее о тюрьме? Я выхожу на футбольную площадку, наверху забора вижу колючую проволоку с сигнализацией. Но мне кажется, что и мысли не возникнет бежать отсюда. Здесь все уважают человека, все его права охраняются. Ко всякому человеку относятся как к равному себе. Ему улыбаются, с ним вежливо разговаривают. Человек лишен только свободы. Но свобода — это все, особенно для голландца.

А я, честно говоря, наверное, тут, в Голландии, впервые в жизни почувствовал себя человеком. В своей родной стране, на воле, такое ощущение, что ты кому-то все время мешаешь и никому не нужен. Поймите меня правильно, это не пижонство, но я хотел бы стать заключенным в голландской тюрьме.

Юрий ФЕКЛИСТОВ.
Фото автора.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

На основании собственного горького опыта — почти трехмесячного предварительного заключения в СИЗО 45/1 — легендарных ленинградских «Крестах» — я утверждаю, что предварительное заключение есть метод превентивного наказания людей, чья вина судом еще не доказана.

Этот следственный изолятор известен тем, что там в свое время сиживали известные революционеры. Они пользовались библиотекой, постельным бельем, возможностью купить какую-то еду и тем не менее считали условия содержания очень жестокими, что поддерживало их веру в необходимость революционных перемен.

Следственный изолятор сегодня — это одиночная камера в 7—8 квадратных метров, маленькое, забранное решеткой и железными жалюзи окно, чугунный унитаз без стульчака, кран и раковина. Никаких матрасов, постельных принадлежностей.

В первый день идут допросы, очные ставки. Силы не равны: с одной стороны — сытый, выспавшийся следователь, с другой — голодный, морально подавленный, невыспавшийся, обросший, грязный подследственный. Какая там презумпция невиновности, какие права личности, демократия и прочая беллетристика! Необходимо в самые сжатые сроки добиться желаемого «расклада».

Через три дня (редко через десять) определяют в сидячий «собачник». По стенам лавки, на которых могут уместиться 9—10 человек, но в камере обычно находится 12—13, поэтому некоторым приходится стоять. Во время обеда ложки дают без черенков, а кружки вообще не дают. Многие лакают прямо из мисок, сидя на корточках. Кипяток один раз в день наливают прямо в миски. Почему-то никто не дает ознакомиться с правилами поведения в тюрьме. А ведь нарушение этих правил ведет к наказанию людей, чья вина, заметьте, судом еще не доказана.

Во время обыска изымаются шнурки от ботинок, пояса, разные мелочи. Никто не протестует. Вечером переводят в другой «собачник». Новая камера с нарами. Нары двухъярусные, люди ложатся вповалку на голые нары, поворачиваются все вместе, иначе невозможно...

После пребывания в КПЗ человек, обладающий минимальным интеллектом, понимает, что участь его решена, потому что подобным лишениям абсурдно подвергать человека только по подозрению, и что суд просто не сможет отказаться от обвинения, потому что в противном случае в этот ад должен попасть тот, кто его сюда направил.

А. СРЫБНИК,
кандидат медицинских наук
Ленинград

Моментальные снимки над пропастью

Марис ЧАКЛАЙС

ПЧЕЛЫ И БАБОЧКИ

Пчелы и бабочки
бросают нас!

Статистикой утешайтесь,
добрые граждане!

Над радиоактивным пеплом
тает наст,

у крыс, однако,
растет рождаемость.

Всеобщее утешение
провозгласим!

В последний миг
на исходе веков усохших

тысячекратно испепеленный
феникс, мой младший сын,

на помощь двум старшим братьям
буди усопших!

Пчелы, бабочки
и прочие летуны

безнадежно отстали
от нас, неваляшек;

в метаморфозах метели
нам с тобой нет цены:

над нашим пеплом
душа-орхидея пляшет.

СОВМЕЩЕНИЕ

Заперты двери лет;
прошлого не вороша,
«да» совмещает с «нет»
израненная душа.

Рухлядь, щебенка, железный лом...
Ветру за них отвечать!
Его привечает вечерний дом
в своих золотых кирпичах.

Шапками гору насыпали мы,
вокруг могилы газон;
иней — свидетель нашей зимы,
утраченных благ и зол.

Заперты двери лет;
их лестница хороша...
Их совмещенный след —
какая — сам знаешь — душа...

* * *

Эпоху нашу в корректуре
читая века через два,
не закричит «ура» халтуре
паук, оценщик естества.

И, радуясь красивой фразе,
решат ученые умы,
что, как молекулы в алмазе,
дышать умели все же мы.

Но тот, кто судит, замурован
сам будет завтра же в бетон.
Эпохе собственной дарован,
кого дышать научит он?

Бежит жучок по мертвой зыби,
хоть угрожает вечный лед,
но целы жилы в мерзлой глыбе,
и завтра в них любовь сверкнет.

В ТЕМНОТЕ

За окном жизнь мгновенная
в зеленеющем сумраке;

Никуда! Что ты ощупью
ищешь в темени вешней?

Где друг друга корежите
вы в заманчивой судороге,
там со мною мой ласковый
ад прилипчивый, здешний.

За окном жизнь мгновенная,
беспросветные сумерки;

Никуда! Исчезаешь ты...
Или ты тоже сломлено?

Что во тьме надвигается:
ужас или безумие?

Не любовь ли внезапная —
напоследок соломинка?

БАЛЛАДА МЕЛЬНИЦЫ

На легкий ход надежды мало.
Кого колесам ревновать,
пока зерно в крови тумана
прилежно мелют жернова?

Набухло озеро, как вена,
и слишком ненадежен шлюз,
но облака с порывом ветра
земле сигналы с неба шлют.

Все рушится: мосты и храмы,
но что-то мелется во мгле,
и нарекают люди храбро
очередное чудо «хлеб».

Скрывают водяные недра
свой нескончаемый почин;
в объятиях тумана некто
идет по озеру в ночи.

ВЕТЕР СОРВАЛ БАЛКОН

Ветер сорвал балкон...
Мастер, бьют ли часы?
Вокруг дома легион
воспоминаний босых.

Мастер! В душной пыли
чей жаркий пляс не затих?
Они костры разожгли
из древних вздохов своих.

Мастер, а не опасно
толчком будить пустоту?
Они все равно не гаснут;
буди не буди, они тут.

Время — реанимация
ветра, мысли, утрат,
вечная трансформация
сути, а суть — возврат.

Мастер, зачем же мучиться,
когда закончен портрет?
Но почему натурщица
так жалобно смотрит вслед?

МОМЕНТАЛЬНЫЕ СНИМКИ НАД ПРОПАСТЬЮ

Что там над пропастью делает
зритель
с калейдоскопом?
В зрачках широких миры родятся
и рушатся скопом.

Девушка... Что ей над пропастью
делать?
Каждый взгляд — выпад...
Пустота снизу, пустота сверху...
Кто кого выпьет?

Что там над пропастью делать
Орфею?
Орфей лишь певчий;
однако песня против распада,
и с нею легче.

Небо над пропастью тоже подобно
мусорной куче;
калейдоскопы все засорились...
В пропасти лучше!

Перевел с латышского
Владимир МИКУШЕВИЧ.

Метроном

СЕКРЕТ ФИРМЫ

29 сентября «Советская Россия» опубликовала интервью с Маршалом Советского Союза Д. Язовым. «Лишь бы пошуметь...» — так дружески, по-домашнему оценила газета беспокойство части депутатов Верховного Совета СССР по поводу загадочных «картофелеуборочных» маневров вблизи Москвы. Для пущей выразительности корреспондент Н. Белан предварил интервью следующей трогательной сценкой. Министру обороны запросто звонит председатель Тульского облсовета с просьбой подкинуть техники для спасения урожая.

«Хорошо, Юрий Иванович,— пообещал министр,— десантники выделят вам машины. Да-да, 75 машин, как и просите».

Непростая нынче жизнь у военных. Это вам не за демократию кричать на Съезде народных депутатов. А тут еще очерняют со всех сторон. Обидно. И кто очерняет-то? А главное, зачем? Есть, есть пища для размышлений... Не для того ли, спрашивает министр, **«чтобы в будущем отвести от себя ответственность за безобразнейшую подготовку, точнее — неподготовку к зиме оправданием: мол, военных на чистую воду выводили, было не до заготовки сельхозпродуктов?».**

Вот все и встало на свои места. Пока доверчивая армия мирно копает картошку и готовится к параду, не снимая на всякий случай бронежилетов и оружия (**«Но, товарищи, это же воздушно-десантные части, не дай бог, их потребуется срочно перебросить, чтобы защитить население в том или ином районе межнациональной розни»**), демократы в кавычках норовят оболгать армию, **«отвлечь внимание от того, что бездельничают местные власти и что намечено в «программе-90».**

Ох уж эти местные власти! Ну, высадился в Рязани военно-воздушный десант. Стоит ли волноваться из-за таких пустяков? Обычные учения. А полковник Кудинов, начальник политотдела Рязанского воздушно-десантного высшего командного училища, такой шум поднял, как будто бомба взорвалась. Почему, спрашивает Маршал, командующий ВДВ должен был доводить план учений до Кудинова? Действительно, при чем тут Кудинов, когда даже и для председателя Рязанского горсовета, народного депутата РСФСР В. В. Рюмина этот десант оказался, мягко говоря, неожиданным? А просто, объяснил Д. Язов, **«генерал-полковника В. Ачалова отличает то, что он учит десантников без упрощений, всерьез, никто даже из командиров дивизии не знает замыслов командующего ВДВ».** Понятно теперь, почему народному депутату СССР, депутату Рязанского облсовета Н. В. Молоткову, срочно приехавшему на аэродром, чтобы выяснить, что происходит, не только не выдали «замыслов командующего ВДВ», но и вообще не ответили ни на один вопрос. Так что учения оказались «всерьез» не только для десантников, но и для местной власти.

— Я считаю объяснения Д. Язова неубедительными,— говорит Николай Васильевич Молотков,— но дело даже не в этом. Я ведь не просил показывать мне секретные карты. Но если в Рязани происходят военные учения, горсовет должен быть об этом по крайней мере предупрежден. Я не нахожу нормальной ситуацию, при которой представителю Советской власти грубо отказывают в праве знать, что делается на территории его избирательного округа.

Мне представляется странной та агрессивность, с которой военные руководители отреагировали на вопрос депутата С. Белозерцева на сессии Верховного Совета СССР. Я не понимаю, к чему эти рассуждения об очернительстве, «антиармейских спекуляциях» и о том, что демократы готовятся к захвату власти. Любой народный депутат СССР на месте Белозерцева, получив подобную информацию, просто обязан был задать такой вопрос. Точно так же и депутаты Рязанского обл- и горсоветов, узнав о высадке десанта в черте города, были обязаны попытаться выяснить, что происходит. Я считаю, что мы были вправе сразу же получить ответ. Представьте себе реакцию населения, когда на местный аэродром начинают с ревом приземляться боевые самолеты. Представьте себе наше положение, когда мы — власть — не можем объяснить встревоженным людям, что происходит. Отказ военных давать объяснения в подобной ситуации можно расценить только как вызов местной власти и нарушение Закона о статусе народного депутата.

Да, совсем зарвались народные депутаты СССР. Все-то им расскажи: и для чего самолеты, и почему с оружием... Хорошо, что армия не только тебе картошку выкопает, но и парламент при нужде одернет...

А мы себе живем припеваючи и не знаем, где, когда и от кого нас могут внезапно защитить, если, как совершенно справедливо заметил товарищ Язов, «не дай бог», потребуется...

Светлана ВАВРА

Выдержав осаду телефонных звонков после публикации материала «Знак судьбы» («Огонек» № 37), редакция содрогнулась под ударами писем. «Ну, конечно,— писали скептики,— не выдержал «Огонек». Сдался. Ударился в модную тему. Скоро дойдет до того, что гороскопы начнет вместо кроссвордов давать».

Конечно, нас можно обвинять в заигрывании с читателем, а героя публикации, собеседника журналиста, в стремлении к саморекламе. Но В. Финогеев больше всех пострадал от материала. Закончилась его спокойная, размеренная жизнь. Теперь по ночам раздаются телефонные звонки с требованием немедленно погадать.

Может, мы действительно виновны?

Может, это из-за нас люди, очнувшись и оглядываясь вокруг, чувствуют себя несчастными? Может, это мы — источник, разрушающий надежды, заставляющий матерей со страхом думать о будущем своих детей? Может, мы,— причина того, что в нашей стране народилась целая общность индивидов, которые не желают воспринимать ничего, кроме иллюзий, отвергая реальность? Велико искушение бросить еще один категорический ответ. Сколько их было за нашу историю? И сколько мы их слышим сегодня? Дело не в сенсации. Дело в том, что, потеряв веру, люди в поисках надежды уповают на чудо, отождествляя его с надеждой. Но чуда не бывает, иллюзорны надежды, не основанные на действительности.

Мы передали все письма Владимиру Финогееву и попросили ответить на них.

ПО ТУ СТОРОНУ СЛУЧАЙНОЙ СМЕРТИ

Я не случайно назвал свой обзор писем именно так. Потому что именно этой проблеме посвящено большинство писем, уважаемые читатели. Конечно, я понимаю, что мне следовало соблюсти «плюрализм мнений» и привести письма, резко отрицающие хиромантию и другие оккультные науки. Но мне этот путь кажется бесплодным. Я бы не хотел никого и ни в чем убеждать. Хиромантия не экономика и не финансы. Без нее можно с успехом прожить. Более того, на мой взгляд, астрология и хиромантия никогда не займут, даже при благоприятных условиях, главенствующего положения, оставаясь как бы на втором плане — вспомогательными средствами изучения человека и мира.

Ну, а теперь вернемся к вашим письмам.

«Всякий раз, как я слышу, что случайная смерть не случайна, меня охватывает сомнение. Конечно, легче всего удариться в мистику, но я просто не могу позволить себе такой роскоши. Это слишком примитивно. Еще задолго до вашего интервью, изучая, если так можно выразиться, основы оккультных наук, я задавал себе вопрос — как? Каким образом за много лет вперед ладони знают, на каком году жизни остановится сердце человека?»

Уважаемый читатель, я с вами согласен. Тут действительно много странного. Как непредсказуемое в принципе, именно потому что случайно, уже сидит в ладони, будто заноза? Или у случайности тоже есть законы?

Мы привыкли: рука, линии — что тут особенного? Данность. Но за линиями и знаками стоит познание мира и человека, и вопрос заключается в том, как увидеть мир.

Хиромантия объяснила значение многочисленных знаков и линий на руках. Одна группа рельефных и графических характеристик относится к здоровью, другая — к характеру и способностям, еще одна — к родственникам и детям. Есть особые рисунки, которые опыт хиромантии связывает с угрозой для тела и жизни человека. На них мы и задержим наше внимание. Полные рисунки смерти (то есть основные знаки с дублирующими компонентами) встречаются довольно редко. Из тысячи рук таких будет примерно пять. Вы, наверное, заметили, что практически во всяком несчастном случае раненых бывает гораздо больше, чем убитых.

Человек с подобными знаками на руках по виду не отличается от других. Он совершает и волен совершать все действия, которые совершаются другими людьми. Но он не как все, ибо он носит свою смерть с собой, она зажата у него в кулаке.

Что это? Метка, по которой невидимая и безжалостная сила вырвет его до срока из числа живых?

Бред, скажете вы. Есть ли у хиромантии факты исполнившихся предсказаний? Какова их достоверность? Таких вопросов в письмах немало.

По хиромантии написано много книг. Одному только Галену, римскому врачу, принадлежит около 250 работ по этому предмету. С тех пор прошло почти восемнадцать веков, и каждый был отмечен десятками интересных трудов. А какие полные, глубокие и всесторонние исследования были проведены в незапамятные времена — задолго до Рождества Христова — в Египте, Китае, наконец, в Индии, которую большинство профессионалов считают родиной хиромантии. Индийские специалисты утверждают, что их древние хироманты сумели выделить и объяснить 10 000 знаков на руках. Это огромная, колоссальная работа. Ведь, чтобы проследить движение на ладонях хотя бы одного знака, определяя его надежность, нужно просмотреть не одну тысячу рук. Но зафиксировать предсказание довольно просто. Достаточно сделать отпечаток ладони с характерными признаками. Затем сопоставить предвиденное с исходом. Даже если отпечаток снят после смерти и на нем обнаружатся трагические рисунки, то и это явится подтверждением предсказанного, поскольку к моменту гибели эти узоры на ладони были. Знаки не могут возникнуть после смерти, так как наблюдением установлено, что после прекращения жизни не только не появлялось никаких новых знаков, но наоборот — все линии тускнели и постепенно пропадали бесследно. Подделка отпечатков исключена. Не потому, что она невозможна, а в связи с тем, что лишена смысла. Потому что смерть нельзя подделать. Вряд ли найдутся охотники до розыгрыша, чтобы заплатить за него своей жизнью. Ведь, согласившись на фарс, они должны будут умереть, чтобы оправдать пророчество.

Предсказания, запечатленные в отпечатках и исполнившиеся, следует признать истинными.

И такие отпечатки есть. Возьмем три классических источника. «Вы и Ваша рука», автор Кейро (псевдоним графа Луиса Хэмона), «Законы научного чтения руки» Вильяма Бенхэма и «Хаст Самудрика Шастра» (Руководство по чтению руки) индийского практика К. С. Сена. Все они крупные авторитеты хиромантии начала XX века. В их книгах помещены фотографии отпечатков рук, на которых ясно видны знаки, указывающие в двух случаях вид неестественной смерти.

Вот два примера из Кейро.

21 июля 1894 года Кейро сделал отпечаток ладони лорда Герберта Китченера, тогда видного военного деятеля, ставшего впоследствии министром обороны Великобритании. Изучив его линии, Кейро произнес печальные слова: лорд Китченер утонет в возрасте 66 лет. В то время Герберту Китченеру шел 44-й год. Неизвестно, как воспринял он сказанное, помнил, забыл ли об этом. Только через 22 года ушел под воду корабль «Хэмпшир» — среди погибших был и лорд Герберт Китченер.

В другом случае Кейро, читая руки майора Джона Логана, сообщил ему, что тот потеряет жизнь от удара в голову на тридцатипятилетнем рубеже. Тогда же был сделан отпечаток, который майор собственноручно подписал и поставил дату. За год до страшного срока Джон Логан, полагая, что он может повредить себе голову при падении с лошади, распродает свою конюшню и объявляет, что намерен бороться с предсказанием, опровергнуть его и посрамить Кейро. Никто не мог и представить, что через год вспыхнет испано-американская война, майор будет призван и погибнет через месяц после тридцатипятилетия в битве при Сантьяго. Пуля попадет ему в голову.

У Вильяма Бенхэма мы видим отпечаток руки Альберта Дж. Франца, убийцы Бесси Дейтон, казненного на электрическом стуле. Отпечаток был сделан во время следствия, однако ладонь показывает, что исход дела уже предрешен.

У К. С. Сена мы найдем отпечаток ладони известного хирурга из Дели, застреленного в период межобщинных беспорядков в сентябре 1947 года, с тем же ясным знаком насильственной смерти.

Отсюда следует несколько неутешительных выводов. Во-первых, предсказания существуют, они — реальность. И с этим надо начинать считаться. Во-вторых, у предсказаний обнаруживается неприятная особенность — они сбываются, несмотря на усилия по их предотвращению. В-третьих, рука — своеобразный экран если не иного, то, во всяком случае, незнакомого нам мира.

Приведу еще одно письмо.

«Уважаемый Владимир Васильевич. Мне довелось поездить по миру, и я, в принципе отвергающий всякую мистику, был поражен тем, что в каждом крупном городе существуют целые кварталы, где расположены астрологи, гадалки и прочие представители оккультных наук. Сначала я воспринимал все это как некую капиталистическую забаву, которая недоступна нам с нашими проблемами. Но один раз, когда мой знакомый бизнесмен перед сделкой обратился к хироманту, я был просто поражен. От такого прагматика и реалиста я не ожидал подобного поведения. На вопрос, зачем он это делает, я получил примерно такой ответ: «Мне так спокойно. Пользуясь такими услугами, я ни разу не прогорел». После этого случая я глубоко задумался. Его поведение не было похоже на блажь. Оказалось, что подобными услугами пользуются многие. Значит, предсказание — это реальность. А если реальность, то должен ведь существовать механизм, по которому оно работает. Что вы думаете об этом и не удавалось ли вам говорить с кем-либо из ваших коллег за рубежом?»

Конечно, говорил.

Будучи в 1984 году в Индии, я брал консультации у профессионального хироманта. В одной из бесед разговор зашел о предсказаниях несчастных случаев. Я признался, что нахожусь в затруднении по поводу этого пункта. Эта проблема занимала меня уже несколько лет. И когда я сам стал свидетелем воплотившихся пророчеств, поначалу это было как удар, как шок. Но время сгладило силу первого впечатления, накатывали сомнения, принцип феномена был непостижим, какой-то тихий голосок нашептывал: этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Так постепенно приходишь к тому, что отказываешься верить собственным глазам, слуху, уму, а веришь стереотипу. «Вы-то должны понимать, что этого не может быть?»— вопрошал я своего учителя, глядя ему прямо в глаза. При этих словах брови его чуть дрогнули в удивлении, смысл которого

я открыл лишь через несколько месяцев.

— Как рука за 20 лет вперед может знать те обстоятельства, которые погубят человека? Ведь здесь либо обман, либо чудо, которого не бывает,— продолжал я.

— Здесь нет ни обмана, ни чуда, все очень просто,— отвечал он с улыбкой.— Это воля Всевышнего.— И руки его устремились в небо с изяществом, не доступным никому, кроме индийцев. Святая простота этого ответа не доходила до моего сознания. Я видел, что он не понимает моих сомнений, так же, как я не в силах уразуметь его спокойной уверенности.

— И ничего нельзя изменить? — с упавшим сердцем спросил я.

— Можно.— Руки его вернулись на место.— Судьба — это нить, один конец которой находится в руках человека, другой — в руках Божьих. То, что в руках Бога,— тайна, непостижимая для человека, поэтому человек должен сосредоточить усилия на том, что зависит от него, а не на том, что ему неподвластно.

— Что же он должен делать?

— Долг человека — развивать свой ум и, соблюдая нравственные нормы, стремиться к совершенству.

— Ну, вот он будет идти к совершенству, а случай убьет его или искалечит.

— Этого не случится. Потому что Бог этого не допустит.

— Но это же происходит?! Масса хороших людей гибнет или становится инвалидами!

— Это распространенное заблуждение. С хорошим человеком ничего не может случиться, потому что есть закон кармы, по которому человек получает вознаграждение за хорошие поступки и мысли и наказание за дурные. Карма — это причина и следствие. Карма — это семя, мы его сажаем, из него вырастает плод. Доброе семя — добрый плод. Злое — злой. Карма длиннее одной жизни человека. Если явно хороший человек пострадал, то это значит, что он наказан кармой за лень, пороки и грехи прошлой жизни или начала этой. Если человек совершил доброе дело, то его ожидает награда и сам Бог не может лишить его этой заслуги.

— Значит, карма выше Бога?

— Боги подчиняются закону кармы.

— То есть дурная карма неотвратима?

— Негативная карма человека отвратима совместными усилиями Бога и человека. Если человек выполняет заветы Бога, Бог с ним сотрудничает, и так они побеждают карму.

— Как действует карма? Каков ее принцип?

— Карма принадлежит к разряду вещей, о которых нельзя думать. Если человек попытается постигнуть механизм кармы, то его мышление расстроится и он распадется на части.— Он умолк, но через секунду возобновил свою речь: — Линии и знаки, сообщающие о грядущих событиях в жизни человека, появляются на руке под влиянием Божественной воли. Так Бог предупреждает человека об опасности...

«Ну, хорошо,— терзала мысль,— предупреждает, но почему бы ему прямо не сказать, к чему вся эта игра, этот маскарад, нет, тут что-то не то...»

— ...и человек волен воспользоваться или отклонить советы Божества...— Он словно отвечал на невысказанное, но спрошенное...— Бог не навязывает никому своих мнений, он чтит свободу человека.

— Да, но человек может и не знать смысла этих знаков на руке?

— Это его личное дело. Но мудрость в том, чтобы знать, ибо невежество — это рабство, а знание — это свобода. И так во всем.

Рассуждения о карме и участии Бога в судьбе человека задели мое сердце. Мы родились без Бога, все для нас не просто, запутано, непонятно. И все-таки... в хаосе намечаются, твердеют некие контуры, как при нажатии на кожу из-под нее проступает тайный знак. И я засел за историю предсказаний.

История открыла, что предсказания существовали всегда, что они существовали везде и что количество их достигает совершенно невообразимой величины. В мировой культуре высятся монбланы пророчеств, прорицаний и предречений. Нам не суметь посетить все пределы земли в нашем расследовании о предсказаниях. Лишь немного зачерпнем мы из Древней Эллады и Римской империи, чья непревзойденность по этой части является неоспоримой. Именно там будущее не просто шло бок о бок с настоящим, оно было им. Оно предшествовало настоящему, с блеском проявляясь во всех ипостасях — мифах, литературе, искусстве, фактах повседневной жизни. Судьба родилась раньше мира. Еще до сотворения человека отец Зевса Кронос был приговорен Роком к низвержению от руки собственного сына. Позднее право предрекать людям волю Зевса получил Аполлон, иногда награждавший этим даром и человека. Насквозь пропитаны соком грядущего Гомеровы «Илиада» и «Одиссея». Перечитайте «Эдипа» Софокла — там схема осуществления предсказания совершенна в своем построении; конструкции его так плотно сбиты, что не пролезет и лезвие бритвы. Конечно, мифы, легенды, сказания, художественные произведения мы можем причислить к игре человеческого воображения. Но как поступить со свидетельствами прославленных историков: Плутарха, Тита Ливия, Корнелия Тацита, Транквилла Светония, Диона Кассия, правдивость и беспристрастность которых снискали им всеобщее уважение?

В Греции и в Италии, как в центре, так и в колониях, были воздвигнуты бесчисленные храмы главным и второстепенным богам: Юпитеру, Аполлону, Марсу, Гермесу, Венере, Сатурну, Юноне, Церере, Прозерпине и пр. Это были действующие храмы. Они действовали не только как место жертвоприношений и обрядов, посвященных богам, но и как центры предсказаний. Любой желающий мог узнать у оракула Юпитера, Афины или Юноны, что готовит ему судьба. Предсказывалось все: участь детей, родственников, имущества, домов и городов, надежность инженерных сооружений, кораблей и союзников, результаты военных походов и сражений, а также стихийные бедствия, инфекционные заболевания, пожары, смена правительств, гражданские смуты, неурожаи и повышение цен. Вопросы оракулу задавались устно или письменно, причем присутствие в храме вопрошавшего не было обязательным. Было и то, что сегодня мы можем назвать чистотой эксперимента. Вот как Тацит описывает работу оракула Аполлона Кларосского в Колофоне: «...жрец... осведомляется у желающих обратиться к оракулу только об их числе и именах; затем, спустившись в пещеру и испив воды из таинственного источника, чаще всего не зная ни грамоты, ни искусства стихосложения, жрец излагает складными стихами ответы на те вопросы, которые каждый *мысленно* задал богу».

Оракул Аполлона был практически в каждом городе. Но наибольшим авторитетом пользовался знаменитый оракул Аполлона в Дельфах, слава которого простерлась и до наших дней. Оракулы исходили и из так называемых пророческих книг, авторы которых обладали или утверждали, что обладают соответствующим талантом. Во времена императора Августа число таких книг, ходивших в Риме, превысило две тысячи. Император, видимо, усмотрев в них вредные, вздорные, а может, и опасные прорицания, повелел предать их огню. Он, однако, не тронул Сивиллиных книг, а, отобрав самые ценные, поместил их под основание храма Аполлона на Палатине.

Среди прорицаний есть немало подлинных шедевров, которые поражают оригинальностью, загадочностью и непреложностью. Так, оракул Аполлона предупредил царя Македонии Филиппа, что он погибнет от колесницы. Царь приказал разрушить все колесницы, но это не спасло ему жизни. Во время театрального представления его заколол Павзаний шпагой, на рукоятке которой была вырезана колесница. А император Траян, отправлявшийся на войну с парфянами, послал спросить оракула, вернется ли он в Рим после похода. Вместо ответа он получил виноградную лозу, разрезанную на части. Траян не смог разгадать странное предсказание. Смысл его стал ясен позже, когда Траяна привезли в Рим мертвого, с изрубленным на куски телом. Оракул дельфийского Аполлона велел Нерону бояться семьдесят третьего года. Нерон тогда был еще очень молод. Он возрадовался этой вести, думая, что его правление продлится до такого возраста. Однако на тридцать втором году жизни Нерону пришлось покончить с собой. Низверг его Гальба, которому как раз исполнилось семьдесят три года. Самому Гальбе было предсказано, что он станет императором. Во время жертвоприношения мальчик, помогавший в свершении обряда, неожиданно поседел. Это было истолковано так: старик сменит на троне юношу.

Отвечая на ваши, читатели, вопросы об истории хиромантии, следует заметить, что предсказания были обыкновенной и даже неотъемлемой частью жизни греков и римлян. Отсутствие пророчеств было бы воспринято ими с теми же ошеломлением и тревогой, с какими мы сегодня встречаем их появление.

Такое широкое сознание стали в наше время называть космическим. Именно такой тип сознания преобладает в Индии, что и было причиной характерного движения бровей моего индийского коллеги, когда я обращался к нему со своими наивными, по его разумению, вопросами.

Поток будущего в настоящее в форме знамений, примет, видений, всевозможных видов гаданий и пророческих изречений не прекратился с падением Римской империи. Река текла себе и текла, давая новые имена и факты. Волны ее катятся и по сию пору, не обращая внимания на протесты нашего просвещенного века. Из ныне живущих пророков достаточно упомянуть болгарскую ясновидящую Вангу, чьи предсказания сбываются в количестве, исключающем, по мнению болгарского профессора Георгия Лозанова, возможность простого совпадения.

Есть, однако, и приятные новости: наука, за которой остается последнее слово в любом споре, стала проявлять интерес к феномену проскопии, как его называют. Исследования подобного рода ведутся во многих странах, в том числе и у нас. По данным американской разведки, Советский Союз — один из пионеров и лидеров изучения паранормальных явлений в новейшей истории. Мы часто упрекаем науку в консерватизме или излишней сдержанности, хотя это составляет ее достоинство — ведь ей предстоит дать научное объяснение загадочных процессов. Пока такого объяснения нет. Древним было проще: теория предсказаний прочно покоилась на Боге. Но потом Бог, всегда действующий через посредников, не сумел доказать своей научности и был отменен. И вся конструкция повисла в воздухе. Нужда чем-то ее подпереть вызвала к жизни множество интересных и головокружительных концепций. Например, теория вечного возвращения. Суть ее в том, что первый момент Большого взрыва, родивший Вселенную, определил и всю цепь ее будущих преобразований. Сейчас Вселенная расширяется, затем она будет сужаться, потом схлопнется в бесконечно малую точку, точка вновь разорвется — и так без конца. А поскольку работают одни и те же физические законы, все повторы будут идентичны. Следовательно, каждый человек проживает одну и ту же жизнь, в одном и том же обличье и в одних и тех же обстоятельствах. Циничная теория. Что-то вроде космического апартеида. Все виды неравенства между людьми закрепляются не пожизненно, а уже навечно.

К этой теории «арестованного будущего» примыкает идея Ламенне о том, что в бесконечности времени будут неизбежно повторяться одни и те же материальные комбинации. В первом случае механика предсказаний, видимо, должна сводиться к тому, что мозг отдельных людей познает эти наиболее общие физические законы и вычисляет результат применительно к событию или отдельному человеку. Во втором, правда, понадобится еще какая-нибудь теория памяти об этих материальных комбинациях. По этому поводу есть ряд гипотез. По одной из них, информация во Вселенной организована в виде частотно-амплитудной структуры, а мозг способен каким-то образом переводить ее в доступную нам форму — в слова, видения, действия.

Есть теория «Космического разума». Под этим видом Бог как бы потихоньку возвращается обратно. Здесь одно короткое слово заменено двумя длинными, это всегда кажется более научным и воспринимается с большей благосклонностью. Но есть и преимущество. Небольшая лексическая трансформация позволяет вежливо обойти догмат религиозной этики, запрещающей познавать Бога, и заняться исследованием предмета. Схема предсказания будущего согласно этой теории проста: пророк читает мысли «Космического разума» и объявляет смертным.

Здесь же шествует идея о существовании коллективного разума, творцом которого можно назвать всех живущих людей. Мы все будто объединены подсознанием, но разделены умом. Объединение, очевидно, происходит посредством частотно-амплитудной структуры, упомянутой выше. Очень сильная мысль. Она показывает, что, кроме всех прочих влияний, которые люди производят друг на друга, есть еще бессознательные энерго-информационные воздействия. Влиять — да, но управлять? Планировать? Для этого кто-то должен быть главным. А подсознание как раз и не ведает стремления главенствовать, там нет «я». К тому же «коллективный» себя уже достаточно скомпрометировал по части управления. Здесь добра не жди. Уж не потому ли так пугает Апокалипсис?

К этому набору можно отнести и учение Лейбница о монадах — восходящей иерархии духовных субстанций, каждая из которых руководит определенным фрагментом бытия.

Наконец, упомянем загадочную гипотезу Николая Козырева, ленинградского астрофизика. Путем сложных опытов он якобы установил, что время материально и на самом деле течет из будущего в прошлое. Будущее влияет на настоящее через физические свойства времени. Отсюда подтверждение существования судьбы как элемента действительности, поскольку, как утверждал Н. Козырев, все уже есть. Не ясно только одно, где именно это все есть?

Благодаря всем этим гипотетическим построениям осваивается территория непознанного — поиски приближаются к центру, где сокрыта истина. Очевидно, скоро наука выйдет с рабочей концепцией механизма предвидения. Этот оптимизм вселяют слова Виктора Трофимовича Исакова, заведующего лабораторией информационно-энергетических взаимодействий в живых системах

Научно-коммерческого медицинского центра при АМН СССР, о том, что их коллективом уже разработана гипотеза, описывающая феномен ясновидения. Она объясняет механизм кодирования, передачи и декодирования информации. Самым парадоксальным кажется то, что, по его мнению, в основе всех явлений от телекинеза до ясновидения лежат уже известные физические взаимодействия («Московский комсомолец», 28.2.90). Любопытно отметить, что мысли современных ученых перекликаются с идеями, высказанными в глубокой древности. Так, оккультисты говорили, что каждый предмет имеет свою историю, невидимо записанную вокруг него; что каждый из нас имеет вокруг себя сияние, невидимое обыкновенному глазу; что мысль — одна из деятельнейших мировых сил и что всякая мысль любого человека роковым образом оказывает влияние на ход всего мирового развития.

Теперь существует гипотеза, что вокруг живых организмов находится голографическое изображение их внутренней структуры. С. Кирлиан в сороковых годах XX века сфотографировал свечение над телом человека и нарек его биоплазмой. Он показал, что меж живыми организмами идут энерго-информационные обмены. Похоже, стародавние мыслители открыли то, что мы открываем сегодня, но они не знали терминов и язык их был в наши времена отвергнут. Все готово к тому, чтобы сделать шаг в будущее. Какую помощь в этом может оказать рука человека? Клод де Сен-Мартен говорил: «Надо изучать природу по человеку, а не человека по природе». На ладони есть зоны, графика которых позволяет судить о состоянии здоровья родственников, друзей, знакомых, конечно, без точного диагноза, а так: здоров, болен, травмирован, умер. Причем человек, на чьей руке это обнаружено, может ничего об этом не знать. Вот наглядное, зримое подтверждение невидимой связи человека с миром. «Между всеми предметами и явлениями существует тайная связь»,— сказал философ. Но сейчас мы уже не можем приписать этой фразе только символический смысл.

Хиромантия принадлежит к оккультным дисциплинам. Воспользуемся методом аналогии, которым оперирует оккультизм в познании мира. Прервите чтение и оглядитесь: кругом масса различных предметов. Письменный стол, на нем часы, лампа, подсвечник, за окном — деревья, дома, люди, машины.

Это свет отразился от этих предметов. Обратите внимание на качество изображения. На шторах виден не только рисунок, но и фактура ткани. Свет донес до вас точнейшую копию различных поверхностей и форм. Ничего не смешивается, все имеет цвет, четкие очертания, размеры, удаление. Свет донес, и глаз принял. Что такое свет? Это поток фотонов. Фотон — это и частица, и волна, энергия его чрезвычайно мала. Но этого давления достаточно, чтобы глаз отреагировал. Но чтобы видеть, нужна фокусировка, то есть глаз проделывает со светом определенные преобразования. Но мы видим не фотоны, а предметы. Дальнейшие преобразования выполняет мозг. Он снимает копии с копий. Кроме этого, глаз (или мозг) вырезает из всего светового потока известный спектр. Мы не видим ни инфракрасных, ни ультрафиолетовых излучений, а они тоже несут копии. Свет не единственный вид энергии. Есть еще магнитные, гравитационные поля. Есть потоки разнообразных элементарных частиц — они несут копии своего уровня. Эти типы копий проницают всюду, им нет преград. Каждый фрагмент копируется. Атом, группа атомов. Молекула, группа молекул. Свой уровень — своя копия, состоящая из копий предыдущих уровней. Система последовательных укрупнений. Как в микроскопе: увеличение в 100 раз, в 200 раз, 20 000 раз, свой этаж — своя копия, открывающая бесконечную лестницу информации. Следовательно, каждый объект имеет нейтринную (пример одной из копий элементарного уровня), гравитационную, магнитную, фотонную копию и, видимо, еще ряд других, о которых мы не знаем. Вот полный объем вещи, вот она вся. И ее удаление от нас не имеет значения. Воистину — «и нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его».

Если в теле человека есть органы и системы, принимающие и обрабатывающие световые копии, то по аналогии должны быть таковые и для всех прочих копий. Паранормальные, сверхъестественные явления доказывают правоту этого заключения. А принцип копирования делает все эти явления абсолютно, полностью и совершенно естественными.

Органы, которые принимают и работают со всеми видами энергий, суть клетки человеческого тела. Предположим, мы уменьшимся до размеров электрона. Все привычные очертания мгновенно исчезнут, мы увидим податомный мир. Клетка так уменьшена, что она на равных с элементарными частицами и полями, она их «видит». Она видит все копии всего.

А мысль, что она из себя представляет по форме? Нейронные взаимодействия в мозге. Для электрона нейронные процессы — энергетическое облако, пятно с индивидуальным рисунком и весом. И, естественно, со своими магнитными, гравитационными, фотонными копиями, неповторимо заполняющими пространство. Так мысль выходит за пределы головы. Вспомним: «Каждая мысль влияет на ход мирового развития».

Что такое наши чувства на уровне элементарных частиц? Это множество копий энергетического пятна, которые простираются бесконечно. И таким образом близкий человек не удален от нас, он рядом. Вот почему мы чувствуем, что он болен или попал в беду.

Мы глядим на фотографию, и фотографическая световая копия подсоединяет нас к реальной копии, которая является ключом ко всему человеку, к его физиологии, к мыслям, чувствам. Для клетки «все обнажено». Так, видимо, ставится диагноз на расстоянии, так лечат, не касаясь.

Наш организм развивается по определенной программе — это доказано. Но программа предполагает начало и конец. Мозг знает час своей естественной смерти. Это знание в виде копий выступает за мозг. Вот вам предсказание смерти при взгляде на человека. Знание своей смерти дублируется и на ладони — вот предсказание по линиям руки. Но разве это будущее?

Вот предзнаменования смерти Юлия Цезаря: «За несколько дней до смерти Цезарь узнал, что табуны коней, которых он при переходе Рубикона посвятил Богам и отпустил пастись на воле, ...упорно отказываются от еды и проливают слезы...; гадатель Спуринна советовал ему остерегаться опасности, которая ждет его не позднее, чем в иды марта. Затем уже накануне этого дня в курию Помпея влетела птичка королек с лавровой веточкой в клюве, преследуемая стаей разных птиц... и они ее растерзали. А в последнюю ночь перед убийством ему привиделось во сне, как он летает под облаками... и Юпитер пожимает ему десницу; жене его Кальпурнии снилось, что в доме рушится крыша, что мужа закалывают у нее в объятиях; и двери их спальни внезапно сами собой распахнулись настежь». (Светоний Г. Т. «Жизнь двенадцати цезарей». М. «Наука», 1966.) Но разве это предсказания? Заговорщики — их было более шестидесяти — уже составили план — мощное энергетическое пятно в шестидесяти головах и бесчисленные копии. Вовсю шла энергетическая игра, и путем энергетических взаимодействий она проявлялась в разных средах, дублировалась в поведении животных, в расположении внутренностей при жертвоприношении, в снах, в движении предметов. Это будущее? Нет, это мысль о будущем. А мысль можно передумать. Почему же ни Юлий Цезарь, ни Клавдий, ни Калигула, ни Домициан, которому был предсказан даже день и час смерти, не сумели изменить своей участи? Ведь достаточно было отречься от престола — и смерть отодвинута. Но нет, не преодолели безумной жажды власти. И знали, и умом видели, и чувствовали, но страсть одолела. А кто из нас мог побороть минутный каприз, раздражение, гнев или упрямство? Вот и подумаем, в чьей мы власти? И кто управляет случайной смертью?

Разве человек, ставший в подворотне с топором в руках, спрятался? Разве множественные копии его агрессии не прокалывают пространство?! Разве не кричит каждый его миллиметр об опасности?! Разве клетки нашего тела не видят этого человека?! Видят! Поэтому туда попадают не все люди, а те, у кого на ладони выдавлен определенный знак.

Светоний пишет, что все из рода Цезарей, носившие имя Гай, умерли насильственной смертью! А сколько аналогичных историй было рассказано мне теми, кому я смотрел руки. Уж не передается ли насильственная смерть по наследству? Может, это болезнь? Одна моя пациентка рассказывала мне, что ноги не несли ее, когда она шла к своей подруге. В подъезде на нее напали двое... Но ведь шла, и знак есть. Болезнь? Да! Поломка механизма обработки агрессивных копий. Поломка, поскольку все рождает свои копии, дублируется на руке в виде знаков, и время указано. Мозг-то знает, когда это произойдет. И за двадцать, и за сорок лет вперед. Или такой пример: накренился балкон, еле держится, внутри конструкции уйма деформаций, но все их копии вовне. У кого механизм в порядке, тот под балконом не пройдет, у кого нет... Или треснула лопасть в турбине самолета — пространство опасно искажено; или бомба в багаже — среда изуродована смертью. Здоровый человек сдаст билет или опоздает на рейс. В самолете полетит тот, чей механизм охраны не сработал, заболел, отказал. Для нормально функционирующего механизма случайности не существует. И здоровых людей большинство. Вот почему раненых больше, чем убитых.

Но это еще не все.

Главный бухгалтер одного предприятия рассказала мне, что она дважды «видела», как ее сын попадает в автокатастрофу, и это за полгода до действительного происшествия.

Юлий Цезарь, читая у Ксенофонта о Кире, с презрением отозвался о смерти медленной и мучительной и пожелал себе смерти быстрой и неожиданной.

Лафатер, основоположник френологии, как-то заявил: «Я умру не естественной природой обусловленной смертью, а приму ее от низкого злодея, движимого животными инстинктами». Он был убит пьяным солдатом.

На человеческих руках обнаружена целая гамма знаков, указывающая вид смерти! От воды, огня, падения, холодного оружия.

Как быть? Первое объяснение. Поломка механизма охраны может быть такой, что пропускается только какой-то один вид опасности, остальные нейтрализуются и избегаются. Второе. Подавленный суицидальный синдром с предпочтением того или иного ухода. Мозг путем энергообменов и энерговзаимодействий ведет поиск подходящего варианта. А человек и не подозревает. Лишь рука выдает этот коварный замысел. Третье. Мозг огромен. Это Вселенная. Что там на самом деле происходит, никто не знает (кроме самого мозга, разумеется). В конце концов не исключено, что на базе мозга может существовать несколько личностей, которые связаны друг с другом только телом. Одна из личностей может желать смерти телу. Это желание достигает ладони в виде определенной графики.

Исследуя руки в течение тринадцати лет, я обнаружил немало людей, имевших на ладонях знаки смерти и травмы, но вовсе не умерших и не пострадавших в возрасте, отмеченном знаками. Так что же, «случайная смерть» все-таки отвратима?

Вспомним мудрого индийца и его слова о сотрудничестве Бога и человека в противодействии негативной карме (то есть поломке механизма охраны). И цитату из оккультного: человек способен расположить к себе любую из психических сущностей смирением, постом и молитвой.

Что такое Бог? Для нас это мысль о Боге. Мысль о Боге — это работа нейронов. Это энергетическое пятно. Это копии. Это взаимосвязь. Может быть, Бог — это специальная группа клеток в мозге. Возможно, только молитва возбуждает эту особую часть мозга, и всевозможные пространственные копии этого возбуждения оказывают мощное влияние на все процессы как внутри, так и вне человека.

Послушайте легенду. Бог, создав человека, призвал все силы бесплотные поклониться человеку, ибо он превосходил их всех. Чем же превосходил их человек? Волей и способностью меняться и менять все под давлением своей воли. Оккультисты утверждают, что человек может воспитать свою волю, а сильная воля защищает человека, даже когда он спит.

Человек должен знать свою судьбу, иначе он не сможет ее изменить. Рука позволяет узнать, что задумал по отношению к нам наш собственный мозг. И, если нам уготована никчемная жизнь или «случайная смерть», не уклоняться от борьбы, но принять вызов и победить.

И еще раз вернусь к вашим письмам. Да, действительно получается, что добро и зло — реальные физические взаимодействия, противоборствующие друг другу на всех этажах мироздания, от наших действий, мыслей и чувств на вещественном уровне до неисчислимых и, возможно, бесконечных гравитационных, магнитных, фотонных, нейтринных, мезонных, лептоновых и прочих копий.

Не будем же пешками в игре невидимых и скорее всего малосознательных сил, а заставим их подчиниться нашему мужеству, решимости и воле.

Владимир ФИНОГЕЕВ

ОТ РЕДАКЦИИ:

Учитывая просьбы читателей, В. Финогеев согласился провести своеобразный эксперимент, в котором могут принять участие и те, кто верит в возможность предсказаний, и те, кто относится к этому скептически. Отобранные В. Финогеевым участники с его помощью попробуют проследить на собственном опыте, существует ли какая-либо взаимосвязь между линиями руки и линиями судьбы.

Отпечаток руки майора Джона Логана.
Знак, упомянутый в статье, заключен в квадрат — это взламывание линии головы (горизонтальная серединная линия) линией судьбы (вертикальная, исходящая из основания ладони). Прочие знаки расположены на линии среднего пальца и находятся под кожей, что не передается на отпечатке.

Отпечаток руки лорда Г. Китченера.
Основной знак, по которому Кейро сделал свое предсказание, заключен в круг. Дублирующие компоненты не видны, так как они появляются при нажатии на кожу ладони и пальцев. Не пугайтесь обнаружить на своей руке сходный рисунок: сам по себе, отдельно от окружения, он еще не несет всей своей силы.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Одинаковое положение людей в обществе. 8. Город в Челябинской области. 9. Часть акта пьесы, где состав действующих лиц не меняется. 13. Рыба, способная передвигаться по суше. 14. Стихотворная форма устно-поэтического творчества монголов. 15. Советский режиссер и художник, народный артист СССР. 18. Стандартная емкость для бестарной перевозки грузов. 19. Духовой клавишный музыкальный инструмент. 20. Итальянская сосна. 21. Завод, фабрика. 24. Оконная занавеска. 25. Соцветие злаков. 26. Участок на путях сообщения. 27. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 29. Электронная лампа. 31. Периодическая смена шерсти у животных, оперения у птиц. 32. Счет с описью отправленного товара. 33. Цитата, изречение перед текстом художественного произведения. 34. Основной закон государства.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Небольшое самоходное судно. 2. Суждение. 3. Животное семейства дельфиновых, единорог. 4. Мексиканский живописец и общественный деятель. 6. Объединение промышленных предприятий. 7. Минеральный пигмент, синяя краска. 10. Истолкование, объяснение. 11. Изготовление образца изделия. 12. Раздел математики. 16. Международный договор по специальному вопросу. 17. Создавшееся общее мнение, общественная оценка. 22. Международный орган по мирному разрешению споров между государствами. 23. Почва степных и пустынных зон. 28. Ученый-физик, первый президент Международной демократической федерации женщин, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 29. Путешественник, спортсмен. 30. Озеро в Восточной Сибири. 31. Бурый уголь.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД № 40

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. «Шахнаме». 8. Изодром. 9. Рассудок. 10. Проблема. 14. Триплекс. 16. Портье. 18. Студия. 19. Филателист. 21. Орфография. 23. Крылов. 24. Рюкзак. 25. Бриндизи. 29. Симфония. 30. Гаврилов. 31. Коттедж. 32. Одинцов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Караугом. 2. Батут. 3. Ремонт. 4. Цитрус. 5. Колба. 6. Норматив. 11. Филармония. 12. Реализация. 13. Штепсель. 15. Туристка. 17. Ефимов. 18. Столяр. 20. Трофимов. 22. Радиолог. 25. Бриджи. 26. «Иванов». 27. Лосев. 28. Круиз.

СВОБОДНАЯ ПОДПИСКА НА СВОБОДНЫЙ

ОГОНЁК

ЦЕНА ПОДПИСКИ НА 1991 ГОД — 46 РУБ. 80 КОП.
НА ПОЛГОДА — 23 РУБ. 40 КОП.
НА КВАРТАЛ — 11 РУБ. 70 КОП.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ!

ЦЕНА ОДНОГО НОМЕРА В РОЗНИЦУ С 1991 ГОДА — 1 РУБЛЬ.

40 коп. Индекс 70663